

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК В СРАВНИТЕЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

А. И. Изотов

ББК 81-922
ИЗ87

Рецензенты:

кандидат филологических наук *А.С. Новикова*,
доцент кафедры славянской филологии филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

кандидат филологических наук *В.К. Казарян*,
доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Изотов Андрей Иванович

ИЗ87 **Старославянский язык в сравнительно-историческом освещении:**
Учебное пособие. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010.

ISBN 978–5–91172–025–2

В основу настоящего пособия лег обработанный материал лекционного курса «Старославянский язык в сравнительно-историческом освещении», читаемого автором для студентов различных отделений филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в рамках специализации «Сравнительно-историческое языкознание», предусматривающей изучение старославянского языка в числе «ключевых» языков наряду с санскритом, древнегреческим, латынью, готским и т.д.

Пособие охватывает основные разделы курса «Старославянский язык», традиционно изучаемого русистами и славистами в качестве одной из фундаментальных филологических дисциплин, при этом фонетика и морфология старославянского языка подаются в сравнительно-исторической перспективе – от позднего праиндоевропейского языка до языка богослужения Русской православной церкви. Материал пособия может быть использован также при подготовке курсов «Введение в славянскую филологию» и «Сравнительно-историческая грамматика славянских языков».

Предназначается для учащихся высших учебных заведений, а также для всех желающих ознакомиться со старославянским (древнецерковнославянским) и современным церковнославянским языком.

119180, Москва, Б. Полянка, 50/1, строение 2
Издательский центр «Азбуковник»
Лицензия № 00728 от 17.01.2000

ББК 81-922

ISBN 978–5–91172–025–2

© А.И. Изотов, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ВВЕДЕНИЕ	7
Старославянский язык. Близкие термины	7
Славянские языки и народы	11
Обособление славян от других индоевропейцев	14
Древние историки о славянах	16
Данные археологии	18
Данные топонимики	19
«Повесть временных лет» о славянах	20
Соседи славян	20
Современные точки зрения на происхождение и прародину славян	23
ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК	26
Периодизация праславянского языка и проблема балто-славянского взаимодействия	26
Звуковой состав раннего праславянского языка	28
Древнейшая структура слога, интонация, ударение	31
Отношение праславянского вокализма к индоевропейскому	32
Отношение праславянского консонантизма к индоевропейскому	33
Балто-славянский языковой союз	36
Утрата слоговости сонантами	36
Действие «закона Педерсена»	38
Особые случаи появления [x]	41
Изменение [m] > [n] в конце слога	44
Распад балто-славянского языкового союза	44
Изменение согласных перед [j]. Первая палатализация задненёбных согласных	44
Изменение гласных [ū]>[ī], [ǔ]>[ī], [ō]>[ě] после мягких согласных	47
История гласного [ē]. Сокращение долгих гласных в составе дифтонгических сочетаний	47
Изменение гласных [ū]>[y̆], [ǔ]>[y̆], [ī]>[ь]	47
«Закон открытого слога»	48
Изменение слогораздела	48
Утрата конечных согласных	48
Протетические звуки	49
Судьба новых сочетаний согласных, появившихся в результате изменения слогораздела	49
Монофтонгизация дифтонгических сочетаний	50
Вторая палатализация задненёбных согласных	52
Третья палатализация задненёбных согласных	54
Древнейшие праславянские изоглоссы	55
Западный и восточный диалектные массивы	55

Болгаро-лехитская изоглоссная область	55
Восточнославянско-лехитская изоглоссная область	57
Период распада славянского языкового единства	60
Сокращение долгих гласных	60
Позиционные изменения сверхкратких гласных	61
Появление новых ударений	62
Смягчение согласных перед гласными переднего ряда	63
Деназализация носовых гласных	65
Выпадение интервокального [j]	67
Судьба сверхкратких гласных	67
ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ У СЛАВЯН	71
Деятельность Кирилла и Мефодия	71
Проблема диалектной основы старославянского языка	78
Кириллица и глаголица	80
Числовое значение букв. Надстрочные знаки. Знаки препинания	85
Памятники старославянского языка	88
Основные типы славянского евангелия	88
Старославянские памятники иных жанров	91
Древнейшие славянские надписи	92
ФОНЕТИКА	94
Фонетическая система старославянского языка IX века	94
Закон открытого слога	94
Закон слогового сингармонизма	96
Гласные	96
Слоговые плавные	98
Согласные	100
Изменения в фонетической системе старославянского языка, зафиксированные памятниками XI века	102
«Падение редуцированных»	102
Прочие изменения	103
МОРФОЛОГИЯ	105
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ	105
Склонение существительных с праславянской основой на -ā-	108
Склонение существительных с праславянской основой на -ǫ-	116
Склонение существительных с праславянской основой на -ǫ-	120
Склонение существительных с праславянской основой на -ī-	122
Склонение существительных с праславянской основой на согласный	124
Склонение существительных с праславянскими основами на -ǫ-	127
ГЛАГОЛ	131

Настоящее время	131
Аорист	136
Имперфект	139
Перфект	141
Плюсквамперфект	142
Сослагательное наклонение	143
Повелительное наклонение	144
Инфинитив и супин	146
Причастия	147
Действительные причастия настоящего времени	147
Действительные причастия прошедшего времени	149
Эловые причастия (действительные причастия прошедшего времени II)	150
Страдательные причастия настоящего времени	151
Страдательные причастия прошедшего времени	152
МЕСТОИМЕНИЕ	154
ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ	159
ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ	168
НАРЕЧИЕ	172
ПРЕДЛОГ	174
СОЮЗЫ И ЧАСТИЦЫ	175
ТЕКСТЫ ДЛЯ АНАЛИЗА	176
СТАРΟΣЛАВЯНСКИЕ ТЕКСТЫ	176
Сказание о письменах черноризца Храбра	176
Зографское евангелие	178
Мариинское евангелие	179
Ассеманиево евангелие	180
Синайский требник	181
Саввина книга	182
Остромирово евангелие	182
Параллельный текст Мариинского и Остромирова евангелий	184
Туровское евангелие	185
СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЕ ТЕКСТЫ	187
Отрывки из Евангелия от Матфея	187
VIBLIOGRAPHY	195

*Светлой памяти А.М. Селищева
и его учеников
С.Б. Бернштейна и А.Г. Широковой,
возродивших славистику
в Московском университете*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курс «Старославянский язык» наряду с курсом «Введение в славянскую филологию» является фундаментом общеславянистической подготовки славистов и русистов.

В основу настоящего пособия лег обработанный материал лекционного курса «Старославянский язык в сравнительно-историческом освещении», читаемого автором для студентов различных отделений филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в рамках специализации «Сравнительно-историческое языкознание», предусматривающей изучение старославянского языка в числе «ключевых» языков наряду с санскритом, древнегреческим, латынью, готским и т.д.

Пособие охватывает основные разделы курса «Старославянский язык», традиционно изучаемого русистами и славистами в качестве одной из базовых филологических дисциплин, при этом фонетика и морфология старославянского языка подаются в сравнительно-исторической перспективе – от позднего праиндоевропейского языка до языка богослужения Русской православной церкви. Тем самым материал пособия может быть использован также при подготовке курсов «Введение в славянскую филологию» и «Сравнительно-историческая грамматика славянских языков».

Автор благодарен рецензентам и всем проявившим интерес к рукописи коллегам за ценные замечания.

ВВЕДЕНИЕ

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК. БЛИЗКИЕ ТЕРМИНЫ

В сложившейся отечественной традиции **старославянским** языком принято называть язык древнейших славянских переводов богослужебных текстов с греческого, выполненных в IX веке святыми равноапостольными братьями Константином (Кириллом) и Мефодием, а также их учениками и реконструированным на основе более поздних текстов (в основном относящихся к XI веку). Именно этот реконструированный книжно-литературный язык в сравнительно-исторической ретроспективе описывается в большинстве существующих учебников (учебных пособий) по одноименной учебной дисциплине и изучается будущими русистами и славистами¹.

Под влиянием живой речи болгарских, сербских и древнерусских книжников постепенно возникали региональные разновидности этого некогда единого книжно-литературного языка, которые опять же в отечественной лингвистической традиции принято называть **церковнославянским** языком соответственно болгарского, сербского или русского извода, ср.: «Изводы церковно-славянского² языка – это исторически засвидетельствованные региональные разновидности межнационального книжного языка славян, употреблявшегося в ряде славянских стран вплоть до XVIII в.» [Новикова 1993: 10].

Некоторые авторитетные исследователи используют наряду с термином «**извод церковнославянского языка**» термин «**редакция церковнославянского языка**» в качестве синонимического, см.

¹ Существует и традиция описания не реконструированного, а реально фиксируемого древнейшими сохранившимися памятниками славянской письменности состояния грамматики и лексики – отметим многократно переиздававшуюся классическую работу А. Вайана «Руководство по старославянскому языку» (André Vaillant. Manuel du Vieux Slave), а также «Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков)» под редакцией Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой, подготовленный совместно сотрудниками Академии наук Чешской республики и Российской Академии наук (М.: Русский язык, 1994) и четырехтомный «Словарь старославянского языка», издаваемый Чехословацкой, а затем Чешской Академией наук в период с 1966 по 1997 гг. и репринтно переизданный в 2006 году в издательстве С.-Петербургского университета.

² К сожалению, существует разноречивость в написании данного термина (слитно или через дефис), вплоть до того, что один и тот же популярный современный учебник А.А. Плетневой и А.Г. Кравецкого был издан в 1996 году под названием «Церковно-славянский язык» (через дефис), а в 2001 году – уже в огласовке «Церковнославянский язык» (слитно), см. [Плетнева, Кравецкий 1996; 2001]. В целом же вариант «церковнославянский» (слитно) преобладает в академической литературе, вариант «церковно-славянский» (через дефис) – в литературе церковной.

[Хабургаев 1986: 5], [Живов 2001: 20]. Существуют, однако, и попытки эти термины разграничивать, когда под «редакцией» понимается результат сознательной деятельности (например, результат осуществленной по инициативе патриарха Никона «книжной справы»), а под «изводом» – то, что сложилось стихийно³.

В отечественной церковной традиции церковнославянский язык часто называют просто **славянским**⁴ языком, см., например, название статьи известного философа и историка религии Г.П. Федотова (1886-1951) «Славянский или русский язык в богослужении».

Председатель Советского, а затем и Российского комитета славистов академик Н.И. Толстой ввел в употребление и активно пропагандировал термин **древнеславянский** язык, ср.:

«История древнеславянского литературного языка может быть представлена с опущением всех деталей в следующей весьма предварительной периодизации:

I период: IX–X, отчасти XI в. – ранний древнеславянский литературный язык – старославянский язык. Эпицентр: Македония, Восточная Болгария.

II период: XII–XVI вв. – средний древнеславянский язык;

а) XII–XIII вв. – известная децентрализация;

б) XIV–XV вв. – централизация. Центры: тырновская школа, ресавская школа. "Второе южнославянское влияние" на Руси;

в) конец XV–XVI вв. – смещение центров. Центры: Западная Русь, Москва. Начало децентрализации. Вторая половина XVI в. – выход из сферы древнеславянского литературного языка части канонической и церковно-проповеднической литературы в отдельных локальных ареалах (Пересопницкое евангелие, дамаскины).

III период: XVII–XVIII вв. – поздний древнеславянский литературный язык:

а) XVII в. – децентрализация. Параллельное развитие "ареальных" и "локальных" литературных языков вне сферы древнеславянского литературного языка. Центры: Киев, Вильна, Москва;

б) XVII в. – последняя централизация под влиянием древнеславянского литературного языка позднего русского типа. Центр: Москва. <...>

Нами принят вместо широко распространенного термина "церковнославянский язык" термин "древнеславянский" потому, что церковнославянский язык функционировал не только в церковной

³ А.С. Новикова в личной беседе.

⁴ В старой огласовке – **славенским**, см. например, часто цитируемую в школьных учебниках работу М.В. Ломоносова «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке».

сфере, а значительно шире и в древности чаще всего имел название просто "словенский"» [Толстой 1988: 47-48].

Нельзя, однако, не отметить, что термины «старославянский язык» или «древнеславянский язык» не вполне удачны в том плане, что речь отнюдь не идет о языке «старых / древних славян», то есть о языке, на котором когда-то в древности говорили предки нынешних славян, т.е. чехов, поляков⁵, сербов, украинцев, русских и т.д. (такой язык принято называть «праславянским» или «общеславянским»⁶). Во времена Кирилла и Мефодия праславянский язык уже не представлял единства и диалекты солунских славян, которые предположительно легли в основу «старославянского» языка, довольно существенно отличались от диалектов, на которых говорило большинство существовавших тогда славянских племен (см. «Древнейшие праславянские изоглоссы»). Кроме того, Кирилл и Мефодий не просто зафиксировали нечто уже существующее, им пришлось **создавать** язык, который мог бы выразить по крайней мере основные смыслы, передаваемые греческими богослужебными текстами. Такой язык братья и их ученики создавали на основе известных им славянских диалектов, насыщая эти диалекты греческой лексикой, приписывая уже существующим славянским словам и выражениям новые значения – лексические и грамматические, внедряя в славянский текст не свойственные для него греческие конструкции⁷.

⁵ К сожалению, в отечественной палеославистике явственно прослеживается традиция игнорирования западных славян, а ведь абсолютное большинство (35 из пяти десятков с небольшим) славянских инкунабул, то есть славянских книг, напечатанных до 1500 года, – чешские, см. [Супрун 306-309]. Весьма показательна в этом плане оговорка В.М. Живова, назвавшего Острожскую Библию (1581 г.) «первопечатной славянской Библией» [Живов 2001: 21], тогда как настоящая первопечатная славянская Библия (полная Библия на чешском языке) появилась в Праге почти на сто лет раньше – в 1488 г., см. [Супрун 1989: 307].

⁶ О соотношении данных терминов см. в главе «Праславянский язык».

⁷ Весьма показательна в этом плане развитая система причастных формантов, унаследованная русским языком из церковнославянского (для причастий настоящего и прошедшего времени, действительного и страдательного залога, ср. *делающий*, *(с)делающий*, *делаемый*, *(с)деланный*). Если не считать белорусского языка, в случае с которым влияние церковнославянского и русского очевидно, такую систему причастных формантов мы не найдем ни в одном современном славянском языке. Ничего подобного нет ни в болгарском, ни в македонском, а ведь речь идет вроде бы о языках непосредственных потомков солунских славян и их соседей. В современном македонском вообще представлен единственный причастный формант *-и/-т*, в силу этого не охарактеризованный ни по времени, ни по залогу, см. [Усикова 1985: 108-109]. Совершенно иные, нежели в русском, системы причастий представлены в чешском, словацком и польском языках, см. [Изотов 1993], [Horecký 1973], [Bartnicka 1970].

Гораздо более удачной поэтому представляется концепция академика Ф.В. Мареша⁸, изложенная им на организованных Московской патриархией юбилейных научных конференциях 1988 и 1989 годов⁹, в соответствии с которой в рамках единого **церковнославянского** языка выделяется **древнецерковнославянский** язык (то, что у нас принято называть старославянским языком), среднецерковнославянский язык и **новоцерковнославянский** язык, то есть язык современного богослужения, существующий в нескольких вариантах:

- русский тип, используемый как литургический язык в богослужении византийского обряда;
- хорватский тип, используемый в богослужении римского обряда у хорватов;
- чешский тип, употребляемый с 1972 года в римском обряде у чехов.

Не говоря уже о том, что данная концепция находится в полном соответствии и с отечественной дореволюционной, и с зарубежной традициями, согласно которым язык кирилло-мефодиевских переводов обозначается как **древнецерковнославянский** (ср. англ. Old Church Slavonic и нем. Altkirchenslawisch¹⁰), термин **церковнославянский** язык в наибольшей степени соответствует его основной, а порой и единственной функции – литургической, ведь речь идет о языке, изначально созданном для нужд церкви. Обычное для отечественных учебников напоминание, что «язык, зафиксированный в древнейших славянских христианских (переводных) текстах, с самого начала использовался не только как язык церкви, но и как язык науки и литературы» [Хабургаев 1986: 6], вряд ли можно рассматривать как серьезное возражение против термина «церковнославянский язык», ведь и английский язык является родным не только для англичан (в одних США жителей в пять раз больше, чем во всей Великобритании, а ведь есть еще и другие англоязычные страны). О том, для чего «с самого начала» использовался «старославянский» язык, свидетельствует и стандартный список древнейших славянских ру-

⁸ Известный чешский палеославист František Václav Mareš (1922-1994) в 1968-1993 годы заведовал кафедрой славистики Венского университета, до самой своей смерти возглавлял Комиссию по церковнославянскому языку Международного комитета славистов.

⁹ Посвященных соответственно 1000-летию крещения Руси и 400-летию учреждения патриаршества в Москве. Знакомству с Ф.В. Марешем автор пособия обязан декану Гуситского теологического факультета Карлова университета в Праге профессору Я.Б. Лашеку, участвующему в обеих конференциях.

¹⁰ В старых работах более распространен вариант Altkirchenslawisch.

кописей (см. тот же [Хабургаев 1986: 6-38]), среди которых нет ни одной, не относящейся к религиозной сфере¹¹.

В XIX–начале XX вв. наряду с термином «древнецерковнославянский язык» был принят термин «древнеболгарский язык», ср., например, название классического учебника (грамматика, тексты, словарь) [Лескинъ 1915]. В настоящее время этот термин (**старобългарски език**) используется прежде всего болгарскими исследователями, хотя и не только ими, ср. [Aitzetmüller 1978].

Недостатком данного термина, как и термина «древнемакедонский язык» (**старомакедонски јазик**) в том же значении, является нежелательная терминологическая омонимия, ведь язык кирилло-мефодиевских переводов не имеет ни малейшего отношения ни к настоящему древнеболгарскому языку – тюркскому языку древних булгар до их прихода на Балканы, ни к настоящему древнемакедонскому – диалекту древнегреческого языка 1-го тысячелетия до н.э., см. [Нерознак 1978].

Термины «древнеболгарский» и «древнемакедонский» могут использоваться, впрочем, для противопоставления *д и а л е к т о в* старославянского языка, ср. название соответствующего параграфа («Диалекты старославянского языка» в монументальной работе А. Вайана¹²).

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ И НАРОДЫ

По остроумному наблюдению современного исследователя, «никаких других оснований, кроме сугубо лингвистических, для выделения славяноведению в особую науку мы не имеем: нет единого государства, отсутствует стойкое единство геополитических интересов, нет единой культуры, религии и т.д.» [Соколянский 2004: 13].

¹¹ Мы ни в коей мере не рассматриваем данное наше возражение как упрек исследователям, создававшим превосходные работы в обстоятельствах агрессивного государственного атеизма. Пусть уж лучше церковнославянский язык изучается под видом «старославянского» или «древнеславянского», чем никак.

¹² Ср.: Создатели письменного языка Кирилл и Мефодий происходили из западной Македонии (с. Салоники); там же (в районе Охрида) действовала и школа Климента; таким образом, можно сказать, что старославянский язык – это прежде всего язык древнемакедонский. Однако поскольку столицей болгарского государства Симеона и Петра был Преславль, в восточной Болгарии, то старославянский язык, естественно, получил здесь несколько иную форму и стал древнеболгарским литературным языком. Позднее, когда центр болгарского государства переместился в Охрид, древнемакедонский язык одержал верх.

Различия между древнемакедонским и древнеболгарским языками не являются значительными, но все же заметны; больше всего их в словаре, а также в грамматике. Наглядно выступают они в том случае, когда один и тот же текст представлен в двух вариантах <...> [Вайан 2009: 17-18].

Действительно, славяне никогда не входили в состав одного государства, никогда, если не считать доисторического «единства в язычестве», не составляли и конфессионального единства: часть славян приняла христианство по западному, часть – по восточному обряду¹³, некоторые из них в дальнейшем стали протестантами, а некоторые перешли в ислам.

Весьма условно можно говорить и об общности происхождения, учитывая тюркскую (то есть неславянскую) основу болгарского этноса¹⁴, а также неславянскую составляющую **крупнейшего** славянского этноса – русского. Один из наиболее видных филологов XX века Н.С. Трубецкой рассматривал русскую культуру и русский этнос как синтез славянского и тюркского начала, а российскую государственность – как продолжение империи чингизидов, ср.: «Таким образом, в исторической перспективе то современное государство, которое можно назвать и Россией, и СССР (дело не в названии), есть

¹³ Вплоть до Великой схизмы 1054 года, когда папа римский и константинопольский патриарх предали друг друга анафеме, формально продолжал действовать принцип «пяти чувств одного тела», когда пять патриархов – римский, константинопольский, антиохийский, александрийский, иерусалимский – составляли **единое тело Церкви**. Эта церковь была «католической», то есть «всеобщей, соборной» (греч. καθολικός, заимствованное в латинский язык как catholicus, значит «всеобщий, всемирный, вселенский»), так как охватывала, с точки зрения средневекового европейца, весь мир (с точки зрения античного и средневекового сознания Ойкумена кончается там, где кончается «своя» цивилизация; за пределами лежит первородный Хаос и дикари, которых надо или уничтожить, или цивилизовать, то есть сделать такими же, как «цивилизатор»). И эта же церковь называла себя «православной», так как противостояла тем христианским общинам (например, армянам или ассирийцам), которые верили «неправильно» ('орθός значит «прямой; правильный», ср. орфография – «правописание»; δόξα – «мнение, представление, предположение»; греч. ἑκκλησία ὀρθόδοξα, заимствованное в латинский язык как ecclesia orthodoxa, буквально значит «имеющая правильную веру церковь»). После 1054 одни христиане предпочли продолжать называть свою Церковь «всемирной, всеобщей» («католической»), другие – «православной», см. [Полный православный ...], а также [Вейсмань 1899].

Тем не менее различия в обрядовости на территориях, церковно подчиненных Риму или Константинополю, существовали и ранее (например, одни вели богослужение на латыни, а другие – на греческом), намечались и некоторые догматические различия (прежде всего об исхождении Святого Духа – т.н. filioque).

¹⁴ Около 370 года тюркское племя протоболгар покидает Среднюю Азию и вместе с гуннами появляется в Европе. Отступив вместе с гуннами же, оно поселяется около 460 года в северном Приазовье, образовав к началу VII века могущественный военно-племенной союз, известный по византийским источникам как «Великая Булгария». Третий сын хана Великой Булгарии Курбата хан Аспарух ведет часть своих соотечественников на запад и, разбив армию византийского императора Константина IV, заключает в 681 году мир с Византией на своих условиях, основав тем самым так называемое «Первое Болгарское царство» (681-1018). Смешавшись с местным славянским населением, завоеватели приняли его язык и дали имя новому славянскому этносу – болгарам. [Encyclopaedia Britannica 2002: Bulgar].

часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом»¹⁵. О значительно более значимых, чем принято считать, взаимных контактах восточных славян и половцев убедительно пишет Олжас Сулейменов, обе диссертации которого (защищенная кандидатская и не защищенная по политическим причинам докторская) были посвящены анализу «Слова о полку Игореве», см. [Сулейменов 2005].

Итак, славяне представляют собой группу народов, объединенных прежде всего близостью их языков.

Славянские языки – пятая в мире (после китайской, индийской, германской и романской) и первая в Европе по распространенности группа языков¹⁶. Компактно проживающие славяне занимают сегодня обширные территории в Европе и Азии; в Австралии и обеих Америках существуют многочисленные славянские диаспоры. Точное число славян вряд ли может быть установлено, учитывая неопределенность данных (прежде всего неопределенность данных по неславянским странам), однако авторитетные источники определяют их численность в современном мире как близкую к 300 миллионам человек¹⁷, при этом принято говорить о **восточных славянах** (русские, украинцы, белорусы), о **западных славянах** (поляки, чехи, словаки, лужицкие сербы) и о **южных славянах** (сербы, хорваты, бошняки¹⁸, черногорцы, словенцы, болгары, македонцы).

В конце XX века их численность определялась следующим образом (приводятся в порядке убывания по данным [Супрун 1989: 13]):

¹⁵ См.: [Трубецкой 1995: 213]. Весьма примечательно в этом плане созданная скрывающимися под псевдонимом «Хольм ван Зайчик» Игорем Алимовым и Вячеславом Рыбаковым в жанре «исторического fantasy» серия романов о не распавшейся в свое время и процветающей теперь империи чингизидов («Дело жадного варвара» и еще шесть сиквелов).

¹⁶ Романские и германские языки «опередили» славян в мировом масштабе за счет огромного (и продолжающего расти) населения США и Латинской Америки.

¹⁷ См. [Лингвистический... 1990], [Русский язык 1997]. В смешанных семьях, которых в многонациональных государствах немало, этническая принадлежность детей, а иногда и взрослых может определяться неодинаково, в особенности теперь, когда решающим фактором при определении национальности является **этническое самосознание**, а не расовая или религиозная принадлежность. И Пушкин, и Бродский – русские поэты, сколько бы неславянской крови ни текло в их жилах.

Нельзя забывать и политическую конъюнктуру. Например, еще относительно недавно македонцев включали в число болгар или греков. Многие граждане Югославии определяли свою национальность не как «серб», «хорват» и т.д., а как «югослав».

¹⁸ Жителей Боснии, предки которых сотни лет назад приняли ислам, в социалистической Югославии называли «мусульманами», а сейчас называют «бошняками». Термин «босниец» не вполне удачен, так как более половины населения современной Боснии и Герцоговины (а именно коренных жителей Боснии логично называть «боснийцами») составляют не бошняки, а сербы и хорваты, ср. [Encyclopaedia Britannica 2002: Bosnia and Herzegovina].

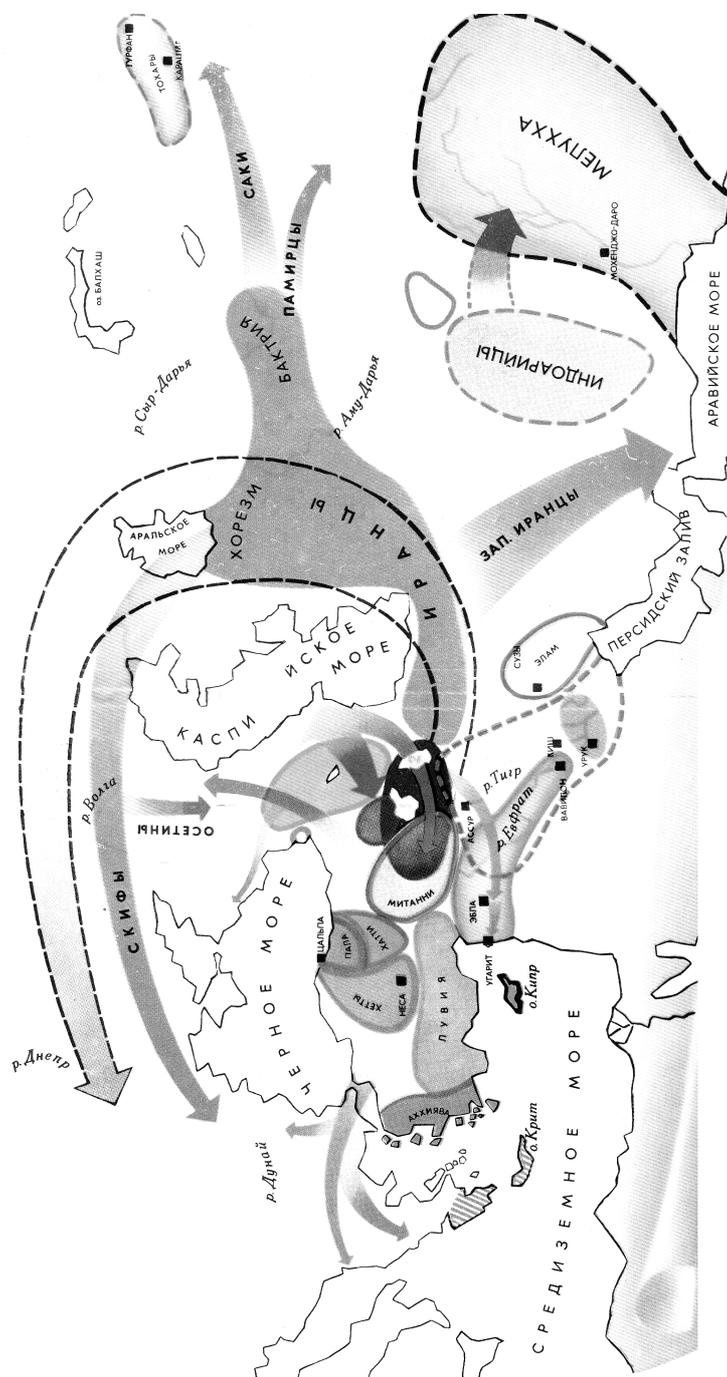
русские	143 миллиона
украинцы	45 миллионов
поляки	43 миллиона
белорусы	10,5 миллионов
чехи	10,4 миллионов
сербы	9,5 миллионов
болгары	8,5 миллионов
словаки	5,5 миллионов
хорваты	5,5 миллионов
бошняки	2,1 миллионов
словенцы	2,1 миллионов
македонцы	1,6 миллионов
черногорцы	600 тысяч
лужицкие сербы	100 тысяч

Все названные славянские народы, кроме лужицких сербов, обладают своей государственностью, приобретение которой было порой весьма болезненным процессом, вспомним трагические события, связанные с распадом Югославии.

ОБОСОБЛЕНИЕ СЛАВЯН ОТ ДРУГИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Выделившись из заселяющих Евразию индоевропейских племен, славянские племена к середине I тысячелетия нашей эры занимают территорию, ограниченную Одером на западе, Днепром на востоке, Балтийским морем на севере и Карпатами на юге. О том, где и при каких обстоятельствах происходило формирование славянской прародины, мы можем судить на основании как собственно лингвистических данных, так и данных исторических.

По мнению видных исследователей индоевропейской проблематики Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, прародина индоевропейцев находилась на территории современной Турции, откуда они около 6 тысяч лет назад начинают свое освоение Евразийского континента: предки греков – на запад, через Малую Азию и проливы на Пелопоннес, предки армян остаются на долгое время в Анатолии, основная же масса индоевропейцев движется на восток, на территорию современных Ирана и Туркмении, где их пути еще раз расходятся: одни продолжают движение на восток (тохары), другие сворачивают к югу, в Индию, третьи, обойдя с севера Каспийское и Черное море, движутся в Европу, см. предлагаемую далее схему миграции носителей индоевропейских диалектов, взятую из [Гамкрелидзе, Иванов 1984. Т. II: 956-957].

Впрочем, есть и другие авторитетные мнения по поводу прародины индоевропейцев. В частности, И.М. Дьяконов, ищущий прародину индоевропейцев в Европе, выдвинул против концепции Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова ряд серьёзных возражений, см. [Дьяконов 1982]. Противником так называемой «анатолийской гипотезы» является и один из ведущих современных археологов Джеймс Патрик Мэллори, см. [Mallory 1989], [Mallory, Adams 2006].

О иных современных гипотезах относительно прародины индоевропейцев см. [Бурлак, Старостин 2005: 269].

ДРЕВНИЕ ИСТОРИКИ О СЛАВЯНАХ

Первые достоверные сведения о славянах относятся лишь к периоду Великого переселения народов¹⁹, когда окружающие славян племена пришли в движение, вовлекая в это движение и их самих.

Многие исследователи поддавались искушению видеть славян в племенах, упоминаемых в тексте знаменитой «Истории» **Геродота** (Ἡρόδοτος; род. ок. 484 до н.э.; умер ок. 430-420 до н.э.) – монументальном труде, за который Цицерон назвал автора «отцом истории» (pater historiae). Так, Л. Нидерле пытался связать со славянами **будиннов** и **нервов** [Нидерле 2000: 31]. Академик Б.А. Рыбаков видел славян в **сколотах** [Рыбаков 1984: 26-27], хотя это слово («сколоты») встречается у Геродота лишь единожды, причем в совершенно далеком от славянского контексте – как родовое наименование **скифов**²⁰, ср.: «Все племена вместе называются сколотами, т.е. царскими. Эллины же зовут их скифами» [Геродот 1999: 237].

Жившие в I-II веках нашей эры римские авторы **Гай Плиний Старший** (Gaius Plinius Secundus; род. 23 н.э.; ум. 79 н.э.) и **Публий Корнелий Тацит** (Publius Cornelius Tacitus; род. 56 н.э.; ум. около 120 н.э.) упоминают о народе **венедов**, живущем между Карпатами и Балтийским морем. Поскольку в Германии **вендами** (Wenden) называли лужицких сербов и славян вообще²¹, а **вятичи** (восстанавливаемый праславянский корень *vent-) упомянуты в «Повести вре-

¹⁹ Обычно начало Великого переселения народов связывают с нашествием гуннов 375 года н.э., однако иногда отмечается и более ранние события – движение германских племен к рейнской и дунайской границам Римской империи во второй половине II века, ср. [Ottova encyclopedie: Stěhování národů].

²⁰ Скифы – иранские племена, переселившиеся в 8-7 веке до н.э. из Средней Азии в причерноморские степи [Encyclopaedia Britannica 2002: Scythian].

²¹ Ср. [Ottova encyclopedie: Wenden], [Encyclopaedia Britannica 2002: Wend]. В некоторых языках балтийского региона похожим словом называют русских: venaja (финский), vene (эстонский), venea (карельский), см. [Соколянский 2004: 124].

менных лет» в числе славянских племен²², принято считать, что речь действительно идет о славянах. С другой стороны, **Юлий Цезарь** (Gaius Julius Caesar; род. 100 до н.э.; ум. 44 н.э.) в «Записках о галльской войне» неоднократно упоминает **венетов**, относя их к числу галлов (венеты «превосходят остальных галлов знанием морского дела и опытностью в нем» [Записки... 1993: 58]). Не является славянским и иллирийское племя **венетов**, давших имя городу Венеция. С.Б. Бернштейн предполагает, что венеды могли быть неславянским народом, которые, однако, к I веку «уже забыли свой родной язык и говорили только по-славянски» [Бернштейн 1961: 67].

В VI веке в латинском сочинении готского историка Иордана (Jordanes) «О происхождении и деяниях гетов²³» (De origine actibusque Getarum = Getica) появляются достоверные сведения о славянах, которых тот называет **склавенами**:

«Начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многочисленное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами.

Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север – до Висклы; вместо городов у них болота и леса. Анты же – сильнейшие из обоих [племен] – распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину...» [Иордан 2000: 67].

Весьма выразительную характеристику славянам дает византийский историк **Прокопий Кесарийский** (лат. Procopius; род. между 490 и 507 г н.э.): «Эти племена, славяне²⁴ и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. <...> Они почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют место жительства. Вступая в битву, большинство из них

²² «Были ведь два брата у ляхов – Радим, а другой Вятко; и пришли и сели; Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи». [Повесть... 1996: 146].

²³ Иордан путает гетов и готов – два совершенно разных народа. Первые – фракийского происхождения, вторые – германского.

²⁴ Σκλαβηνοί, см. [Ottova encyclopedie: Prokopius]

идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение. У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. <...> Они живут, занимая большую часть берега Истра, по ту сторону реки» [Прокопий 1950: 297-298].

Славяне упомянуты в трактате по военному делу «Стратегикон», приписываемому византийскому императору **Маврицию** (Mauricius), ср.: «Племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в собственной стране» [Свод... 1994. Т. I: 369]. Автор описывает вооружение и военную стратегию славян: «Каждый мужчина вооружен двумя небольшими копьями, а некоторые из них и щитами, крепкими, но труднопереносимыми. Пользуются они также деревянными луками и небольшими стрелами, намазанными отравляющим веществом... <...> Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показываться в местах открытых и ровных не желают. Если же и придется им отважиться при случае на сражение, они с криком все вместе понемногу продвигаются вперед. И если неприятели поддаются их крику, стремительно нападают; если же нет, прекращают крик и, не стремясь испытать в рукопашной силу своих врагов, убегают в леса, имея там большое преимущество, поскольку умеют сражаться подобающим образом в теснинах» [Свод... 1994. Т. I: 369, 371].

Епископ **Иоанн Эфесский** (507-586) пишет о славянах как о постоянной угрозе и, в частности, описывает славянское нападение на Византию в 578 году: «И прошли они стремительно через всю Элладу, по пределам Фессалоники и Фракии всей. Они захватили много городов и крепостей: они опустошали, и жгли, и захватывали в плен, и стали властвовать на земле, и живут на ней, властвуя, как на своей собственной, без страха...» [Свод... 1994. Т. I: 279].

ДАнные археологии

В период, предшествующий выходу славян на историческую сцену, в Центральной Европе было представлено несколько значительных археологических культур, некоторые из которых связываются со становлением славянских племен.

Это **тшцинецкая культура** (территория, ограниченная рекой Вартой на западе и рекой Сейм на востоке между 50 и 52° северной

широты), относящаяся к XVI-X векам до н.э., **лужицкая культура** (от Балтийского моря до Дуная за Судеты и Карпаты, от средней и верхней Эльбы до Волыни) XIII-II веков до н.э., **милоградская культура** VII-III веков до н.э. на юге нынешней Белоруссии и севере нынешней Украины, **зарубинецкая культура** под Киевом (III век до н.э. – III век н.э.), **пшеворская культура** в южной и центральной Польше (II век до н.э. – V век н.э.), **пражская археологическая культура** V-VIII веков н.э.

По свидетельству академика В.В. Седова, «славянские древности V-VII вв. известны на обширной территории Средней и Восточной Европы – от Эльбы на западе до Днепра и Волхова на востоке и от побережья Балтийского моря на севере до Балканского полуострова и Пелопоннеса на юге. Важнейшими этнографическими признаками культуры славян того времени являются лепная глиняная посуда, домостроительство и погребальная обрядность» [Седов 1979].

Таким образом, хотя археологические данные и указывают на некоторые славянские ареалы, указания эти нуждаются для своей интерпретации в сравнении с другими данными.

ДАННЫЕ ТОПОНИМИКИ

Названия водных объектов (гидронимы) считаются применительно к древнейшему периоду более ценными, чем названия населенных пунктов (ойконимы), так как реки и озера появляются и исчезают значительно медленнее, чем деревни и даже города. Впрочем, по мнению отечественных славистов О.Н. Трубачева и В.Н. Топорова, данные гидронимии оказываются в нашем случае не вполне показательными.

К северу от Десны и Припяти до Балтийского моря, Западной Двины и верховьев Волги распространены балтские названия рек. В бассейне нижнего Днепра, Дона и за Волгой отмечается много иранских гидронимов. Славянская гидронимия вперемешку с балтской встречается в правой части бассейна Припяти. Славянская гидронимия распространена в междуречье верхнего Днепра и Десны, см. [Супрун 1989: 145-146].

Надо иметь в виду и то, что для древних топонимов трудно предложить достоверную этимологию, так как возможных вариантов «внутренней формы», причем вариантов вполне убедительных, может быть значительно больше одного.

«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» О СЛАВЯНАХ

В древнейшей славянской летописи, составленной, как принято считать, в начале XII века монахом Киево-Печерского монастыря Нестором на основе более древних источников, предлагается и история происхождения славянских народов. Изложив историю вавилонского смешения языков и всемирного потопа, летописец приступает к истории славян, которым, как и другим потомкам Иафета, достались северные и западные страны: «Спустя много времени [после Вавилонского столпотворения] сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которые сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались моравы, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян на дунайских и поселились среди них и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи – лутичи, иные – мазовшане, иные – поморяне. Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами по речке, впадавшей в Двину, именуемой Полота, от нее и назвались полочанами. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ» [Повесть... 1996: 144].

В XIX веке историки, в том числе такие авторитетные ученые, как С.М. Соловьев (1820-1879) и В.О. Ключевский (1841-1911), с доверием относились к показаниям летописца, однако в XX веке эти показания стали рассматриваться как народно-поэтический вымысел. Впрочем, и позднее раздавались голоса в поддержку «дунайско-тисского сидения» славян. Так, академик О.Н. Трубачев активно поддерживает теорию о приходе славян с Дуная, опираясь на данные лексики.

СОСЕДИ СЛАВЯН

Как уже отмечалось, славянские племена выделились из индоевропейских²⁵, однако процесс распада индоевропейской языковой

²⁵ В 60-е годы XX века В.М. Иллич-Свитыч (окончивший в свое время кафедру славянской филологии филологического факультета МГУ), обосновал происхождение **индоевропейской** языковой общности из общности более древней – **нострати-**
20

общности, если мы примем предложенную Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым схему миграции индоевропейских племен, был длительным: речь идет о промежутке от 4 тысячелетия до нашей эры, когда предки славян вместе с предками большинства индоевропейцев покинули индоевропейскую прародину, до первых веков нашей эры, когда славянские племена, судя по всему, уже окончательно отделились от других индоевропейцев²⁶.

Эта схема предполагает этап существования общей балто-славяно-германской группы диалектов, из которой затем выделилась германская группа, балто-славянская же группа испытала, уже после отделения от германских диалектов, сильное влияние армяно-арийской группы индоевропейских диалектов.

Кроме общности происхождения следует учитывать и взаимное влияние диалектов, обусловленное совместным существованием соответствующих племен в более поздние времена. Так, во II-IV веках н. э. в северном Причерноморье происходят контакты славян с готами, в V-VI веках основная зона славяно-германских контактов перемещается западнее – в Центральную Европу. В результате в славянские диалекты очень рано проникают такие слова германского происхождения, как *хлеб, хлев, меч, шлем, блюдо* и др.

Общими для славянских и балтских диалектов являются, в частности, многие слова, не отмечаемые в других индоевропейских языках, в том числе *рука, голова, липа, звезда* и др.

В течение длительного времени соседями славян были иранские племена скифов, кочевавшие в Северном Причерноморье. Среди слов с общим значением можно отметить слова *бог, слово*. Заимст-

ческой. Сейчас в ностратическую макросемью языков принято включать следующие языковые семьи: **индоевропейскую** (ветви языков: кельтская, италийская, германская, балтийская, славянская, греческая, албанская, армянская, иранская, индийская, тохарская, анатолийская), **уральскую** (венгерский, эстонский, финский, мордовский, марийский, мансийский, саамский и др.), **алтайскую** (тюркские языки; монгольский, бурятский, калмыцкий; эвенкийский, эвенский, нанайский, манчжурский, удэгейский; японский; корейский и др.), **афразийскую** = **семито-хамитскую** (арабский, ассирийский, аккадский, древнееврейский, арамейский, финикийский; древнеегипетский, коптский и др.), **дравидскую** (тамилский, телугу, каннада и др.), **картвельскую** (грузинский, мегрельский, лазский, сванский языки), ср. [Иллич-Свитыч 1967], [Лингвистический... 1990]. Возможно, ностратическая прародина находилась в так называемом «Плодородном Полумесяце» – древнейших известных очагах цивилизации на территории современных Израиля, Палестины, Турции, Сирии, Ирака, ср. [Ранние цивилизации 1994: 4].

²⁶ Осуществленное А.А. Зализняком на материале берестяных грамот исследование древненовгородского диалекта позволяет говорить о еще не разорванных связях части славянских диалектов с балтскими и в более позднее время. Впрочем, речь может идти и о позднейшем сближении части славянского и балтского диалектных массивов.

ованиями из иранских диалектов считаются такие слова, как *рай*, *мед*.

На северо-востоке славяне в исторические времена соседствовали с финно-угорскими племенами, в результате чего в угро-финские диалекты были заимствованы такие славянские слова, как *окно*, *пакля*, *кудель*, *серп*, *тоска* и др.

В результате контактов славянских племен с греческими еще в древний период были славянами были заимствованы из греческого такие слова, как *корабль*, *кадь*, *терем*.

Заимствовались слова и из других языков. Например, слово *вино* попало к славянам скорее всего из латыни, не исключено, что кельтское происхождение имеют такие слова, как *слуга*, *брага*.

Заимствованием из некоего индоевропейского диалекта, не оставившего письменных свидетельств, может объясняться и огласовка ряда славянских (а также балтийских) слов, в которых нарушаются регулярные соответствия с другими индоевропейскими языками, например, слов *путь*, *тесто*, *трутень*, *борозда*, *голубь*, *свобода*²⁷.

Следует, впрочем, отметить, что твердо основываться на данных о языковых контактах при локализации прародины славян нельзя, потому что нельзя однозначно определить время и место этих контактов (племена сходились и расходились, ср. упоминавшиеся чуть ранее контакты славянских племен с германскими).

²⁷ Русск. *путь* (как и литовс. *pántis*) явно соотносятся с и.-е. корнем *bhendh- (ср. нем. *binden*), хотя по правилам регулярных фонетических соответствий должно было бы быть *pūt- (с глухими <р> и <т>), русск. *тесто* – с и.-е. t-причастием глагола *dheigh- ‘перемешивать’ (а не *teik- с глухими <т> и <к/к>), русск. *трутень* (и литовс. *traūnas*) – с и.-е. *dhrōn-, русск. *борозда* – с и.-е. *pork-d-a-ø (ср. *pork-ṛt-s – *праса*, букв. ‘бороздящее [животное]’, а также нем. *Furche* ‘борозда’), русск. *голубь* – с лат. *columbus*, др.-русск. *свобода* – с др.-инд. *svapatī* ‘сам себе господин’ (из *svo-* ‘свой’ + *pati-* ‘господин’).

Эти и подобные отклонения от стандартной системы соответствий сами, в свою очередь, образуют некую систему, а системную сетку соответствий, отличную от стандартной, обычно демонстрируют слова, заимствованные из родственного языка. Поскольку ни в одном из известных индоевропейских языков подобного развития звуков не было, это может быть какой-то неизвестный индоевропейский диалект, ср. [Бурлак, Старостин 2005: 80-81].

Как предполагает Г. Хольцер, это мог быть язык народа, известного по греческим источникам как киммерийцы (κίμβροι или κίμβριοι), самоназвание которых, возводимое к и.-е. *dhǵhem-ro-, было также заимствовано славянами как *сѣбъ* ‘член общины’, см. [Holzer 1988].

Впрочем, верность данного предположения значила бы, что славяне появились в Северном Причерноморье как минимум на полтысячелетие раньше, чем принято считать, так как киммерийцы были вытеснены скифами через Кавказ в Анатолию еще в восьмом веке до н.э., см. [Encyclopaedia Britannica 2002: Cimmerian].

Те же причины ограничивают и надежность использования глоттохронологических и этимостатистических методик²⁸. Так, из 95 корневых морфем русского языка (из стословного списка Сводеша исключены как заимствования *собака* и *облако*, вдобавок объединены этимологически однокоренные пары типа *нога* и *ноготь*, *кто* и *что*) имеется примерно 95,8% совпадений с польским, 72,1% – с литовским, 53,2% – с немецким, 52,6 – с французским, на основании чего постулируется время расхождения предка русского языка с предком польского – \approx XIII век н.э., предка русского с предком литовского – \approx III век н.э., предка русского с предком немецкого или французского – \approx X век до н.э., ср. [Бурлак, Старостин 2005: 152-153]. Как мы видим, полученные данные в целом соответствуют данным из других источников, однако нуждаются в комментировании.

СОВРЕМЕННЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРАРОДИНУ СЛАВЯН

Как уже отмечалось, к середине I тысячелетия нашей эры славяне занимают территорию, ограниченную Одером на западе, Днестром на востоке, Балтийским морем на севере и Карпатами на юге. Примерно к VII веку н. э. славяне заселяют Балканы, на западе доходят до Эльбы и пересекают ее, на востоке продвигаются за Днепр. Движение на восток было облегчено тем, что здесь территории оказывались малозаселенными или вообще незаселенными. В конце I тысячелетия н.э. на юго-востоке славяне выходят к Черному морю, на северо-востоке – к Белому морю.

Позиции исследователей в отношении прародины славян в значительной степени зависят от взглядов на взаимоотношения славянских и балтских племен. Нет почти никаких исторических свидетельств того, что балты, выделившись из древнеевропейской языковой общности, кардинально меняли территорию своего проживания. Поэтому те ученые, которые предполагают длительное совместное проживание балтов и славян, с полным основанием предполагают, что и их общая прародина должна находиться где-то недалеко от территории проживания современных литовцев и латышей. Противники же балто-славянского балто-славянского сближения (будь то в рамках единого балто-славянского праязыка или балто-славянского языкового союза), как правило, ищут славянскую прародину в отдалении от современных балтийцев.

²⁸ Изложение предложенной М. Сводешем глоттохронологической методики, а также его критику см. [Новое в лингвистике 1960]. Описание метода этимостатистики см. [Старостин 1989].

Сторонник балто-славянского единства академик А.А. Шахматов, исходя из отсутствия надежных упоминаний о славянах у античных авторов, считал, что «первой, исконной прародиной славян было Балтийское побережье, точнее – нижнее течение Немана и Западной Двины» [Шахматов 1916: 32]. Если бы эта прародина располагалась на Дунае (как сообщает автор «Повести временных лет»), то сообщения о славянах в трудах римских и византийских авторов появились бы раньше, чем сообщения о германских племенах, а это не так. При этом прародину балтов Шахматов ищет в верхнем течении Немана и Западной Двины, то есть южнее прародины славян. Здесь славяне знакомятся с тисом, грабом и омелью-плющом, что подтверждается лингвистическими данными.

Когда во II веке н.э. германские племена покидают район Вислы и движутся в направлении Дуная, славяне занимают освободившиеся территории, освобождая побережье для балтов. Освободившуюся территорию Западной Двины занимают финские племена. На территории своей второй прародины славяне знакомятся с буком, заимствуя его германское название. Здесь же начинается распад славянского массива на западный, из которого впоследствии произойдут западнославянские языки, и восточный – общий предок восточных и южных славян. Западные славянские племена продвигаются далеко на запад, вступая во взаимодействие с германскими племенами, а восточные задерживаются в Повисленье, так как путь на юг им закрыт гуннами.

Появившиеся в IV веке в Центральной Европе гунны, разгромив аланов, готов и города Боспорского царства, создают мощную военную державу. В 441 году предводитель гуннов Атилла угрожает Константинополю, в 447 году он опустошает Балканы и Пелопонесский полуостров, углубившись в Грецию вплоть до Фермопил, затем вторгается в Италию. В Европе гуннов панически боялись, сам Атилла получил у европейцев прозвание «бич Божий», однако после неожиданной смерти в 453 году Атиллы его многочисленные сыновья перессорились между собой и его империя развалилась, ср. [Encyclopaedia Britannica 2002: Hun].

«Падение гуннского владычества во второй половине V века очистило славянам путь на юг», при этом «вполне вероятно, что движение славян шло двумя путями: одним – более западным, другим – более восточным. Первым путем пошли предки южных славян, а вторым – предки славян восточных» [Шахматов 1916: 44, 45]. Предки южных славян, которые Шахматов связывает со «склавенами» (Σκλαβηνοί) византийских авторов, заняли территорию к западу от реки Прут, а предки восточных славян – «анты» (Ἄντες, Ἄνται) – территорию к востоку от нее.

К сожалению, археологический материал, а также данные топонимики «во многом противоречат схеме Шахматова» [Бернштейн 1961: 54]. Да и сам А.А. Шахматов впоследствии писал, что вопрос о первой прародине славян для него остается нерешенным, ср. [Шахматов 1919].

Академик Б.А. Рыбаков помещает прародину славян между реками Одер и Днепр, академик В.В. Седов – в район реки Вислы, откуда не ранее IV века н.э., когда в результате изменения климата происходит заболачивание традиционных мест проживания, происходит постепенное переселение славян на северо-восток и на юг, ср. [Седов 1994: 136-147].

Имеющий отличные от Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова взгляды на расположение прародины индоевропейцев академик О.Н. Трубачев считает, что индоиранские племена проживали в Северном Причерноморье и что именно отсюда в III тысячелетии до н.э. началось их расселение по континенту, ср. [Трубачев 1999]. Прародина славян тем самым оказывается в среднем течении Дуная, на территории современных Чехии, Австрии, Южной Германии и Венгрии. Теснимые кельтскими племенами, часть славян переселяется по направлению к Висле и Карпатам, а с исчезновением державы гуннов славяне начинают возвращаться на те земли, на которых они проживали раньше, так что «вся эта знаменитая дунайско-балканская миграция славян приобретает смысл реконквисты, обратного завоевания...» [Трубачев 1982: 11].

ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

В немецкоязычной славистике принят термин «праславянский язык» (*Urslavische Sprache*), в англо- и франкоязычной – термин «общеславянский» (соответственно *Common Slavic* и *Slave Commun*)²⁹. В отечественных работах более распространен термин «праславянский», эксплицитно определяющий, в отличие от термина «общеславянский», генетические отношения: праславянский язык – родоначальник современных славянских языков. Кроме того, пользуясь термином «праславянский язык», мы можем разграничивать «праславянские процессы» (процессы, происходившие в праславянскую эпоху) и «общеславянские процессы» (процессы, происходившие уже после распада праславянского языка в истории отдельных славянских языков, но общие для них), ср. [Бернштейн 1961: 42-43].

Впрочем, для многих весьма авторитетных исследователей «праславянский язык» и «общеславянский язык» – синонимы. Так, П.С. Кузнецов, озаглавив свою работу «Очерки по морфологии праславянского языка», в названиях отдельных глав пользуется термином «общеславянский», см. [Кузнецов 2006].

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМА БАЛТО-СЛАВЯНСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Праславянский язык пережил сложную и долгую эволюцию с момента его выделения из индоевропейского массива до его окончательного распада на отдельные диалекты. Одна эпоха диалектного членения (от появления болгаро-лехитской изоглоссы в отношении «ять», которая не могла не сформироваться до прихода славян на Балканы, до «падения редуцированных», которое Н.С. Трубецкой рассматривал как последний общеславянский процесс и которое привело к кардинальным изменениям структуры слога, перестройке всей фонологической системы славянских диалектов), растянулась более чем на тысячу лет.

Предложенная Н.С. Трубецким периодизация праславянского языка предполагает **три этапа его развития**:

²⁹ Ср. две классические работы финского слависта Микколы, одна из которых написана по-немецки (и поэтому там употреблен термин «праславянский», а вторая – по-французски (и там мы находим термин «общеславянский»), ср. *Mikkola J. Urslavische Grammatik. – Heidelberg, 1913; Mikkola J. La question des syllabes ouvertes en slave commun // Revue des études slaves 1, 1921.*

- протославянский, когда праславянский язык является еще диалектом праиндоевропейского языка и испытывает сильное влияние других диалектов;
- ранний период самостоятельного развития праславянского языка, в котором отсутствует диалектное членение;
- период диалектной дифференциации праславянского языка [Trubetzkoy 1922].

Данная периодизация продолжает оставаться популярной и в наше время, ср. периодизацию праславянского языка в [Соколянский 2004: 89].

Впрочем, С.Б. Бернштейн справедливо критикует эту периодизацию за ее абстрактный характер и слабую опору на языковые факты [Бернштейн 1961: 47].

Кроме того, если мы вслед за сторонниками балто-славянского праязыка³⁰ продлим «протославянский период» до середины первого тысячелетия нашей эры³¹, то придем к абсурдному, хотя и логически

³⁰ В существовании общего балто-славянского праязыка были убеждены такие известные отечественные палеославысты, как А.А. Шахматов и П.С. Кузнецов.

Высказывалось даже мнение, что праславянский язык возник в результате довольно позднего (середина первого тысячелетия н.э.) преобразования окраинных балтских диалектов в результате их взаимодействия с диалектами иранскими, ср. [Хабургаев 1980]. Этим может объясняться и позднее появление славян на исторической арене, и связь славянских языков с языками иранскими и балтийскими (причем прежде всего не с восточно-балтийскими литовским и латышским, а с вымершими западно-балтийскими прусским и ятвяжским).

О позднем происхождении славян писал и В.Н. Топоров, ср.: «В эволюционной цепи "балтийский" хронотоп предшествует "славянскому" и должен рассматриваться как "родимое место" последнего. Роды произошли поздно, но были быстрыми и удачными, и дитя со временем переросло родителя, развил немало нового, но вместе с тем неся в себе и архаичнейшее родительское наследство, отлившееся в оригинальные (славянские) формы» [Топоров 1988: 286].

Против существования единого балто-славянского языка высказывались не менее известные ученые – И.А. Бодуэн де Куртене, А. Мейе, С.Б. Бернштейн, О.Н. Трубачев, В.К. Журавлев и др. Дело в том, что помимо фонетических процессов, проходивших одинаково или, по крайней мере, сходным образом и у славян, и у балтов (утрата слоговости сонантов \bar{l} , \bar{r} , \bar{n} , \bar{m} ; изменение [s] по так называемому «правилу *guki*» и др.), были значительно **более ранние** фонетические изменения, результаты которых в славянских и балтийских языках **различаются**. С.Б. Бернштейн решает это противоречие, предполагая возникновение на каком-то этапе балто-славянской языковой общности (праславянские и прабалтийские племена отделились от общей массы древних европейцев, какое-то время развивались независимо друг от друга, затем на какое-то время сблизились, а затем вновь разошлись, а вместе с прабалтийскими и праславянскими племенами расходились, сблизались, а потом вновь расходились и соответствующие диалекты), см. [Бернштейн 1961].

³¹ Ср.: «Лишь на рубеже V-VI вв. протославянский диалект балто-славянского праязыка выделился в самостоятельный язык...» [Камчатнов 2000: 3].

последовательному выводу, что праславянский язык начал распадаться, не успев возникнуть.

Таким образом, проблема периодизации праславянского языка неразрывно связана с проблемой балто-славянского языкового взаимодействия и решается по-разному в зависимости от отношения исследователя к нему.

Представляется удачной следующая периодизация праславянского языка, предложенная С.Б. Бернштейном:

«Историю праславянского языка мы делим на две большие эпохи: эпоху до утраты закрытых слогов и эпоху, когда закрытые слоги утратились. В свою очередь, первую эпоху мы делим на три периода: период после распада индоевропейского языка, период балто-славянской общности и период, продолжавшийся после распада этой общности до эпохи утраты закрытых слогов. В первую эпоху истории праславянского языка этот язык не знал диалектных членений и развивался как единый диалект.

Вторая эпоха подразделяется на два периода. Первый период – период утраты закрытых слогов, период, когда в языке происходили глубокие преобразования. В это время наметились некоторые существенные диалектные различия в праславянском языке, происходили значительные территориальные перемещения. Второй период – период распада праславянского языка, период формирования языков славянских народностей» [Бернштейн 1961: 51-52].

Концепция развития праславянского языка, предложенная С.Б. Бернштейном, и будет излагаться (с учетом данных, полученных в более поздний период) на последующих страницах.

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ РАННЕГО ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Праславянский язык унаследовал из праиндоевропейского следующие гласные и согласные³²:

³² В случаях типа $\text{ɣ}_1, \text{ɣ}_2$ цифрой $_1$ С.Б. Бернштейн обозначает передний ряд гласного сонанта, а цифрой $_2$ – задний. Мы используем более распространенный в отечественной литературе способ обозначения ряда: $\text{ɣ}_1, \text{ɣ}_2, \text{ɣ}_3, \text{ɣ}_4$ – слоговые сонанты переднего ряда, $\text{ɣ}_5, \text{ɣ}_6, \text{ɣ}_7, \text{ɣ}_8$ – заднего.

Качество индоевропейских небных смычных (взрывных) согласных, рефлексам которых в славянских языках будут [s] и [z], мы обозначаем, вслед за Ф.Ф. Fortunatovым, знаком $\hat{\text{}}$ над соответствующей буквой, ср. [Fortunatov 1956: 396], и этим же знаком обозначаем качество возникших из них фрикативных согласных до их полного совпадения с унаследованными из праиндоевропейского языка звуков [s] и [z], ср.: $*\hat{\text{k}}\text{m}_1\text{t}\text{om} > *\hat{\text{s}}\text{m}_1\text{t}\text{om}$ ‘сто’, $*\hat{\text{g}}\text{r}_1\text{n}\text{om} > *\hat{\text{z}}\text{r}_1\text{n}\text{om}$ ‘зерно’, $*\hat{\text{g}}\text{h}\text{e}\text{i}\text{m}\text{a} > *\hat{\text{z}}\text{e}\text{i}\text{m}\text{a}$ ‘зима’.

Подобное обозначение представляется нам более наглядным, чем используемые С.Б. Бернштейном обозначения k^1 и g^1 для праиндоевропейских звуков и соответственно s и z – для их рефлексов на славянской почве.

г л а с н ы е

долгие	ā ē ū ī
краткие	ǫ ǣ ŭ ĭ

г л а с н ы е с о н а н т ы

долгие	ī̄ ī̄₂ ī̄₁ ī̄₂ m̄₁ m̄₂ n̄₁ n̄₂
краткие	ǭ₁ ǭ₂ ǭ₁ ǭ₂ m̄₁ m̄₂ n̄₁ n̄₂

с о г л а с н ы е с о н а н т ы

губные	m ʋ (v, w)
зубные	ɾ l n
средненёбные	ɹ (j)

с о г л а с н ы е ш у м н ы е

губные	p b
зубные	t d s (z) (k̂ >) ŝ (ĝ, ĝh > ĝ >) ž
задненёбные	k g

Если праиндоевропейский язык был языком ярко выраженного консонантного типа³³, ранний праславянский, как мы видим, характеризовался развитой системой **гласных и гласных сонантов**, к которой примыкала система **дифтонгических сочетаний** гласных с сонантами (ēī, ēī, ēū, ēū, ēn, ēn, ēm, ēm, ēr, ēr, ēl, ēl; āī...)³⁴. Историю

³³ Ср. [«Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes» («Исследование о первоначальной системе гласных индоевропейских языков») Фердинанда де Соссюра] «...окончательно установило теорию индоевропейского вокализма. Наиболее закрытые гласные *i и *u перестали рассматриваться как подлинные гласные и определились как вокалические формы *y [=j] и *w, подобно тому как *r, *l, *n, *m суть вокалические формы *r, *l, *n, *m: в индоевропейском имеется собственно только одна гласная, выступающая в виде звуков *e и *o или же отсутствующая» [Мейе 2007: 462-463].

³⁴ Нередко применительно к праславянскому языку различают **дифтонгические сочетания** («гласный неверхнего подъема»+ сонорный r/l/m/n) типа ēr, ēl, ēm, ēn; ēr, ēl, ēm, ēn; ēr... и **дифтонги** («гласный неверхнего подъема»+ неслоговой сонант ʋ/ĭ типа ēū, ēī...), имея в виду бóльшую функциональную соотнесенность последних с монофтонгами, ср. чередования ū-ū-оц, рефлексy которого представлены в старослав. **сѣхнѣти, высѣхати, сохнѣти**, см.: [Ремнёва 2004: 106].

По-видимому, первым такое терминологическое разграничение дифтонгов и дифтонгических сочетаний на славянском материале последовательно провел Ф.Ф. Фортунатов, ср., например, [Фортунатов 1956: 323-394]. Однако, по мнению С.Б. Бернштейна, **дифтонгами** (то есть целостными единицами – будь то фонемы или аллофоны) в праславянском языке **не были** не только сочетания гласных с r/l/m/n, но и сочетания гласных с ʋ/ĭ, ср.: «Функционально – это были сочетания различных фонем, которые легко распадались на самостоятельные единицы (например, в положении перед гласными). Принципиально сочетания [oi], [ou] не отличались от сочетаний [ot], [or], где также представлено только сочетание различных

праславянского языка, продолженную историей отдельных славянских языков, можно рассматривать как понижение вокализма и усиление консонантизма.

Звуки \bar{u} , \bar{i} , \bar{y} , \bar{i} в праславянском языке, в отличие от праиндоевропейского языка, были обычными гласными³⁵ и могли нести на себе ударение.

Сонант \bar{u} в начале слога перед гласными³⁶ выступал как билабиальный [w], а сонант \bar{i} – как [j], ср. * $\text{so}u\bar{t}\bar{e}\bar{i}$ – $\text{so}w\bar{a}\bar{t}\bar{e}\bar{i}$, $\text{ko}\bar{i}\bar{n}\bar{a}$ – $\text{ka}\bar{j}\bar{a}\bar{t}\bar{e}\bar{i}$ sen , то есть речь идет о позиционных вариантах одной фонемы.

В качестве позиционного варианта сонанта \bar{u} (в сочетаниях kv , gv , tv , dv , sv , $\hat{\text{sv}}$, $\hat{\text{zv}}$, а также перед сонантами) можно рассматривать и [v], который в положении перед гласными в начале слога замещался билабиальным [w], ср.: * woda , * wopsa .

Звук [z] был позиционным вариантом фонемы <s> в положении перед звонкими, ср. русск. *нос* и *ноздри*, *месть* и *возмездие*, *сидеть* и *гнездо*.

Плавные и носовые сонанты могли быть долгими и краткими, переднего и непереднего ряда, причем это последнее их качество было непозиционным, то есть фонологическим, так как слоговые сонанты переднего и непереднего ряда в тождественном окружении различали смысл, ср. * $\text{g}\bar{r}_2\text{dlo}$ - ‘горло’ и * $\text{g}\bar{r}_1\text{dlo}$ - ‘жерло’.

фонем. Следует обратить внимание на то, что судьба гласных перед [i] или [u] была аналогичной судьбе их перед всеми согласными. Вот почему нам представляется целесообразным распространить термин Фортунатова "дифтонгические сочетания" на все случаи..." [Бернштейн 1961: 132]. О том, что между сочетаниями гласных *e, *o, *a с \bar{u} и сочетаниями тех же гласных с \bar{i} /m/n «с индоевропейской точки зрения – параллелизм полный», писал и А. Мейе, ср. [Мейе 2007: 135].

В учебной литературе в качестве синонима термину «дифтонгическое сочетание» может использоваться термин «дифтонгоид», ср. [Хабургаев 1984: 66], [Шевелева 1997: 31], [Галинская 2009: 16], однако подобное употребление термина «дифтонгоид» противоречит сложившейся международной терминологии, ср.: «**ДИФТОНГОИД** *англ.* diphtongoid. Качественно неоднородный гласный, имеющий в своем составе (в качестве призвука) элемент, артикуляция которого близка к основному элементу. □ *Англ.* \bar{i} , состоящее из более переднего и напряженного \bar{i} и более отодвинутого и менее напряженного призвука \bar{u} » [Ахманова 1966: 138].

Не смешивает понятия «дифтонгические сочетание» и «дифтонгоид» и С.Б. Бернштейн, см. [Бернштейн 1961: 132].

³⁵В праиндоевропейском языке речь шла о **нулевой ступени чередования дифтонгического сочетания** с сонантом \bar{u} или \bar{i} . Такие слоги были, как правило, безударными.

³⁶В праиндоевропейском языке, «находясь между двумя согласными, или в начале слова перед согласной, или в конце слова после согласной, сонанты играют роль гласных» [Мейе 2007: 142]

Древнейшая структура слога, интонация, ударение

В раннем праславянском языке слоги могли быть **открытыми** и **закрытыми**, **долгими** (образованные долгим монофтонгом или дифтонгическим сочетанием) и **краткими** (образованные кратким монофтонгом).

Долгие слоги произносились с различной высотой тона, который мог повышаться или понижаться. Восходящая долгота (акут) была менее длительная, чем нисходящая (циркумфлекс).

В соответствии с концепцией Фердинанда де Соссюра, первичной была **акутовая** интонация, которая возникала на долгом монофтонге или на дифтонгическом сочетании с долгим гласным, ср. *máter, *sémen, *séiĭa, *bérmen. **Циркумфлексная** интонация была вторичной и возникала на слогах, образованных дифтонгом (дифтонгическим сочетанием), содержащим краткий гласный, ср.: *gōnka, *gōĭva. Затем морфологическим путем циркумфлекс распространился и на краткие монофтонги.

Некоторые современные славянские языки отражают следы древних интонаций (их принято называть **старым акутом** и **старым циркумфлексом**, чтобы отличить от **нового акута** и **нового циркумфлекса**, возникших существенно позже – в эпоху диалектного членения праславянского языка)

Старый акут может быть отражен в сербском языке в виде краткой нисходящей интонации (*krǎva*), в словенском – долгой восходящей (*kráva*), в чешском – долгого гласного (*kráva*), словацком и польском³⁷ – краткого (*krava*, *krowa*). На месте старого циркумфлекса в сербском и словенском закономерен долгий нисходящий (*brêg*, *brêg*), в чешском, словацком и польском – краткий гласный (*břeh*, *breh*, *brzeg*). В русском в полногласных формах старый акут отражен в виде ударения на второй части (*корóва*), старый циркумфлекс – на первой (*бéрег*), ср.:

праслав.	русск.	сербск.	словенск.	чешск.
*pǎrg-	<i>poróg</i>	<i>prǎg</i>	<i>prág</i>	<i>práh</i>
*pōrs-	<i>pórox</i>	<i>prǎx</i>	<i>prách</i>	<i>prach</i>

³⁷ Собственно говоря, в современном польском языке краткими являются **все** гласные, однако в ряде случаев сохраняются следы их прежней долготы, ср. *krowa* и *król*, *pięć* и *piąty* и т.д. В истории польского языка перед тем, как сократиться, [ō] перешел в [ū] (графически ó), совпавшие к XIV веку в одном качестве оба носовых затем вновь разошлись в зависимости от количественной характеристики слога: в долгом слоге появился [o] (графически a), в кратком – [e].

Впрочем, следует иметь в виду, что связь старой интонации с данными современных языков может нарушаться теми или иными фонетическими изменениями, характерными для праславянского языка более позднего периода, а также для истории отдельных славянских языков, ср. долгую нисходящую интонацию в сербских словах *dâp* и *cîn* или краткость корневого гласного в чешском слове *ryba*³⁸, хотя в праславянском языке в первых слогах всех этих слов был долгий монофтонг, а тем самым и восходящая интонация.

В соответствии с концепцией В.А. Дыбо, интонация корневого слога в слове с самого начала зависела от типа акцентной парадигмы, который учитывал место ударения, а также его характер (постоянное или подвижное), ср.:

А – слова с постоянным ударением на корне типа *mâtĕr.

В – слова с постоянным ударением за корнем типа *gĕnĕ

С – слова с подвижным ударением типа *nŏgĕ, *nŏgŏm, *nĕnŏgŏm

Циркумфлекс появлялся в словах акцентной парадигмы **С** в тех случаях, когда ударение падало на корень.

Отношение праславянского вокализма к индоевропейскому

В праславянском языке совпали в одном произношении праиндоевропейские [ā], [ō] > [ā], [ǣ] и [ō] > [ŏ]. В этом отношении славянские языки отличаются и от германских языков, и от балтийских.

В германских диалектах [ā] и [ō] совпали в [ō] (ср. др.-сакс. *brōther*), а [ŏ] и [ǣ] – в [ǣ] (ср. готск. *sǣlt, mǣrei*). В литовском [ō] изменился в дифтонг [uo], а [ā] – в [ō], в латышском [ā] сохранился, а [ŏ] изменился аналогично литовскому. Краткие [ŏ] и [ǣ] в балтийских языках, как и в германских, совпали в [ŏ], ср.:

лат.	греч.	др.-инд.	лит.	латышс.	англ. ³⁹	нем.	русск.
frāter	φράτωρ	bhrātār	brólis	brālis	brother		брат
māter	μάτηρ	mātar	mótē	māte	mother		мать
dōnum	δῶρον	dānam	dúoti	duôt			дар, дать
dōmus	δῶμος	dāmaḥ	dāmas				дом
ŏctō	ὀκτώ	aṣṭāu	aṣtuonì		acht		восемь
ŏvis		avikā	avìs	avs			овца
ŏculus			akis				око
nŏx, noctis		naktis					ночь

³⁸ В сербском языке в данном слове мы находим «законную» краткую нисходящую интонацию, свидетельствующую о старом акуте, ср.: *ryba*.

³⁹ Графический облик может свидетельствовать о прежнем произношении.

ācus	ἄκρος	aštrūs		острый
āxis	ákṣa-ḥ	ašis		ось
māre		mārios		море
sāl, salis			salt	Salz соль
fāber			tapfer	добрый ⁴⁰

Отношение праславянского консонантизма к индоевропейскому

В тех диалектах, которые легли в основу праславянского языка, совпали⁴¹ в одном качестве придыхательные и непридыхательные смычные согласные, а также лабиализованные и нелабиализованные заднеязычные, зато различались, в отличие от диалектов группы кентум, палатализованные и непалатализованные, ср. подсистему смычных согласных позднего праиндоевропейского языка (связанную с «сатэмным» изменением палатализованность мы обозначаем, вслед за Ф.Ф. Фортунатовым, значком $\hat{\quad}$, а лабиализованность – значком u):

	губные	зубные	нёбные		
			палато-велярные	велярные	лабио-велярные
глухие	p	t	\hat{k}	k	k^u
звонкие	b	d	\hat{g}	g	g^u
придыхательные	bh	dh	\hat{gh}	gh	g^uh

Ряд индоевропейских языков отражает древнее противопоставление придыхательных и непридыхательных смычных согласных, ср.:

и.е. *b-b^h
 др.-инд. b-bh
 др.-греч. b-ph (φ)
 лат. b-f

и.е. *d-d^h
 др.-инд. d-dh
 др.-греч. d-th (θ)
 лат. d-f

⁴⁰ Ср. еще сохранившуюся семантическую связь этих слов в словосочетаниях типа *добрый молодец*, *ein tapferer Soldat* ‘храбрый солдат’ и *homo faber* ‘человек умелый’.

⁴¹ Либо не различались изначально, так как праиндоевропейский язык с самого начала мог характеризоваться диалектной членимостью, ср. [Широкова 1998: 107].

и.е. *g-g ^h	др.-инд.	g-gh
	др.-греч.	g-kh (χ)
	лат.	g-h/[n]g

Славянские и балтийские языки, в отличие от санскрита, латинского и греческого, не различают рефлексы праиндоевропейских придыхательных и непридыхательных смычных согласных, ср.:

и.-е.	псл.	др.-инд.	греч.	лат.	лит.	русск.
d ^h ūmō-s	dūm-	dhūmāḥ		fūmus	dūmai	дым
dōm-	dōm-ō/ū-s ⁴²	dāmaḥ	δόμος	dōmus	dāmas	дом
b ^h rātēr-ø	brātr-	bhrātar	φράτωρ	frāter	brólis	брат
bōl-/bēl-	bōl-	bālam	βέλτιστος	dēbīlītās ⁴³		
d ₁ g ^h ō-s ⁴⁴	d ₁ g-	dīrghāḥ	δολιχός		ilgas	долг
(o)nog ^h -	nōg-	āṅghriḥ	ὄνυξ, ὄνυχος	unguis	nāgas	ноготь
	gerāv-		γέρανος	grūs	gėrvė	
	журавль					

Точно так же праславянский язык не различает и рефлексов лабиализованных и нелабиализованных смычных, которые различают языки группы кентум, ср. старославянские **кѣтѣ**, **чѣтѣ**, в которых, в отличие от латинских *quis*, *quid*, отсутствуют следы древней лабиализованности.

Зато индоевропейские палатальные \hat{k} , \hat{g} , \hat{g}^h в праславянском языке последовательно отражены в виде \hat{s} , \hat{z} , ср.:

и.-е.	псл.	греч.	лат.	лит.	русск.
dēk̃m̃ ₁ (tīs)	dēs̃m̃ ₁ -	δέκα	decem	dešimtīs	десять
ōktō	ōs̃m̃ ₁ -	ὀκτώ	ōctō	aštuoni	восемь
k̃m̃tóm	s̃m̃t-	ἑκτόν	centum	šim̃tas	сто
k̃ ₁ d-	s̃ ₁ d-	καρδία	cor, cordis	širdis	сердце
pōrk-	pōrs-		porcus	pāršas	поросенок
pēik̃ātēi	pēs̃ātēi		pictus	piēšti	писать
prōk̃ītēi	prōs̃ītēi		precōr	prašyti	просить

⁴² В древнейших памятниках старославянской письменности это слово приводится с окончаниями и *ō-склонения, и *ū-склонения, см. [Словарь... 2006. Т. 1: 505-506].

⁴³ Псл. корень представлен в ст.-сл. **болни**. Ср. значения приводимых слов: bālam 'сила', βέλτιστος 'лучший'; de-bīlitas 'бес-силлие, слабость'.

⁴⁴ Возможно, d₁ghō-s и d₂ghō-s возникли из одного и того же слова в результате чередования сонантов переднего и непереднего ряда, см. [Маслова 2005: 192].

b ^h ērg-	bērza			béržas	береза
ġ ^h īnōm	žīn-		grānum	žīrnis	зерно
g ^h uērīs	zvēr-	θήρ	fērus	žvēris	зверь
g ^h ēimā	zēimā	χειμών	hiems	ziemā	зима
uēg ^h tēi	vēztēi	ὄχος	veho	vežù	везти
ŋ ^h ig ^h ū-	ŋ ^h izū-		lingua	liežūvis	язык
lēig ^h ātēi	lēizātēi	λείχω	lingo	liēžti	лизать

Впрочем, в ряде случаев данная закономерность нарушена: индоевропейские *k̄*, *ġ*, *gh* отражены в праславянском в виде *k*, *g*, ср.:

псл.	греч.	лат.	лит.	прусск. двн.
gōns-	χίψ	hanser	žąsis	sansy gans
svēkrū	ἐκυρός	socer	šešuras	
gōrd-	χόρτος	hortus	gārdas	
kāmōn	ἀκμων		akmuõ	
kr ₂ mītēi			šerti	
koiv-			šaiiva	
bērg-				berg

Долгое время это объяснялось заимствованием – названные и подобные слова зачислялись в германизмы, ведь из всех индоевропейских диалектов группы *кентум* праславянский теснее всего был связан именно с германскими диалектами. В настоящее время более распространено мнение, в соответствии с которым индоевропейские *k̄*, *ġ*, *gh* первоначально были позиционными вариантами велярных фонем <*k*>, <*g*>, <*gh*> перед *ī*, *ē̄*, *ī*, которые могли распространиться морфологически и в иные позиции, ср. предлагаемый в [Маслова 2005: 357] механизм сатэмной палатализации корневого гуттурального в реконструируемой парадигме настоящего времени глагола **nēktēi* ‘нести’:

ед. число		мн. число	
1. nēk-ō-ām > nēk-ō-ām >...	несж	1. nēk-ō-mōs > nēk-ō-mōs >...	несемъ
2. nēk-ē-sī > nēk-ē-sī >...	несеши	2. nēk-ē-tē > nēk-ē-tē >...	несете
3. nēk-ē-tī > nēk-ē-tī >...	несетъ	3. nēk-ō-ntī > nēk-ō-ntī >...	несжтъ

В ряде случаев мы имеем дело с явно однокоренными словами, в которых представлены рефлексы палатализованного и непалатализованного индоевропейского гуттурального, ср., например *злой* и *желчь*, *осетр* и *окунь*, *серна* и *корова*.

Если исходить из поздней датировки «сатэмной палатализации», то получится, что праславянский язык унаследовал из праиндоевро-

пейского одну единственную фрикативную фонему <s>⁴⁵, которая реализовалась в виде аллофона [z] в положении перед звонкими согласными внутри слова⁴⁶, ср. русск. *месть* и *возмездие*, *нос* и *ноз-дри*, *сидеть* и *гнездо*.

В праславянском языке мы обнаруживаем результаты упрощения индоевропейских геминат (двойных согласных), ср. др.-греч. *ἄττα* и псл. *ōtīkōs* 'отец'.

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ СОЮЗ

Утрата слоговости сонантами

К общим балто-славянским процессам относится утрата слоговости сонантами и возникновение на их месте [īr], [ūr], [īl], [ūl], [īm], [ūm], [īn], [ūn], которые в положении перед согласными выступали как дифтонгические сочетания, а в положении перед гласными расходились по разным слогам, ср.:

*m_r₁t- > *mīrt- *m_r₁ētēī > *mī|rētēī
*g_r₁dlō- > *gīrdlō- *g_r₁ātēī > *gī|rātēī

Слоговые сонанты переднего ряда теряли слоговость, развивая перед собой гласный ī, а слоговые сонанты непереднего ряда – гласный ū, при этом, по свидетельству современных славянских и балтийских языков, исходных морфем с сонантами переднего ряда было значительно больше, чем с сонантами непереднего ряда, ср.:

и.-е.	псл.	лит.	русск.
dēšm̃₁(tīs)	dēšimt-	dešim̃tas	десять
g̃r̃₁nōm	žīrn-	žirnis	зерно
g̃r̃₂dlō-	gūrdlō-	gurklỹs	горло
k̃r̃₁d-	šīrd-	širdis	сердце

⁴⁵ Ср.: «Если система индоевропейских смычных богата и полна, то, наоборот, система длительных согласных, образуемых сужением прохода воздуха, так называемых "фрикативных", включает лишь одну фонему, свистящую *s, используемую, впрочем, часто» [Мейе 2007: 120].

⁴⁶ Ср.: «Согласная z существовала в о.и.е. яз. лишь при положении перед звонкими взрывными согласными, g нёбным, d и b, непридыхательными и придыхательными» [Фортуатов 1956: 430], аналогично [Бошковиц 1984: 103].

По мнению В.К. Журавлева, постулирующего для системы консонантизма данной группы праиндоевропейских диалектов дифференциальный признак лабиальности-нелабиальности, фонема <s> могла иметь также аллофон [s^h]. Однако «прежние отношения должны были стереться в связи с более поздними процессами», так что следы s^h мы можем видеть в др.-инд. *svásar-*, гот. *swistar* (ср. совр. нем. *Schwester*), др.-прусс. *swestro*, но не в современных русском *сестра* или литовском *sesou*□, ср. [Журавлев 1967: 32].

mī̄tīs	mīrt-	mirtis	смерть
mī̄tēi	mīntēi	minti	мять
ī̄gū-	īnzū-	liežūvis	язык
pī̄stōs	pīrst-	pīrštās	перст
pī̄nōs	pīln-	pilnas	полный
skī̄bīs	skūrb-	skuirdas	скорбь
tūsī̄t-	tūsīmt-	šimtās	тысяча
ū̄kōs	vīlk-	vīlkaš	волк
ū̄nā	vīlnā	vilna	волна

Современный русский язык последовательно различает рефлексы праславянских сочетаний [īr] и [ūr]: первое из них отражено в виде [er], второе – [or], ср. *первый*, *верба* – *торг*, *корма*.

Так же последовательно проведено различие рефлексов праславянских сочетаний [īl] и [ūl] в Зографском евангелии, ср. **влькъ**, но **плънь**.

Наконец, все славянские языки различают рефлексы рассматриваемых дифтонгических сочетаний с ī или с ū после задненёбных согласных, так как в первом случае прошла первая палатализация задненёбных, ср.: русск. *горло* (<*gūrdlō-), но *жерло* (<*gīrdlo-), *скорбь* (<*skūrb-), но *щербина* (<*skīrb-) и т.д.

Гораздо труднее разграничить [īn], [īm], возникшие из *ī̄n и *ī̄m, от [ēn], [ēn], [ēm], [ēm], так как все эти сочетания в положении не перед гласным монофтонгизировались в [e]. Данные других индоевропейских языков в данном случае не вполне надежны, ведь следует постоянно учитывать возможность аблаута, так что при восстановлении ранней праславянской формы русского слова *зять* мы можем восстановить и *gī̄tīs > ... zětъ, и *gēntīs > ... zětъ, ср. [Маслова 2005: 344].

В связи с утратой слоговости сонантами и развитием нового слогового гласного утратилась долгота сонанта (в [īr] совпали [ī̄1] и [ī̄1], в [ūr] – [ū̄2] и [ū̄2], в [īl] – [ī̄1] и [ī̄1], в [ūl] – [ū̄2] и [ū̄2] и т.д.), в связи с чем в совершенно одинаковых фонетических условиях возникло противопоставление акута и циркумфлекса, ср. pī̄nōs (<*pī̄nōs) и vī̄kōs (<*vī̄kōs).

Интонация перестает жестко определяться количеством гласного и начинает играть более самостоятельную роль. Циркумфлекс появляется на слогах с кратким монофтонгом, устанавливается связь между интонацией и ударением.

Слоги с акутовой интонацией перетягивают на себя ударение со слогов с циркумфлексной интонацией и со слогов с краткими монофтонгами, ср. *rō̄nkā > *rō̄nkā. В основах на *-ū- и на *-ī- на долгих

монофтонгах акут заменяется циркумфлексом, ср. сербск. *сѣн, сѣна; стѣн, стѣна; мѣст, мѣсти*. С.Б. Бернштейн объясняет это тем, что «циркумфлекс очень рано начал характеризовать парадигму с подвижным ударением, что особенно характерно было именно для основ на -ѣ и основ на -ѣ» [Бернштейн 1961: 159].

Поскольку в данном случае замена одной интонации другой (старого акута – старым циркумфлексом) проходила под воздействием грамматических факторов, С.Б. Бернштейн **не называет** ее метатонией, с которой будет связано появление новых интонаций в более позднюю эпоху в результате факторов фонетических.

Действие «закона Педерсена»

Унаследованный праславянским из праиндоевропейского согласный [s] в положении после гласных [ū], [ǔ], [ī], [i], сонантов [ǔ], [i], [r] и согласного [k] перед гласными изменялся в [x]. Поскольку одним из первых фонетические условия этого перехода определил датский лингвист Х. Педерсен⁴⁷, в научной литературе устоялся термин «закон Педерсена»⁴⁸. В отечественной учебной традиции используют мнемоническое «правило ruki ([r], [ū], [ǔ], [ǔ], [k], [ī], [i], [i])».

Рефлексы похожего процесса (переход [s] > [š] в определенных позициях) мы наблюдаем и в современных балтийских языках, причем наиболее последовательно он отражен в литовском, ср.:

и.е.	лат.	лит.	лтш.	ст.-сл.	русск.
mūsō-s	muscus	mūsos		мѣхъ	мох
ǔřūs-s		viršūs	viršus	врѣхъ	верх
mǔsā-ø	musca	mūsė		моуҕа	муха
mōisō-s		māišas	māiss	мѣхъ	мехъ
ǔētūs-s	vetus	vėtušas		ветѣхъ	ветхий
rĕk-s-ō-m				рѣхъ	

Существуют гипотезы, объединяющие праславянское изменение $s > x$ с более широким индоевропейским контекстом. Так, по мнению Б.М. Гаспарова, в праславянском языке «...зубной спирант переходил в задненёбный x , тогда как в периферийных зонах – балтийской и иранской – s отходил назад в своей артикуляции менее значительно и изменялся в передненёбный $š$ » [Гаспаров 1974: 23], ср. также [Чекман 1980: 27-37].

⁴⁷ “Nach ing. *ī i ū r k q* wurde *s* zu *ch* wenn nicht ein Explosivlaut folgte“ [Pedersen 1895: 74]. Под *q*, естественно, понимается лабиовелярный *k^h*.

⁴⁸ См., например, статью В.К. Журавлева «Педерсена закон» в [Лингвистический... 1990: 369].

Как полагает Я.С. Отрембский, «...судьба индоевропейского *s* в литовском языке особенно сильно подкрепляет гипотезу о первоначальном славяно-балтийском единстве. Сохранившийся в литовском языке после *r*, *k* шипящий *š* из индоевропейского *s* косвенно указывает, что в этот звук перешел индоевропейский свистящий *s* во всей балтийской языковой группе, так же как и в славянской. Но в дальнейшем, после разъединения балтов и славян, развитие... *š* было различным: в балтийских языках *š* совершило обратный переход в *s*, в а славянской языковой группе в *ch*» [Отрембский 1954: 34]. Как о чем-то само собой разумеющемся о переходе [s] в [x] через стадию [š'] говорит Н.Д. Русинов в популярном пособии, см. [Русинов 2010: 48].

Впрочем, С.Б. Бернштейн считает подобные гипотезы малоубедительными: «Таким искусственным приемом стремятся опровергнуть один из серьезных аргументов против теории балто-славянского праязыка. Судьба [s] в праславянском и прабалтийском языках свидетельствует, что данный процесс шел со стороны праславянского. Именно здесь он был особенно активен. В диалектах прабалтийского языка он был менее активен и по-разному отражен в говорах» [Бернштейн 161: 161].

Как уже отмечалось, одним из условий перехода [s] > [x] было положение перед гласными. В позиции перед глухими взрывными согласными [p], [t], [k]⁴⁹ звук [s] сохранялся, ср.: *lōṣpā – др.-русск. **лоуспа**⁵⁰, *b^hlōṣkō-s – ст.-сл. **вльскъ**, *eisk^[h]-ā-tēi – ст.-сл. **искати**, *rǫstō-s – ст.-сл. **ръстъ**, *rǫstī-s – ст.-сл. **ръсть**, *rōst-ī-tēi – ст.-сл. **роустити**.

Не переходил в [x] и рефлекс палатального индоевропейского *k̂*, ср.:

*pēikātēi⁵¹ > *pēisātēi > ... > писать
 *pēisātēi > ... > пихать

⁴⁹ Это были единственные согласные, перед которым [s] тогда мог существовать, потому что индоевропейские геминаты (двойные согласные) уже упростились (следовательно, звук [s] уже не мог находиться перед другим [s]), а в позиции перед звонкими согласными фонема <s> выступала в качестве аллофона [z], ср. *mīzd^h-ā-ō – русск. **мзда**, *mōzgōs – русск. **мозг**.

⁵⁰ Ср. этимологически однокоренное **луза**. Слово **лоуспа** как синоним слова **лоуска** в значении ‘скорлупа, шелуха’ дает [Дьяченко 1993: 288]

⁵¹ Ср. лат. **pingo, pinxi, pictum, ěre** 1) **писать** красками, рисовать (tabulam, Alexandrum): tabula picta картина; 2) <...> [Латинско-русский словарь 1949].

Индоевропейский корень *pēis- отражен в лат. **pinso, pinsui (pinsi), pinsitum (pinsum, piustum), ěre** 1) **толочь, растирать, молотъ (triticum)**; <...> (перевод по [Латинско-русский словарь 1949]).

Оба эти корня (*pēik- и *pēis-) на другой степени чередования (ēi-ī) дали на славянской почве глаголы **пъсати** (<*pēik-) и **пъхати** (<*pēis-) с исторически однокоренными **пъшено** (<*pēis-), **пъшеница** (<*pēis-) и т.д.

*rōrk⁵² - > rōrs - > ... > *поросёнок*
 *rōrs - > ... > *порох*

По мнению В.А. Богородицкого, с которым солидаризуется С.Б. Бернштейн, это свидетельствует о глубокой древности самого процесса перехода [s] в [x], когда еще различались артикуляция [s] и [š] (< [k]), ср. [Богородицкий 1916: 47].

О древности данного процесса, по мнению С.Б. Бернштейна, говорит и судьба относящегося к корню [s] в позиции после приставок, оканчивающихся на *r, i, u*, (**rēr-*, **prēr-*, **ūr-*). То, что в данной позиции [s] изменился в [x] лишь в глагольном корне **sōd-/sēd*⁵³, в абсолютном же большинстве случаев данный звук сохранился без изменения⁵⁴, свидетельствует о том, что во время действия «закона Педерсена» приставки еще не были жестко связаны с корнями.

Для сторонников поздней датировки «сатэмной палатализации» отсутствие [x] и его рефлексов в словах типа названных выше *ни-сать* или *поросёнок* – свидетельство того, что изменение [k̄] > [s] происходило в более позднее время, чем обсуждаемое изменение [s] > [x]. Так, в монографии [Маслова 2005] переход [s] > [x] и связанные с этим фонологические последствия рассматриваются на страницах 205-252, а «сатэмовая палатализация гуттуральных» – на страницах 301-427.

Возникший в результате действия «закона Педерсена» [x] выступал в качестве аллофона <s> в позиции после [r], [ū], [ǔ] [ǖ], [k], [ī], [ī̄], [ī] перед гласным. Иначе говоря, [s] и [x] находились какое-то время в позиции дополнительного распределения.

Фонологизация [x] связана с совпадением в одном качестве [s], восходящего к праиндоевропейскому *s, и рефлекса праиндоевропейского *k̄, а также с появлением (в достаточно большом количестве) звука [x] иного, чем по «закону Педерсена», происхождения.

⁵² Ср. лат. *porcus*, *i m 1*) свинья: р. femina свиная матка; 2) *поросёнок* (lactens): *porcus marinus* бурый дельфин [Латинско-русский словарь 1949].

⁵³ Обсуждение возможных причин данного исключения см. [Маслова 2005: 242-246].

⁵⁴ См. ст.-сл. *прѣселити*, *прѣсельникъ*, *прѣселникъ*, *прѣсѣдѣти*, *прѣсѣци*, *прѣсѣзати*, *прѣсѣжити*, *приселити сѧ*, *присѣдѣти*, *присѣтити*, *рисѣщеникъ*, *присѣга*, *присѣгнѣти*, *присѣженикъ*, *присѣзати*, *присѣци*, *присѣдити*, *оуселената*, *оусоуоузити*, *оусоушити*, *оусьмошреникъ*, *оусьнѣти*, *оусьпати*, *оусьпеникъ*, *оусьхнѣти*, *оусьненикъ*, *оусьрити сѧ*, *оусѣкновеникъ*, *оусѣкнѣти*, *оусѣци*, *оусѣдити*, *оусѣждати*, *оусѣмьнѣти сѧ* [Старославянский словарь 1994].

Особые случаи появления [x]

Помимо «закона Педерсена», звук [x] в праславянском языке мог появляться в результате действия морфологической аналогии, заимствования, звукоподражания, а также из некоторых индоевропейских звуков и сочетаний звуков (обычно называются *k^h, *ks, *sk, *k̥, см. [Маслова 2005: 247]).

Морфологическая аналогия

Под влиянием фонетически закономерных форм М.п. мн.ч. существительных *ō-склонения (*stōl-ōi-sū > столѣхъ), *ŭ-склонения (*sūp-ŭ-sū > сынѣхъ) и *ī-склонения звук (*g^hōst-ī-sū > гостѣхъ) [x] появился в данном окончании и там, где не было сформулированных Х. Педерсеном условий изменения [s] > [x], ср., например, *g^hēp-ā-sū > женахъ.

Под влиянием форм сигматического аориста тех глаголов, в которых появление [x] и его рефлексов было фонетически обусловлено (*mōlīsōm > молихъ, *mōlīsōmōs > молихомъ, *mōlīsōcē > молиховѣ, *mōlīsŋt > молиша; *rēksōm > рѣхъ, *rēksōmōs > рѣхомъ, *rēksōcē > рѣховѣ, *rēksŋt > рѣша), переоформились окончания⁵⁵, в которых появление [x] или [š'] (из [x]) фонетически обусловлено не было, ср., например: *gnōsōm > знахъ, *gnōsōmōs > знахомъ, *gnōsōcē > знаховѣ, *gnōsŋt > знаша; *rēkōsōm > рекохъ, *rēkōsōmōs > рекохомъ, *rēkōsōcē > рекоховѣ, *rēkōsŋt > рекоша.

Исключительно аналогического характера и [x] в праславянском суффиксе имперфекта -(ē)āx-, отраженном в ст.-сл. формах речаахъ, речааше, речаахомъ и т.д.

Под влиянием формы настоящего времени 2 л. ед.ч. глаголов на -ī- (ср. *mōlīsī > молиши⁵⁶) рефлекс [x] (>š') проник и в другие глаголы, ср. *gnōjēsī > знакши.

Под влиянием глаголов *rějšātēi и *dūsātēi (ср. русск. *пихать*, чешск. *dýchat* 'дышать'), где звук [x] был фонетически обусловлен,

⁵⁵ Здесь и далее, говоря об окончаниях, мы учитываем переразложение основ и возникновение новых окончаний, что особенно активно происходило в период действия так называемого «закона открытого слога» (тенденции к восходящей звучности слога).

⁵⁶ В старославянской форме молиши звук [š'] возник из [x] по первой палатализации, звук [t] окончания фонетически незаконно (мы были бы вправе ожидать чего-то типа молишь, что, впрочем, и наблюдается в большинстве славянских языков). Возможно, в тех славянских диалектах, на базе которых был сформирован старославянский язык, конечный [t] в данной форме мог появиться под влиянием окончания нетематических (но необычайно частотных) глаголов **быти**, **цати**, **дати**, **вѣдати** – **кси**, **пси**, **даси**, **вѣси**, которые восходят к индоевропейским окончаниям 2 л. ед.ч. медиального спряжения *-sāi и фонетически закономерны.

этот звук развился в глаголах *pāsātēi (русск. *пахать*, производное *пахарь*), *bāsātēi (словен. *báhati* ‘хвастать’, русск. диал. *бахарь*), *kōsātēi (польск. *kochać* ‘любить’).

Слова типа *stārōūsā, *stārōūsikā⁵⁷ (фонетически закономерные *старуха*, *старушка*) могли повлиять на внешнее оформление экспрессивного суффикса -х/-š-, ср. русск. *деваха*, *мамаша*, *Маша*, *Саша*, *Гриша* и т.д., см. [Ильинский 1916: 184-186].

З а и м с т в о в а н и я

Целый ряд слов, содержащих звук [x] или его рефлекс, был заимствован, ср.: ст.-сл. *хлѣвъъ* и гот. *hlaifs*, *hlaiwis*, ст.-сл. *хлѣвъъ*, ц.-сл. *хлѣвина*⁵⁸ и гот. *hlaiw* ‘могила, пещера’, ст.-сл. *хлѣмъ* и др.-сакс. *holm* ‘высота, холм’, ст.-сл. *хызъ*, *хызина* и др.-в.-нем. *hūs*, нем. *Haus*, ст.-сл. *хѣдогъ* ‘опытный’ и гот. *handugs* ‘мудрый’, др.-русск. *шеломъ* (< *hēlmōs) и др.-в.-нем. *helm*, др.-русск. *хоусарь* ‘разбойник’ и др.-в.-нем. *hansa* ‘военный отряд, дружина’⁵⁹.

Эти и подобные⁶⁰ заимствования в славянские диалекты из готского относятся ко II-V векам н.э., когда, по мнению С.Б. Бернштейна, в бассейне среднего течения Днепра установились особо тесные отношения между славянами и готами [Бернштейн 1961: 96-97].

З в у к и *k^h, *ks, *sk, k̂ как возможные источники [x]

По мнению Х. Педерсена, в ряде случаев звук [x] мог восходить к индоевропейскому придыхательному *k^h, см. [Pedersen 1895: 50, 56]. Подобным образом объясняет происхождение звука [x] в словах *соха*, *хохотать*, *прореха* А.М. Селищев, ср.:

«В литовском языке нет следа и от придыхательного задненёбно-го kh. Но у славян есть след такого согласного: в ряде слов, в которых др.-индийский язык имел kh, греческий χ, у славян был ch, а не k. Напр.:

слав. *socha*, др.-инд. *śākha* – ‘сук, ветвь’, персид. *šāch*; лит. *šakà* – ‘сук, ветвь’.

⁵⁷ Ср. польск. *Kasia*, *Zosia* (деминутивы от Екатерина, Зоя).

⁵⁸ *Хлѣвина* – (οἰκία) = хижина; пристройка къ дому (Прол. июн. 10); пещера. Въ древности этим словомъ означалась насыпь, валь, укрѣпленное и огороженное мѣсто; кладбище. <...> [Полный церковно-славянскій словарь 1993]

⁵⁹ Ср.: *Hanſe*, die; - [mhd. hanse = Kaufmannsgilde, Genossenschaft, ahd. hansa = Kriegerschar, Gefolge, Н. u.] <...> [DUDEN 2000]. В этом же словаре отмечены и только что упомянутые др.-в.-нем. (ahd.) *hūs*, *helm*.

⁶⁰ В числе заимствований этого периода из готского С.Б. Бернштейн называет также *bljudo* (гот. *biuþs*, род. *biudis*), *дѣлгъ* (гот. *dulgs*), *котѣль* (гот. **katilus*), *lixva* (гот. **leiha*), *меѣ* (гот. **mēkeis*), *осѣль* (гот. *asilus*), *velbqđъ* (гот. *ulbandus*).

<...>

слав. *chochotati*, др.-инд. *kakhati* – 3 ед., греч. *καχάζω*;

слав. *řecha* (русск. *прорѣха*), *řěšiti* (*otrěšiti*), др.-инд. *gēkhā* – ‘черта, линия’, *gīkhati* – ‘режет’, но лит. *gėkti* – ‘резать хлеб’ [Селищев 1951: 179-180].

В качестве рефлекса индоевропейского придыхательного *kh* приводятся старославянские *хохотати* и *храбрь* (ср. др.-инд. *kharah* ‘твёрдый, острый’) в [Горшков 1963: 231].

Впрочем, в связи с сомнениями в самом факте существования глухих придыхательных в праиндоевропейском языке⁶¹ предлагаются и другие этимологии.

Так, если для Х. Педерсена, А. Мейе, А.М. Селищева звук [x] в слове *соха* восходит к **kh*, Г.А. Ильинский восстанавливает праиндоевропейскую форму **sōksā*⁶², ср. [Ильинский 1916: 114-116].

М. Фасмер и авторы основанного О.Н. Трубачевым «Этимологического словаря славянских языков» возводит начальный звук [x] в слове *храбрь* не к **kh*, а к сочетанию **sk*, ср. латыш. *skarbs* ‘резкий’, др.-сканд. *skarpr* ‘резкий, острый, суровый’.

К морфемам *kso-*, *kse-*, *ks-*, *kse-* возводят слова *хоботъ*, *хвостъ*, *хыбаты*, *хотъ* и др., ср. [Бернштейн 1961: 164].

По мнению В.В. Мартынова, славянский [x] в ряде случаев соответствует праиндоевропейскому *k̥*, ср.:

ср.-сл. *халъга*, скр. *çālāh* ‘ограда’, *çalā* ‘хижина, дом’, греч. *καλία* ‘хижина, гнездо, лат. *cella* ‘кладовая’;

ср.-сл. *хладъ*, лит. *šaltas*, др.-иран. *sarəta* ‘холодный’;

ср.-сл. *хлалпъ*, лит. *šelpiti* ‘помогать, защищать’, см. [Мартынов 1968: 93-94; 106-129].

З в у к о п о д р а ж а н и е

Среди слов, содержащих начальный звук [x], немало звукоподражательных, несущих к тому же экспрессивную окраску, ср., например, русск. *харкать*, *хрюкать*, *хрипеть*, *хрустеть*, *хихикать*, *хохотать*.

Отметим, что именно со звукоподражанием прежде всего связывает гипотетические индоевропейские глухие придыхательные (в том числе и упоминавшийся выше *kh*) А. Мейе, ср.:

«...глухие придыхательные встречаются преимущественно в словах звукоподражательных:

⁶¹ Так, А.Р. Бомхард полагает, что глухие придыхательные не были частью праиндоевропейской фонологической системы и развились лишь впоследствии в некоторых языках-потомках, ср. [Бомхард 1992: 49-50].

⁶² Тем самым возникновение звука [x] вполне соответствует общему правилу (из [s] по «закону Педерсена»).

скр. *kakhati* (слово из туземного словаря ‘смеется’ (вследствие диссимилиации придыхания вместо древнего *khakhati*), гр. *καχάζω* (из **χαχάζω*) ‘хохочу’, арм. *хаханкх* ‘хохот’, др.-сл. *хохотѣ*, др.-в.-нем. *huoh* ‘насмешка’, лат. *sachinnus* (*ch* – эллинизирующая орфография) ‘хохотъ’, см. [Мейе 2007: 116].

Изменение [m] > [n] в конце слога

К периоду балто-славянской языковой общности С.Б. Бернштейн относит и переход согласного сонанта [m] в [n] в конце слога, ср. лат. *sim* и п.-сл. **kūm* > **šūm* > **sŭn* или окончание винит. падежа ед. числа **ā*-склонения лат. *aqu-ā-m* и п.-сл. **g^hēn-ā-m* > *-ōn* > *-ō*.

Следует отметить, что аналогичный процесс проходил также в ряде других индоевропейских диалектов, например, в диалектах, легших в основу греческого, германских, балтийских языков, в связи с чем некоторые исследователи относят его к праиндоевропейскому периоду. Впрочем, латинский язык, как мы видим, этимологическое [m] на конце слога сохраняет. Сохраняет его и древнеиндийский язык, ср. огласовку того же винит. падежа ед. числа: *devam* (основы на *a*), *senām* (основы на *ā*), *agnim*, *matim* (основы на *i*), *sunum*, *hanum* (основы на *u*), *devīm* (основы на *ī*), *vadhūm* (основы на *ū*), *dātāram* (основы на *ar*), *gājānam* (основы на *an*), *balīnam* (основы на *in*), *rasantam*, *dadatam* (основы на *ant*, *ānt*, *at*), см. [Зализняк 2005: 826-834].

РАСПАД БАЛТО-СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

Изменение согласных перед [j]. Первая палатализация задненёбных согласных

Процессом, начало которого С.Б. Бернштейн относит еще к периоду балто-славянского языкового сообщества, а окончание – уже к эпохе диалектного членения праславянского языка (вспомним существенно различающиеся рефлексы праславянских сочетаний **tj* и **dj* в разных славянских языках), является процесс взаимной ассимиляции согласного или группы согласных и следующего за ними [j]. Ближе всего к праславянскому были латышские, отчасти прусские говоры, см. [Бернштейн 1961: 167].

О том, что данный процесс начался до утраты закрытых слогов, свидетельствует, в частности, отсутствие носовых гласных в словах типа ст.-сл. *зѣмѣта*, *вонѣта* (к началу действия «закона открытого сло-

га» все слоги в этих словах уже были и так открытыми, ср. *võn.jā > *võ.n'ā)⁶³.

По мнению С.Б. Бернштейна, на месте сочетаний согласного с [j] возникал долгий мягкий согласный, который впоследствии утрачивал долготу, развивая вторичный палатальный элемент, за исключением долгих мягких [r̄'], [l̄'], [n̄'], которые сокращались, не развивая вторичного палатального элемента. Аналогичный процесс имел место и в сочетаниях [stj], [zdj], [skj], [zgj], [znj], [slj], когда согласные смягчались не только непосредственно перед [j], но и перед палатализованными согласными, ср.:

п.-сл.	ст.-сл. ⁶⁴	русск.	чешск.
*mōrjā ⁶⁵ > *mōr'ā > *mōr'ā	морѧ	моря	moře
*vōljā > *vōl'ā > *vōl'ā	волѧ	воля	vůle
*vōnjā > *vōn'ā > *vōn'ā	вонѧ		vůně
*zēmjā > *zēm'ā > *zēml'ā/*zēm'ā	земѧ	земля	země
*kōzjā > *kōz'ā > *kōz'ā	коѧ	кожа	kůže
*nōsjā > *nōs'ā > *nōš'ā		ноша	nůše
*sōuxjā > *sōux'ā > *sūs'ā	соуѧ	суша	
*sēkjā > *sēk'ā > *sēč'ā		сеча	
*lūgjā > *lūg'ā > *lūdž'ā > *l'ž'ā	лъѧ	диал. лжа ⁶⁶	(lež)
*mēdjā > *mēd'ā	меѧ	межа	meze
*svōitjā > *svēt'ā	свѣѧ	свеча	svíce
*pōustjā > *pūs'č'ā ⁶⁷		пуша	
*jēzdiām > *jēž'dž'q̄		езжу [jež̄u]	
*rōzgj- > *rōž'dž'-	роѧ		
*jēskjē > *jēš'č'ē	ѧѧ	ещё	ještě
*blāzniām > *blāž'n'q̄ ⁶⁸	блѧ		
*mūsliām > *mūs'l'q̄	лъѧ		

⁶³ В соответствии с рекомендациями Международной фонетической ассоциации слогораздел мы обозначаем точкой, см. [Jones 2003: xiii].

⁶⁴ Огласовки ст.-сл. форм приводятся по [Старославянский... 1994].

⁶⁵ Данное существительное приводится в форме им. падежа мн. числа, все остальные в данной колонке – в форме им. падежа ед. числа.

⁶⁶ Диалектное слово *лжа* использовано, в частности, А.П. Чеховым в повести «Моя жизнь», один из героев которой любит повторять: «Тля есть траву, ржа – железо, а *лжа* – душу». Русское слово *ложь*, как и чешское *lež*, восходят не к п.-сл. *lūgjā, а к однокоренному слову *lūgīs.

⁶⁷ Сочетания [š'č'] и [ž'dž'] имели неодинаковую судьбу в истории разных славянских языков.

⁶⁸ С.Б. Бернштейн предполагает, что изменения согласных [s], [z] перед [r̄'] и [n̄'] носили диалектный характер и поэтому оказались неустойчивыми, см. [Бернштейн 1961: 171].

Задненёбные [k], [g], [x], в отличие от других согласных, переживали аналогичный процесс, известный как «первая палатализация задненёбных», также и перед гласными переднего ряда, ср.:

п.-сл.	ст.-сл.	русск.	чешск.
*krīkētēi > *krīč'ētēi > *krīč'ātēi	крнчати	кричать	křičet
*g ^u ēn-ā > *gēn-ā > *dž'ēnā > *ž'ēnā	жена	жена	žena
*slōuxētēi > *slōuš'ētēi > *slōuš'ātēi	слоушати	слушать	

Как мы видим, «первая палатализация» проходила не только до утраты закрытых слогов, но и до изменения [ē] > [ā], ведь перед [ā] условий для палатализации заднеязычных не было.

С другой стороны, данный процесс оставался актуальным весьма продолжительное время, так как затрагивал и тот [j], который появлялся внутри морфемы в результате монофтонгизации, ср.:

п.-сл.	ст.-сл.	русск.	чешск.
*bējūdōd > *bjūdō	блюдо	блюдо	
*tējūdiōs ⁶⁹ > *tjūd'ь > *t'ūd'ь	цоуждь	чужой	cizí

Точно так же и сочетания [kt], [gt] в словах типа *nōktīs, *dūktēr, *mōgtīs, *mōgtēi могли измениться лишь после вызванного «законом открытого слога» изменения слогораздела, когда палатализованный [t'] оказался с [k] и [g] в непосредственной близости в одном слого и ассимилировал их, дав [t'], совпавший с рефлексом *tj, ср.:

п.-сл.	ст.-сл.	русск.	чешск.
*nōktīs > *nōt'ь	ноць	ночь	noc
*dūktēr > *dūt'ēr	дъци	дочь	dčera
*mōgtīs > *mōt'ь	моць	мочи нет	mos
*mōgtēi > *mōt'ī	моци	мочь	mosi

⁶⁹ Речь идет, скорее всего, о заимствовании самоназвания народа, с которым славяне с незапамятных времен контактировали и представителей которого считали, в отличие от себя, славян (славяне – обладающие даром слова), безъязыкими, немymi, ср. [theod]iscus (народная латынь VIII века) и ср.-в.-нем. tiu[t]sch (соответствующее современному Deutsche). Иначе говоря, 'чужой' = 'немец'.

Справедливости ради отметим, что С.Б. Бернштейн не разделяет данного широко распространенного мнения и считает, что праславянский язык унаследовал корень *teud- из праиндоевропейского, см. [Бернштейн 1961: 197].

Изменение гласных [ū] > [ī], [ǔ] > [ī], [ǒ] > [ě] после мягких согласных

Гласные [ū], [ǔ], [ǒ] в положении после мягких согласных делябиализовались и переходили в гласные переднего ряда [ī], [ī], [ě] соответственно, что впоследствии обусловило, в частности, существенные расхождения твердых и мягких типов склонения, ср. ст.-сл. **окно**, но **полкѣ**; **въ окнѣ**, но на **полѣ** и т.д.

Впрочем, старославянские формы типа **знаѣтъ** (а не ***знаѣтъ**), свидетельствуют, что перед закрывающим слог [n] гласный [ǒ] сохранялся, в отличие, например, от положения перед закрывающим слог сочетанием [ns].

История гласного [ē]. Сокращение долгих гласных в составе дифтонгических сочетаний

Как уже отмечалось, в положении после мягкого [ē] переходил в [ā], например: ***krǣč'ētēi** > ***krǣč'ātēi**, **slǒuš'ētēi** > ***slǒuš'ātēi**.

Во всех остальных позициях [ē] переходил в особый гласный, который принято обозначать чешской буквой ě и называть «ятем». Для того, чтобы отличить его от одноименного гласного, который мог получиться в результате монофтонгизации дифтонга \ddot{o}_i , используются обозначения \ddot{e}_1 («первый славянский ять») и \ddot{e}_2 («второй славянский ять»). Произносился «первый славянский ять» как [ā].

Судя по результату монофтонгизации дифтонга в составе окончания инфинитива (-tēi > -tī), долгота слоговой части была утрачена еще до общего перехода [ē] > [ā].

Изменение гласных [ū] > [ȳ], [ǔ] > [ь], [ī] > [ь]

Еще до утраты закрытых слогов в праславянском языке произошел переход [ū] > [ȳ]. С.Б. Бернштейн возражает исследователям, связывающим данное изменение с началом контактов славянских и германских племен около двух тысячелетий назад, и считает, что «в последние века до н.э. и в первые века н.э. праславянский язык <уже> не знал гласного [ū]. Его функцию выполнял [ȳ]» [Бернштейн 1961: 176]. Поэтому при заимствованиях славянским языком слов, содержащих [ū], происходила закономерная замена на [ȳ], ср. уже упоминавшиеся ранее ст.-сл. **хызъ**, **хызина** и др.-в.-нем. *hūs*, нем. *Haus*. И наоборот, при передаче славянских имен баварцами [ȳ] воспринимался ими (в VIII веке н.э.!) как [ū], например: *Dabramuzli* (< Dobromysl'), *Rubinicha* (< Рыбница), см. [Ramovš 1936].

С переходом [ū] > [ȳ] тесно связан и переход [ǔ] > [ь], который, в свою очередь, мог повлиять на переход [ī] > [ь].

«ЗАКОН ОТКРЫТОГО СЛОГА»

В III-II веках до нашей эры в истории праславянского языка началась новая эпоха. Во-первых, активизировалась тенденция к восходящей звучности слога, известная в учебной литературе как «закон открытого слога». Во-вторых, значительное расширение территории праславянского языка на запад и на восток создало предпосылки для его диалектного членения.

Тенденция избавляться от закрытых слогов не была чем-то специфически славянским, вспомним утрату индоевропейских «ларингалов», однако из всех индоевропейских праязыков лишь в праславянском эта тенденция реализовалась максимально, приведя к практически полному исчезновению закрытых слогов. В результате праславянский язык заметно отделился от других индоевропейских диалектов, в том числе и от балтийских.

Изменение слогораздела

В середине слова тенденция к открытости слога реализовывалась как изменение слогораздела, например: *mēt.tēi⁷⁰ > *mē.ttēi, *vēd.tēi > *vē.dtēi, *sūp.nōs > *sūp.nūs > *sър.nъs > *sъ.pnъs и т.д.

Утрата конечных согласных

Если закрытый слог находился в конце слова, то раскрыть его с помощью изменения слогораздела можно было лишь при условии отхода конечного согласного к следующему слову. Например, в предлоге *sъn в положении перед указательным местоимением *jъ согласный [n] сливался с [j], фонетически закономерно давая мягкий [nʲ], ср. русск. *с ним*.

В абсолютном же большинстве случаев, впрочем, конечному согласному было некуда отходить, в результате чего он утрачивался, ср. *tōd > tō, *rēc'ēt > *rēc'ě, *sъnъs > *sъnъ и т.д.

Конечный [n] в одних фонетических условиях (после [ъ] и [ь]) просто утрачивался, в других (в сочетании [ōn] из [ān]) – уходил в назальный призвук гласного, ср. историю окончания вин. падежа ед. числа *ō-склонения и *ā-склонения:

*ōrb-ō-m > *ōrbōn > *ōrbūn > *ōrbъn > *rā.bъ

*g^uēn-ā-m > *gēnān > *dž'ēnōn > *žēnōn > *žě.nō

Различную судьбу конечного -ōn в данных словах (*ōrbōn и *žēnōn) С.Б. Бернштейн объясняет их относительной хронологией: у существительных *ō-склонения с изначально кратким тематическим

⁷⁰ Как уже отмечалось, долгий гласный в составе окончания инфинитива сократился еще до утраты закрытых слогов.

гласным достаточно рано прошло усиление лабиализации в конечном слоге [ǫn] > [ǫ̃n], что фонетически закономерно дало [ɣn] > [ɣ̃]; у существительных же *ā-склонения конечное [ǫn] из [ān] появилось в связи с сокращением долготы гласного в составе дифтонгических сочетаний, то есть значительно позднее, когда конечное сочетание [ǫn] уже не переживало усиления лабиализации, ср. [Бернштейн 1961: 185].

Протетические звуки

Как принято считать, протетические звуки развились в праславянском языке в позициях зияния, возникающих в результате утраты конечных согласных.

Протетический [i] возникал перед [ě], [ā], [ɣ], [ā], например: *ěsmь > *iěsmь, *ādtěi > *iādtěi, *ɣz > *iɣz, *āgněn > *iāgněn.

Протетический [u] возникал перед [ɣ], [y], в единичных случаях перед [ā], например: *ɣn > *uɣn, *ydrā > *uydrā, *ātrā > *uātrā.

С.Б. Бернштейн последовательно отличает данные звуки от вторичных начальных звуков, развившихся в славянских диалектах в иных условиях (например, ст.-сл. рѣтрова, русск. восемь, обол, гусеница, укр. вулиця, вікно и т.п.), используя термин «протетические звуки» / «протезы» исключительно применительно к первым из них, см. [Бернштейн 1961: 185-187].

Судьба новых сочетаний согласных, появившихся в результате изменения слогораздела

В результате изменения слогораздела могли возникать сочетания согласных звуков, уже известные праславянскому языку, например: *kōs.tь > *kō.stь (ср. уже существовавшее к моменту изменения слогораздела stā.těi).

Однако в большинстве случаев возникали сочетания новые, которые к тому же могли противоречить⁷¹ тенденции восходящей звучности слога, из-за которой, собственно, слогораздел и произошел. В результате эти новые сочетания согласных претерпевали соответствующие изменения, например:

*vēs.slō > *vē.sslō > *vē.slō
 *māz.slō > *mā.zslō > *mā.slō
 *mēt.těi > *mē.ttěi > *mē.stěi
 *vēd.těi > *vē.dtěi > *vē.stěi
 *dād.sěi > *dā.dsěi > *dā.sěi
 *dād.mь > *dā.dmь > *dā.mь

⁷¹ Хотя и в меньшей степени, чем закрытые слоги.

*rād.nō > *rā.dnō > *rā.nō
 *sūp.nōs > ... > *sъ.pnъ > *sъ.nъ
 *tēp.těj > *tē.ptěj > *tē.těj
 *grēb.těj > *grē.btěj > *grē.těj
 *lěk.tā.těj > *lě.ktā.těj > *lě.tā.těj
 *dъb.nō > *dъ.bnō > *dъ.nō
 *ob.vol.ko > *o.bvol.ko > *o.bol.ko
 *ōp.sā > *ō.psā > *ō.sā

Во всех подобных новых сочетаниях согласных, за исключением сочетания [bv], утратился или подвергся трансформации⁷² начальный согласный, ср. русск. *весло, масло, мести, вестн, дам, рано, сон, летать, дно, оса*, ст.-сл. **даси, тетти, грети**.

В сочетании [bv] утратился конечный согласный, ср. русск. *облако*.

Особо следует оговорить сочетания [tl], [dl], утратившие начальный согласный в большинстве диалектов праславянского языка, однако сохранившиеся в западной его диалектной области, ср.:

п.-сл.	русск.	чешск.
*sād.lō > *sā.dlō	садо	sádlo
*plēt.lъ > *plē.tlъ	плёд	pletl

Речь идет, таким образом, о древнейшей праславянской изоглоссе.

Монофтонгизация дифтонгических сочетаний

Тенденция к восходящей звучности в пределах слога закономерно привела и к исчезновению противоречащих ей дифтонгических сочетаний, одни из которых (сочетания с [i], [u], [n], сочетания [ьг], [ьr], [ьl], [ьl]) монофтонгизировались через стадию дифтонга⁷³, другие (сочетания [ōr], [ēr], [ōl], [ěl]) переживали иной процесс.

Напомним, что еще до утраты закрытых слогов гласный в составе дифтонгического сочетания сократился, а [m] в конце слога перешел в [n], так что на месте прежних сочетаний [īn], [īm], [in], [im] представлено [ьn], на месте [ūn], [ūm], [un], [um] – [ъn], на месте [ān], [ām], [ōn], [ōm] – [ōn], на месте [ēn], [ēm], [ēn], [ēm] – [ēn], на месте [ōi], [āi] – [ōi], на месте [ōu], [āu] – [ōu] и т.д.

По мнению С.Б. Бернштейна, первыми подверглись монофтонгизации дифтонгические сочетания с сонантом [i], затем с сонантом

⁷² Предлагаемые исследователями объяснения механизма данной трансформации см. [Бернштейн 1961: 187-192].

⁷³ Ср.: «В результате [данного] фонетического процесса сочетание двух фонем преобразовалось в одну фонему: дифтонгическое сочетание изменилось в дифтонг, который в окончательной стадии процесса дал уже монофтонг» [Бернштейн 1961: 193].

[ɥ], потом сочетания с сонантом [ɲ] и, наконец, дифтонгические сочетания [ьг], [ьг], [ьл], [ьл].

Монофтонгизация дифтонгических сочетаний приводила, в частности, к дальнейшему обособлению интонации от количества гласного, так как в результате стали возможными **долгие монофтонги с циркумфлексной интонацией**.

Монофтонгизация [ěi], [ǫi], [ěɥ], [ǫɥ]

Дифтонгическое сочетание [ěi], включая [ěi] из [ǫi] после мягкого согласного, монофтонгизировалось в [ī], например:

*ějtěi > *īī
*pějsātěi > *pīsāī

Дифтонгическое сочетание [ǫi] монофтонгизировалось в большинстве случаев в так называемый «второй славянский ять», обозначаемый как ě₂ и произносимый, видимо, как закрытый напряжённый [ê], например:

*snǫigъ > *sně₂gъ
*kvǫitъ > *kvě₂tъ

В положении конца слова дифтонгическое сочетание [ǫi] могло дифтонгизироваться не только в ě₂, но и в [ī]. Речь идет прежде всего о формах именит. падежа мн. числа *ǫ-склонения, повелительного наклонения ед. числа, дат. падежа кратких энклитических местоимений 1 лица, например:

*ǫrbǫi > *ǫrbī
*ějdǫi > *īdī
*mǫi > *mī; *tǫi > *tī; *sǫi > *sī

Известны попытки связать результаты монофтонгизации [ǫi] с интонацией (под акутовой интонацией – ě₂, под циркумфлексной – [ī] или наоборот, ср. противоположные взгляды по этому поводу [Mikkola 1913: 60] и [Brugmann 1909: 213]), однако они не представляются достаточно убедительными большинству современных исследователей.

Дифтонгическое сочетание [ǫɥ] монофтонгизировалось в [ū], который, в отличие от старого [ū], уже не изменялся в [ȳ], например:

*slǫuš'ātěi > *sluš'ātī
*dǫuš'ā > *dūš'ā

Дифтонгическое сочетание [ěɥ] монофтонгизировалось в [ū] с выделением [j], ассимилирующего предыдущий согласный, например:

*běɥdō > *bjūdō > *bl'ūdō
*lěɥbītěi > *ljūbītī > *l'ūbītī

Монофтонгизация [ĕn], [ьn], [ǫn], [ъn]

Дифтонгические сочетания [ĕn], [ьn] монофтонгизировались в носовой гласный [ĕ̄], дифтонгические сочетания [ǫn], [ъn] – в [ǭ], например:

*sĕn > *sĕ̄
*dĕsъntь > *dĕsĕ̄ть
*rǫnkā > *rǭkā
*dъnbъ > *dǭbъ

Носовой [ĕ̄] представлен и на месте [in] в германизмах того периода, ср. ст.-сл. **пѣннѣсь** и др.-в.-нем. *pfenning*, ст.-сл. **кѣннѣсь** и др.-в.-нем. *kuning*.

Монофтонгизация [ьг], [ьг], [ьl], [ьl]

Как мы можем судить на основании памятников старославянской письменности, дифтонгические сочетания [ьг], [ьг], [ьl], [ьl] монофтонгизировались в слоговые сонанты [ʲḡ], [ʲḡ], [ʲḡ], [ʲḡ] соответственно.

С.Б. Бернштейн не разделяет широко распространенного мнения, что предки чехов, словаков и южных славян с самого начала произносили данные звуки как чистые сонанты, тогда как предки полабян, поморян, поляков и восточных славян – как сонанты с призвуками [ʲ] или [ʲ], и считает, что эти различия сформировались позднее – в период формирования лехитско-восточнославянской изоглоссы.

Вторая палатализация задненёбных согласных

В результате монофтонгизации дифтонгического сочетания [ǭi] могли возникнуть ситуации, в которых задненёбные [k], [g], [x] вновь оказались в положении перед гласными переднего ряда, например: *kǭinā > *kĕ̄nā, *gǭiǭ > *gĕ̄lǭ, *xǭiǭ > *xĕ̄dъ.

Поскольку действие первой палатализации к этому времени уже прекратилось и звуки [čʹ], [žʹ], [šʹ] из позиционных вариантов [k], [g], [x] стали самостоятельными фонемами, способными употребляться с [k], [g], [x] в одной фонетической позиции (например, перед гласным заднего ряда [ā], ср. *čʹāsъ / *kāmŷ, *žʹarъ / *gādъ, *sŷʹā / *xālǭgā), активизировался процесс, известный как «вторая палатализация», в результате которого задненёбные [k] и [g] изменялись в аффикаты [c] и [z] соответственно. Что же касается [x], то в тех диалектах праславянского языка, которые впоследствии легли в основу современных западнославянских языков, в результате «второй палатализации» появился звук [š], в остальных праславянских диалектах – [s], например:

*kǭinā > *kĕ̄nā > *cĕ̄nā

*gōiļō > *gě₂lō > *zě₂lō
*xōiđь > *xě₂дъ > *šě₂дъ / *sě₂дъ

При этом, по мнению многих исследователей, с которым солидаризуется и С.Б. Бернштейн, получившиеся согласные, в отличие от результатов первой или третьей палатализаций, **не были мягкими** ни фонетически, ни фонологически⁷⁴.

Как показывают недавние работы академика А.А. Зализняка, исследовавшего новгородские берестяные грамоты, в некоторых диалектах праславянского языка «вторая палатализация» проходила непосредственно или же не проходила вообще, см. [Зализняк 2004].

Таким образом, в отношении «второй палатализации» диалекты праславянского языка уже не являют прежнего единства: западная группа диалектов противопоставлена восточной по рефлексу [x], при этом в рамках восточного массива выделяется группа диалектов (будущие новгородские говоры), в которых «вторая палатализация» вообще не имела места.

Различия между диалектами наблюдаются и в отношении частных случаев «второй палатализации». Так, в диалектах праславянского языка, которые впоследствии лягут в основу западославянских языков, в группах [kv], [gv] в положении перед *ě* заднеязычный согласный сохранился, в большинстве остальных диалектов – пережил палатализацию, ср. чешск. *květ*, *hvězda*⁷⁵, словац. *kvet*, *hviezda*, польск. *kwiat*, *gwiazda* и русск. *цвет*, *звезда*, болг. *цвет*, *звезда*, сербск. *цвет*, *звезда*, словен. *cvēt*, *zvězda*. Это распределение сохраненного/палатализованного согласного распространилось и на однокоренные слова, ср. чешск. *kvíst*, польск. *kwiść*, русск. *цвёл*, болг. *цѣфта*, сербск. *цвѣсти*.

Особо следует оговорить сочетания [sk] и [zg], которые по второй палатализации должны были дать сочетания [sc] и [sz] соответственно, однако в ряде случаев дали иные сочетания.

⁷⁴ Ср.: «Надо думать, что в акустическом отношении [c], [z], [s], [š] представляли ту степень смягчения, которую мы обычно называем полумягкостью. В этом отношении они не отличались от всех остальных согласных перед гласными переднего ряда. Согласный [c¹] в им. мн. *pъtac¹i* представлял собой такой же вариант фонемы [k], как [d¹] в им. мн. *plod¹i* – вариант фонемы [d]. Звуки [c], [z], [s], [š] были позиционными вариантами задненёбных. В структуре праславянского языка [c], [z], [s], [š], возникшие из [k], [g], [x] перед [ě₂] и [i], являлись твёрдыми согласными. В грамматическом строе языка они выполняли функцию твёрдых согласных [Бернштейн 1961: 201-202].

⁷⁵ В истории чешского языка унаследованный из праславянского задненёбный согласный [g] перешел в гортанный согласный [h]. Звук [g] в современном чешском языке возник уже в новое время в результате озвончения [k] (*kdy* [gdi]), либо в результате относительно недавнего заимствования, например: *Olga, Riga, gestapo*.

В западных диалектах праславянского языка на месте [sk] и [zg] по второй палатализации возникли сочетания [š'č'], [ž'ž'], ср. чешск. *lidský* (им.пад. ед.ч.) – *lidští* (им.пад. мн.ч.).

О вариантах типа **людьсци** и **людьстни** свидетельствуют и старославянские памятники.

Результаты второй палатализации отражены и в заимствованиях, ср. ст.-сл. **цѣсарь** и гот. *kaisar*, ст.-сл. **црькы** и др.-в.-нем. *kiricha* (из *kurikon*), ст.-сл. **цѣта** и гот. *kintus*.

Третья палатализация задненёбных согласных

В отличие от первой или второй, третья палатализация касалась задненёбных согласных [k], [g], [x] в положении **не перед**, а **после** гласного или слогового плавного переднего ряда, а именно звуков [ī], [ь], [ē], [r̥], например: *ǫv̥kā > *ǫv̥c'ā, *m̥rkāī > *m̥rc'āī, *k̥p̥ēgь > *k̥p̥ēz'ь, *v̥xь > *v̥š'ь / v̥s'ь⁷⁶.

Следует отметить, что возникающие в результате данного процесса звуки, в отличие от результатов второй палатализации, были безусловно **мягкими**, о чем свидетельствует, в частности, обусловленный этой мягкостью переход конечного [ь] в [ь] в только что приведенных примерах *k̥p̥ēgь > *k̥p̥ēz'ь, *v̥xь > *v̥š'ь / v̥s'ь, а также сохранение этой мягкости перед гласными непереднего ряда, ср. русск. *вся*, *всякий*, *князя*, *князю*.

В отличие от первой и второй палатализаций, третья палатализация осуществлялась непоследовательно. С.Б. Бернштейн обращает внимание на то, что в современном русском языке во многих случаях рефлексы третьей палатализации представлены прежде всего в церковнославянизмах, ср. *зеркало* – *зерцало*, *брякать* – *бряцать*, *двигаться* – *подвизаться*, *кликать* – *восклицать* и т.д., см. [Бернштейн 1961: 208-211].

Впрочем, и в южнославянских диалектах праславянского языка, где третья палатализация проходила более последовательно, чем в южнославянских, мы находим варианты типа ст.-сл. **к̥нѣзь** – **к̥нѣгыни**.

Впоследствии рефлексy второй и третьей палатализаций совпали в мягком или твердом вариантах неодинаково по диалектам праславянского языка.

⁷⁶ Как и по «второй палатализации», в тех диалектах праславянского языка, которые впоследствии легли в основу современных западнославянских языков, в результате «третьей палатализации» на месте [x] появился звук шипящий согласный, в остальных праславянских диалектах – свистящий, ср. чешск. *všechno*, *všichni* и русск. *всё*, *все*.

ДРЕВНЕЙШИЕ ПРАСЛАВЯНСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

По мнению С.Б. Бернштейна, в последние два века до нашей эры и первые два века нашей эры сформировались изоглоссы, делящие праславянский язык на два массива диалектов: **западный**, который впоследствии ляжет в основу западнославянских языков, и **восточный**, из которого впоследствии выделятся южнославянские диалекты.

Западный и восточный диалектные массивы

1. В западных диалектах сочетание [tl], [dl] сохранялось, в восточных оно упростилось в [l], ср. чешск. *sádl*, *mýdl*, *vedl*, *pletl* и русск. *садо*, *мыло*, *вёл*, *плёл*.

2. В западных диалектах сочетание [kv], [gv] перед гласными переднего ряда сохранилось, в восточных задненебные в этих сочетаниях изменились в аффрикаты [c], [z], ср. чешск. *květ*, *hvězda* и русск. *цвет*, *звезда*.

3. В западных диалектах задненебный [x] по второй палатализации изменялся в [š], в восточных – в [s], ср. чешск. *šerý*, *šedý* и русск. *серый*, *седой*.

4. В западных диалектах задненебный [x] по третьей палатализации изменился в [šʲ], в восточном – в [sʲ], ср. чешск. *vše(chno)*, *vši(chni)* и русск. *всё*, *все*.

5. В западных диалектах долгота взрывных согласных [t̄] и [d̄], возникших из сочетаний соответственно *tj и *dj, была утрачена путем развития дополнительной свистящей артикуляции, в восточных – артикуляции шипящей. Так возникли мягкие аффрикаты [cʲ], [zʲ] (в западном диалекте) и [čʲ], [žʲ] (в восточном)⁷⁷, ср. чешск. *ciži* и русск. *чужой*.

Болгаро-лехитская изоглоссная область

Еще до того, как предки южных славян выделились из восточного диалекта праславянского языка, двинувшись на юг, сформировалась изоглоссная область, объединившая часть южнославянских диалектов с западнославянскими (со всеми или же с их частью). Речь идет прежде всего о следующих рефlekсах праславянского состояния:

⁷⁷ В дальнейшем эти аффрикаты в славянских языках претерпели различные изменения: утратилась их мягкость, утратился первый затворный элемент, аффрикаты распались на две самостоятельные артикуляции и т.д. Южнославянские языки свидетельствуют, что [čʲ] из [k] и [žʲ] из [tj] произносились различно: судьба их была разной.

1. В отношении так называемого I-epentheticum на стыке морфем современные болгарский и македонский языки объединяются с западнославянскими языками и противостоят западной подгруппе южнославянских языков (сербскохорватскому и словенскому), а также восточнославянским языкам, ср. болг. *земя*, чешск. *země*, русск. *земля*.

С.Б. Бернштейн соглашается с предположением Ст. Младенова, считающего, что болгарский язык имел диалекты, которые никогда не знали [ɾ] в словах типа русск. *земля* [Mladenov 1929: 149] и считает, что вопрос об I-epentheticum в старославянском языке следует решать особо.

2. В то время как в большинстве праславянских диалектов оба славянских «ятя» (ě₁, возникший из [ē], и ě₂, возникший из дифтонга [oi]), совпали в [ě] (отсюда и рефлексы [e], [ie] [i], [ī] в соответствующих языках), в так называемых болгаро-лехитских диалектах они совпали в [ä], ср. болг. *вяра*, *цвет*, польск. *wiara*, *kwiat*, русск. *вера*, *цвет*, чешск. *víra*, *květ*, др.-чешск. *vīra*.

Данная изоглосса противопоставляет диалекты, которые легли в основу болгарского, македонского, польского, кашубского и полабского языков, диалектам, из которых впоследствии сформировались все восточнославянские языки, сербскохорватский, словенский, словацкий, чешский языки (серболужицкий массив данной изоглоссой асимметрично разрезан – бóльшая часть серболужицких говоров объединена с чешско-словацкой подгруппой, меньшая – с ляхской, это восточные и северо-восточные серболужицкие говоры).

3. Изоглосса, связанная с судьбой праславянского носового гласного [ɔ], почти совпадает с изоглоссой ě₁ – ě₂. В болгаро-лехитских диалектах произошла делабиализация [ɔ] и изменился его подъем (со среднего на нижний), в результате чего в лехитских диалектах он превратился в [a^o], а в болгарских – в [a^b]. В диалектах, которые легли в основу словенского языка, [ɔ] сохранялся до самой его деназализации, во всех же остальных диалектах произошло не понижение, как в лехитских, а повышение подъема, в результате чего [ɔ] трансформировалось в [ɔ̄].

Дальнейшая судьба носовых гласных выделяет изоглоссную область уже внутри пралехитского диалектного массива. На большей его территории произошло разложение носовых [ɛ̄] и [a^o], когда назальная дополнительная артикуляция развилась в самостоятельную артикуляцию [n] или [m] в зависимости от последующего согласного, ср.: *ra^onka > raⁿka > raⁿka; *da^oь > da^mь > da^mь; *me^o > meⁿso > menso; *voda^o > vodaⁿ > vodaⁿ. Лишь в юго-восточной области прапольского диалектного массива (Сандомир, Кельцы – так называемый *teren beznosówkowy*) сохранились носовые

гласные, которые впоследствии пережили общий для всех славянских языков процесс деназализации.

4. В болгаро-лехитских диалектах праславянского языка сохранились аффрикаты [ʒ] и [ʒ'], возникшие в результате второй и третьей палатализаций, тогда как в остальных праславянских диалектах обе аффрикаты утратили затворный элемент еще до начала движения славян на юг, в результате чего [ʒ] и [ʒ'] превратились в [z] и [z'].

Данная аффриката оказалась устойчивой в лехитской группе (особенно в польском языке⁷⁸), в болгаро-македонских же диалектах, как свидетельствуют памятники старославянского языка, она утратилась довольно рано, особенно в восточно-болгарских говорах.

Восточнославянско-лехитская изоглоссная область

В III-V веках н.э. славяне заселяют Карпаты и Паннонию, в результате чего устанавливается тесный контакт между предками чехов и словаков с предками словенцев, хорватов и сербов. С другой стороны, возникают контакты восточнославянских диалектов с лехитскими. Поэтому рефлекс праславянского **tort-* по-новому группируют праславянские диалекты, объединяя чешский и словацкий языки с южнославянскими языками и противопоставляя им восточнославянские языки, объединенные с языками лехитской группы.

Дифтонгические сочетания [or], [ol], [er], [el] могли нести на себе и акутовую (´), и циркумфлексную (ˆ) интонации: **kóŕva* и **gôŕdъ*, **bérza* и **bêrgъ*, **bólto* и **gôlsъ*. Различная интонация могла быть у этих дифтонгических сочетаний и в начале слога: **órdlo* (órlo) и **orbota*.

В положении **не начала слога** эти дифтонгические сочетания уже не представляли древних отношений между количеством и интонацией. Так, в диалектах, из которых впоследствии сформировались чешский, словацкий, а также южнославянские языки, гласный всегда был носителем фонетической долготы под обеими интонациями: **kárva*, **gárdъ*, **bérza*, **bêrgъ*, **bálto*, **gálsъ*. Аналогичное положение было с дифтонгическими сочетаниями **в начале слога**: **árdlo*, **arbota*.

В восточнославянских и лехитских диалектах ситуация была иной. Дифтонгические сочетания в положении **не в начале слога** состояли из короткого гласного и долгого сонанта **kóŕva*, **gôŕdъ*, **bérza*, **bêrgъ*, **bólto*, **gôlsъ*. **В начале слога** данные диалекты, а

⁷⁸ В северных кашубских говорах затворный элемент утратился, однако в полабском языке он сохранился, ср. *nodzě*.

также пращешский диалект продолжали сохранять связь количества гласного и интонации: под акутом [ár], [ál] под циркумфлексом [ôg], [ôl].

С.Б. Бернштейн считает весьма логичным предложенный Селищевым механизм преобразования сочетаний типа *tort-, позволяющий объяснить многообразие рефлексов этих сочетаний в современных славянских языках.

Как уже говорилось, в одних праславянских диалектах носителями долготы слога в дифтонгических сочетаниях были гласные, а в других – сонанты. Тем самым возникло различие между сочетаниями [ar], [ěr], [al], [ěl] и [or], [er], [ol], [el]. Начавший действовать «закон открытого слога» привел к тому, что данные сочетания распались: слогораздел пошел между гласным и сонантом и сонант, оказавшись в начале слога перед согласным, должен был развить побочную слоговость. Дальнейшая судьба сочетания зависела от количества сонанта.

Краткий сонант не мог ни удержать слог, ни развить новый вокальный элемент, который стал бы носителем слога, поэтому он вновь примкнул к предшествующему слогу, что вызвало перестановку: ar > ar > ra, в результате чего получились чешск. *kráva, hlava, bříza, břeh, bláto, mléko*, словацк. *krava, hrad, blato, mlieko*, болг. *кравa, глава, град, бряг, мяко*, сербск. *крáва, грáд, брѐза, брѐг, блáто, млéко*, словенск. *kráva, grád, bréza, brég, bláto, mléko*

В тех же праславянских диалектах, где сонанты были долгими, из долгого сонанта выделился новый вокальный элемент, который затем развился в полноценный гласный, в результате чего возникли новые слоги [ro], [re], [lo], [le]. В лехитских диалектах развитие этого гласного было связано с постепенной редукцией гласного предшествующего слога, в восточнославянских же диалектах гласный предшествующего слога сохранился, ср. польск. *krowa, brzeg, glowa* и русск. *корова, берег, голова*.

Возможно, что восточнославянские диалекты контактировали прежде всего с северными лехитскими говорами, которые легли в основу языка поморских славян, а через них – языка полабских славян, так что мы имеем дело с еще одной изоглоссой, объединяющей восточнославянские диалекты с частью лехитских: в восточнославянских языках, в кашубском и полабском не различаются рефлексы *ol и *el, ср.: русск. *голова, молоко*, кашубск. *glowa, mlóc* ‘молоть’, полабск. *glávə, mlákə*. В этих же языках не различаются и рефлексы *l̥, *l̥̄. В русском языке на их месте мы находим сочетание -ол- (*полк, волк, полный*), в кашубском – сочетание -oł- (*wołk, mołc*), в полабском – -áц- или -u- (*váцкə, vuk, dáцg, páцnə*).

Как свидетельствует топонимия и древние заимствования, вплоть до VIII-IX века сочетания *tor, ter, tol, tel* автоматически преобразовывались по существующим в языке моделям⁷⁹.

Регулярно приводимым примером является имя известного славянам Карла Великого⁸⁰, закономерно давшее русск. *король*, польск. *król*, чешск. *král*, словацк. *kráľ*, сербск. *krâľ*, словенск. *kráľj* и т.д.

Дифтонгические сочетания [or], [ol], [er], [el] в начале слога были более устойчивыми, чем в середине, и их преобразования происходят позднее – в период взаимного обособления прасловацких и пращешских диалектов и формирования словацко-словенской изоглоссной области.

Как уже говорилось, в южнославянских диалектах носителем долготы дифтонгического сочетания под обеими интонациями был гласный, отсюда *art- > *rat-, *alt- > *lat- и фонетически закономерные южнославянские *рало, работа, равньъ, растъ; лакати, ладни*. В других праславянских диалектах под акутовой интонацией было *art-, *alt-, под циркумфлексной – *ort-, *olt-. В обоих случаях сонант был кратким, отсюда метатеза и фонетически закономерные восточно- и западнославянские *вянские *ralo (*radlo), *robota, *говньъ, *rostъ; *lakati, *lodija (*lodka)*.

Поскольку данный процесс проходил в период обособления пращешских диалектов от прасловацких (и от южнославянских) и их объединения с пралехитскими, в современном чешском языке мы находим фонетически закономерные *rádlo, robota, rovný, růst* (<*rostъ), *lodka*, соотносимые с такими же фонетически закономерными др.-русск. *рало, работа*⁸¹ и русск. *ровный, рост, лодка*.

В прасловацких диалектах (в отличие от пращешских, но вместе с южнославянскими) под обеими интонациями произошло преобразование *art- > *rat-, *alt- > *lat-, отсюда фонетически закономерные *rást', ražeň, rázštep, rázvora, rakyta; laní, lanský, lakeť*. Впоследствии, после сближения прасловацких диалектов с пращешскими, в словацкий диалектный массив проникло много чешских слов с начальным го-, lo-: *rovný, robota, rozvod, lodka* и др.

Колебания в судьбе начальных *ort-, *olt- мы находим в разных языках и прежде всего южнославянских. С.Б. Бернштейн отмечает два типа отклонений от рассмотренного выше процесса, характер-

⁷⁹ Ср. греческое слово *μαρμαρος*, на славянской почве давшее *мраморъ*.

⁸⁰ Король франков (768-814) и лангобардов (774-814), в 800 году он коронуется в соборе св. Петра в Риме в качестве Карла I – императора Священной Римской империи. Умирает в 814 году в Аахене [Encyclopaedia Britannica 2002: Chalremagne].

⁸¹ Современное русское *работа*, равно как и *ракита* – результат аканья (а *равно* и подобные формы – церковнославянизмы).

ных для южнославянских языков, в особенности для старославянского языка:

- го-, ю- в начале слога;
- аг-, ал- в начале и середине слога.

В Супрасльской рукописи нередки примеры типа **робъ**, **розвѣ**, **розбонникъ**, **розличенъ**, в болгарском языке мы находим *роб*, *робство*, *лока*, в сербском *рѡб*, *лѡкати*, *лѡкање*, в словенском *rŏb*. С.Б. Бернштейн не согласен с Фортунатовым, видящим в подобных случаях результат заимствования, и предполагает, что в южнославянских диалектах еще до метатезы начальный [ā] мог спорадически сокращаться, отсюда *ārb- > *ōrb- > *rōb-.

Второй тип отклонений связан с отсутствием метатезы типа старосл. **лакати** (наряду с фонетически закономерными вариантами типа **лакати**). Подобное окказиональное отсутствие метатезы в южнославянских языках Вайан объяснял романским влиянием, в лехитских – германским. С.Б. Бернштейн склоняется к предположению Лампрехта о том, что изменение начальных *ort-, *olt- – последнее по времени проявление действия тенденции открытого слога – на окраинах праславянского диалектного массива (в северных лехитских и в южнославянских говорах) могло проходить с некоторыми отклонениями, что можно рассматривать как позднюю болгаро-лехитскую изоглоссу.

ПЕРИОД РАСПАДА СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВОГО ЕДИНСТВА

Рассматриваемые на последующих страницах фонетические изменения С.Б. Бернштейн относит уже к периоду распада праславянского языкового единства, когда на основе отдельных праславянских диалектов начинают формироваться отдельные славянские языки.

Сокращение долгих гласных

Для праславянского вокализма было характерно противопоставление долгих и кратких гласных, причем в течение длительного периода количество гласного было связано с его качеством (продление краткого [ō] превращало его в [ā], а продление краткого [ě] – в [ĕ] и т.д.), а также с интонационными отношениями (старый акут был связан с долгой, старый циркумфлекс – с краткостью).

В период распада праславянского языкового единства это противопоставление долгих и кратких гласных в трехсложных и многосложных словах исчезло, сохранившись (с рядом существенных ограничений) лишь в двусложных и односложных словах.

Отдельные случаи сохранения конечной долготы представлены в односложных словах, ср. сербск. *ti̇, mi̇, vi̇*.

Долготу монофтонга под циркумфлексом сохраняют южнославянские диалекты (с. сербск. *grâd*, словенск. *grâd*), но не западнославянские (ср. чешск. *hrad*).

Более или менее последовательно во всех праславянских диалектах данное противопоставление сохранилось в единственной позиции – в предударном слоге двусложных слов. Ср. примеры из славянских языков, в которых противопоставление долгих и кратких гласных представлено и теперь (либо сохранились следы этого противопоставления):

праслав.	русск.	сербск.	словенск.	чешск.	словац.	польск.
*trāvā	<i>травá</i>	<i>трáва</i>	<i>tráva</i>	<i>tráva</i>	<i>tráva</i>	
*trǫbā	<i>трубá</i>	<i>тру́ба</i>	<i>trǫba</i>	<i>trouba</i>	<i>trúba</i>	<i>trąba</i>
*mǫkǎ	<i>мукá</i>	<i>му́ка</i>	<i>mǫka</i>	<i>mouka</i>	<i>múka</i>	<i>mąka</i>
*žēnā	<i>женá</i>	<i>же́на</i>		<i>žena</i>		<i>żona</i>
*nǫgā	<i>женá</i>	<i>но́га</i>		<i>noha</i>		<i>noga</i>

В прочих позициях в западнославянских диалектах долгота сокращалась, ср. многочисленные краткие [ǎ] [ǔ] (графически *a* и *u*) в современном чешском языке, а также *e* в современном польском – рефлекс древнепольского носового в **кратком** слоге.

В западнославянских диалектах долгота могла сокращаться даже в предударном слоге двусложных слов, ср.:

Праславянское *rǫkǎ требует, в соответствии с приведенными соответствиями, **долготы** корневого гласного. Её рефлекс мы находим в сербск. *ру́ка*, словенск. *róka*, однако в современных западнославянских языках здесь представлены рефлексы прежних кратких гласных, ср. чешск. и словацк. *ruka*, польск. *ręka*.

В абсолютном большинстве случаев долгота гласного в современных чешском и словацком языках – не сохраненная праславянская, как иногда пишут в соответствующих грамматиках, а вновь возникшая уже в истории данного языка (заместительная долгота; долгота под перенесенным ударением; результат стяжения двух гласных после выпадения интервокального *j*).

Позиционные изменения сверхкратких гласных

Сокращение долгих монофтонгов сопровождалось позиционными изменениями сверхкратких [ь] и [ъ]: в так называемой «слабой» позиции (на конце слова, а также в слоге перед слогом с гласным полного образования или сверхкратким в «сильной» позиции) они претерпели некоторое сокращение.

Еще в праславянскую эпоху «слабые» [ь] и [ъ] стали терять ударение, которое передвигалось на слог к началу слова, ср. *volǫ́ > *vólǫъ, *dvorǫ́ > *dvóǫъ, *nožǫ́ > *nóžǫъ, *ogǫ́ > *ogǫъ (об окситонированном характере ударения в данных словах говорит место ударения в косвенных падежах соответствующих лексем современного русского языка: *вола́, волу́, волóм...*; *дворá, двору́, дворóм...*; *ножа́, ножу́, ножóм...*, *орла́, орлу́, орлóм...*).

Перенос ударения с конечного сверхкраткого представлен, например, в родительном падеже множественного числа в словах с окситонированным и подвижным ударением, ср.: *žepǫ́ > *žépǫъ, *gǫkǫ́ > *gǫkǫъ, *nogǫ́ > *nóǫъ, *golovǫ́ > *golóvǫъ.

Сдвиг ударения со «слабого» сверхкраткого может происходить и в середине слова – в уменьшительном суффиксе -ьк- / -ък- в существительных *ā-склонения⁸², ср.: *golovǫ́ka > *golóvǫka, *gǫčǫ́ka > *gǫčǫka, *nožǫ́ka > *nóžǫka.

Еще одно праславянское позиционное изменение сверхкратких гласных связано с изменением их подъема в положении перед j: из гласных среднего подъема они стали гласными верхнего подъема, что приблизило их к [i] и [y]. Появившиеся таким образом сверхкраткие [i̯] и [y̯] были позиционными вариантами [ь] и [ъ] и так же, как и [ь] или [ъ], могли быть в «сильной» и «слабой» позиции.

Переход в [i̯] и [y̯] в положении перед j пережили также гласные полного образования [i] и [y].

Дальнейшая судьба [i̯] и [y̯] в истории отдельных славянских языков была различной.

Появление новых ударений

По мере того, как слабела связь интонации с количеством, укреплялась ее связь с ударением. В период распада праславянского языка акут и циркумфлекс различались уже **только в ударных слогах**. Сокращение долгих монофтонгов под ударением окончательно разорвало связь между акутом и долготой.

В результате рассмотренного выше сдвига ударения над новым ударным слогом возникла новая восходящая интонация – **новый акут**, носителем которой, в отличие от **старого акута**, мог быть любой монофтонг. Поскольку она была органически связана с ударением, С.Б. Бернштейн говорит о новом акутовом **ударении**, а не о новой акутовой **интонации**.

В отличие от старого акута, который во всех говорах сербскохорватского языка отражен одинаково – как краткое нисходящее ударе-

⁸² То, что сверхкраткий данного суффикса мог находиться под ударением, подтверждают существительные *ō-склонения с тем же суффиксом, ср.: *dǫb-ǫk-ъ, *sqč-ǫk-ъ.

ние, новый акут отражен как долгое нисходящее ударение (то есть как старый циркумфлекс) в большинстве штокавских говоров (*strâža, krâľ*), и как долгое восходящее ударение в чакавских, кайкавских и посавских говорах штокавщины (*stráža, králj*). Это значит, что новый акут возник тогда, когда уже начали формироваться основные говоры сербскохорватского языка.

Поскольку **новый акут**, в частности, возникал в родительном падеже множественного числа в старых окситонированных и подвижных парадигмах (*ženъ > *žěнь, *rǫкъ > *rǫкъ, *nogъ > *nógъ, *golovъ > *golóvъ), в старых баритонированных парадигмах в этих формах (*sílъ, líръ), чтобы избежать совпадения, произошла метатония – на месте старого акута возник **новый циркумфлекс**.

В дальнейшем новые ударения могли возникать и в положениях, не связанных с передвижкой ударения, например, в существительных женского рода мягкой разновидности *ā-склонения типа *vólja, ср. следы акутовой интонации (а ведь речь не может идти о **старом** акуте) в чешск. *vůle*, словацк. *vôľa*, словенск. *vólja*.

Старые интонации продолжали сохраняться под ударением там, где не было условий для замены их новыми.

В словенском языке новый акут, как и старый, отражен в виде долгого восходящего.

Смягчение согласных перед гласными переднего ряда

В раннем праславянском языке почти все согласные были твердыми (кроме [j], который был палатальным, то есть мягким по определению, а также возникших в результате сатэмной палатализации [š̌] и [ž̌]⁸³, впоследствии отвердевших). В положении перед гласными переднего ряда происходило, видимо, некоторое смягчение твердых гласных, обычно определяемое как полумягкость (палатализованность), однако это полумягкость не выполняла в языке никаких функций и была тем самым не фонологической, а чисто артикуляционной.

После ассимиляции согласных перед j появилась достаточно большое количество случаев⁸⁴, когда твердый и соотносимый с ним

⁸³ Если мы вслед за некоторыми современными исследователями будем относить сатэмную палатализацию к значительно более позднему периоду, то вместо палатализованных [š̌] и [ž̌] должны будем говорить о палатализованных *ǩ и *ǧ (<*ġ, *ġh), унаследованных в этом случае из праиндоевропейского языка.

⁸⁴ До этого могло существовать только противопоставление возникшего в результате сатэмной палатализации [š̌] твердому [s] типа *pěišātēi (русск. *пичать*) и *pěisātēi (русск. *пичать*), причем это противопоставление существовало относительно недолго, так как через какое-то время [š̌] отвердел и совпал с [s] (еще раньше [s] в приведенном примере изменился в [x], если исходить из традиционной ранней дати-

мягкий согласный находились в одной позиции, ср. различие мягкости и полумягкости⁸⁵ перед гласными переднего ряда (*dъnъ и *konъ) и различие мягкости и твердости перед гласными переднего ряда (*vonъa и *gana).

Отметим, что система твердых и мягких фонем в праславянских диалектах была неодинаковой: в тех диалектах, где на стыке морфем возник l-epentheticum (восточнославянские и западные южнославянские диалекты), не было мягких губных, и наоборот (западнославянские и восточные южнославянские диалекты).

Начатый в ранний период самостоятельного развития славянских языков процесс сближения **полумягких** и **мягких** согласных шел по-разному в различных языках. Наиболее последовательно этот процесс осуществился в др.-польском языке, наименее последовательно – в др.-сербскохорватском, который не содержит следов ассимиляции согласных перед гласными переднего ряда и последовательно различает мягкие и немьгкие согласные.

Прочие славянские языки лежат между этими двумя полюсами. Так, западные болгарские говоры и словенский язык близки к сербскохорватскому, русский, белорусский и отчасти украинский – к польскому. В словацком диалекте процесс сближения мягких и полумягких проходил последовательнее, чем в чешском⁸⁶.

Различия в степени палатализованности определило, по мнению С.Б. Бернштейна, ряд иных существенных различий между славянскими диалектами (например, сохранение/несохранение противопоставления [i]-[y], сопадение/несопадение рефлексов [ъ] и [ь]).

ровки сатемовой палатализации). Как уже упоминалось, в раннем праславянском языке [z] был позиционным вариантом [s] и в корреляцию с ž не вступал.

⁸⁵ Мягкий согласный был мягким и артикуляционно, и фонологически, полумягкий согласный был артикуляционно палатализован, однако фонологически оставался твердым.

⁸⁶ Если в истории словацкого языка данный процесс проходил перед всеми гласными переднего ряда, то в истории чешского – только перед [i] и [iē] (из *ě и из *e), но не перед [e]. По общему правилу в современном словацком языке «мягко» читаются все сочетания ne, te, de, а в чешском – только ně, tě, dě, но не ne, te, de.

В др.-чешских памятниках на месте этимологического «ять» мы находим дифтонг [ie], который затем в долгом слогое дал [ī], а в кратком – [’ě] со смягчением предшествующего согласного. У согласных [n’], [t’], [d’] эта мягкость сохранилась до сих пор, прочие согласные впоследствии отвердели, причем губные выделили бывшую мягкость в отдельную артикуляцию – [j] или [n’], ср. sníh [sn’ix] ‘снег’ (им. пад. ед. ч.) – sněhu [sn’ěhū] (род. пад. ед. ч.), víra [vīrā] ‘вера’ – věřít [vĕřīt] ‘верить’; místo [místō] ‘место’ – město [mn’ěstō] ‘город’. Поскольку в современном чешском языке буква ě часто пишется на месте этимологического «ять» (с рефлексами «ять» совпала также часть рефлексов носового переднего ряда, ср. devět ‘девять’, devíti ‘девяти’, devátý ‘девятый’), она и используется в палеославистике для обозначения данной фонемы.

Смягчение полумягких усилило взаимосвязь согласных и гласных, одно из проявлений которой – позиционное **продвижение вперед гласных непереднего ряда после мягких согласных**, наиболее последовательно осуществленное в др.-чешском языке⁸⁷. Начинается эпоха силлабем, которая продлится до «падения редуцированных».

Смягчение полумягких, по мнению С.Б. Бернштейна, уже **выходит за рамки праславянского периода** и относится к эпохе формирования отдельных языков славянских народностей.

Деназализация носовых гласных

В течение длительного времени во всех диалектах праславянского языка употреблялись носовые гласные переднего и непереднего ряда, причем, несмотря на общность их происхождения, их произношение в период распада праславянского языка в различных праславянских диалектах было неодинаковым: произношение носового гласного переднего ряда колебалось от [ɛ̃] до [ã], произношение носового гласного непереднего ряда – от [ã] до [ɔ̃]. Кроме того, в некоторых праславянских диалектах (во многих лехитских говорах, а также в части македонских и словенских говоров) носовые гласные вновь распались на сочетание «гласный + носовой сонант».

Действующим законам праславянского вокализма подчинялись заимствованные слова, топонимы и антропонимы. В заимствованном слове на месте сочетания любого гласного переднего ряда с носовым сонантом возникал носовой гласный переднего ряда, на месте сочетания любого гласного непереднего ряда с носовым сонантом – носовой непереднего ряда.

Речь шла не об актуальном фонетическом процессе, а о фонетической субституции. Греческий город Μεσεμβρία у болгар превратился в **Несебър** (совр. *Несебър*), Ἀρχίαλος – в совр. *Вахело*, на месте романских топонимов с *san(ctus)* в сербохорватском языке последовательно находится элемент *su-*, ср.: San Pietro – Su-Petar. Козьма Пражский (1045-1125) в своей латинскоязычной «Чешской хронике» одну и ту же реку в Баварии называет и *Kamb* (немецкое название), и *Chub* (чешское название).

Как свидетельствуют древнейшие славянские азбуки кириллица и глаголица, а также древнейшие памятники славянской письменности, славянские заимствования в венгерском языке, передача названий днепровских порогов у Константина Багрянородного, славянские слова в латинских грамотах и т.д., в большинстве славянских диалектов в конце IX – начале X века носовые гласные еще сохраня-

⁸⁷ В истории чешского языка этот процесс в конечном итоге привел к изменению качества гласного: [ʔu] > [i], [ʔa] > [e], ср. *klíč* ‘ключ’, *lidě* ‘люди’, *jih* ‘юг’, *kaše* ‘каша’, *ulice* ‘улица’.

лись, а к середине X века уже утратились, причем дольше всего носовые гласные сохранялись в корневых морфемах.

Очень устойчивыми оказались носовые гласные в болгарском языке, где деназализация проходит в основном в XII веке, причем в северных говорах этот процесс шел медленнее, чем в южных, а некоторые северо-восточные говоры сохраняли носовые гласные в корневых морфемах еще в XIII веке. Если в большинстве славянских языков деназализация носовых гласных протекала до «падения редуцированных», в болгарском языке было наоборот.

Как уже упоминалось, в болгарских диалектах праславянского языка носовой непредного ряда трансформировался в [a^b], который в ряде позиций мог сближаться с трансформированным же носовым переднего ряда [e^b], что «определило так называемую среднеболгарскую мену юсов» [Бернштейн 1961: 246].

Как уже упоминалось, в большинстве лехитских говоров в период общеславянской деназализации носовых уже не было – они распались на сочетания «гласный + носовой сонант», однако впоследствии начался обратный процесс преобразования этих сочетаний в новые носовые звуки – [ã] и [â], которые могли употребляться в кратких и долгих слогах и перед которыми согласные были мягкими (перед [ã]) или твердыми (перед [â])⁸⁸. Наиболее устойчивыми сочетания «гласный + носовой сонант» оказались перед смычными согласными и аффрикатами. Именно в этих позициях в современном литературном польском произношении отражено древнее состояние (ср. *kąt* [kont], *ząb* [zomp], *wziąć* [vʒon'ć], *rąk* [ronk], *zęby* [zemby], *wzięty* [vʒenty], *pięć* [p'en'ć], *będzie* [ben'dże], *ręka* [reŋka]), тогда как перед щелевыми мы находим новые носовые гласные (ср. *język* [jɛzyk], *wąsy* [vɔsy]).

Более того, в современном польском языке в заимствованных словах графические сочетания *an*, *am*, *en*, *em*, *on*, *om*, *in*, *un*, *in* перед щелевыми согласными произносятся как соответствующие носовые гласные: *oranżeria* [oraʒerije], *awans* [avans], *sens* [sɛs], *inżynier* [inʒyn'er], *munschuk* [muʃtuk], *rynštok* [rynštok], см. [Славянские языки 1977: 27].

В данном случае мы опять имеем дело с фонетической субституцией.

⁸⁸ К XIV веку оба новых носовых совпали в польском языке в одном качестве (однако сохранилось противопоставление мягких и твердых согласных перед прежними [ã] и [â]), и их дальнейшая судьба зависела от долготы/краткости слога – в долгом слоге появился [ɔ], в кратком [ɛ] (так возникли характерные для современного польского языка чередования а-ɛ типа *dąb* – *dęba*, *ząb* – *zęby*, *pięć* – *piąty*).

Выпадение интервокального [j]

Важным фонетическим процессом, который в значительной степени определил внешний вид многих слов современных южнославянских и особенно западнославянских языков, стало выпадение интервокального [j] и связанное с этим стяжение гласных, ср. чешск. *ráš* и русск. *пояс*, чешск. *stál* и русск. *стоял/стоил*, чешск. *dobrá* и русск. *добрая*.

В праславянских диалектах, которые легли в основу западнославянских языков, интервокальный [j] начал утрачиваться еще до «падения редуцированных», в южнославянских диалектах – после «падения редуцированных», в восточнославянских – существенно позже (к тому же весьма непоследовательно), при этом в прачешских диалектах он утратился раньше, чем в прасловацких, в прасербских – раньше, чем в праболгарских.

В результате стяжения возникали новые долгие гласные (сохранившиеся в чешском и словацком, однако вновь сократившиеся в большинстве прочих языков).

Судьба сверхкратких гласных

Как уже отмечалось, активизация тенденции к восходящей звучности слога, действующей на протяжении более чем тысячелетия, кардинальным образом отделила праславянский язык от других индоевропейских языков. Так называемое «падение редуцированных», неразрывно связанное с массовым появлением закрытых слогов, вновь привело к перестройке всей фонологической системы славянских диалектов. В **болгарских** и **македонских** диалектах процесс утраты сверхкратких в «слабой» позиции начался в конце X века, в большинстве **восточнославянских** диалектов он проходил в основном в XII веке, в северных древнерусских говорах – в XIII веке. В **полабском** языке сверхкраткие оказались наиболее устойчивыми и регулярно переходили в гласные полного образования в начальных слогах даже в «слабой» позиции, ср.: *sápót* ‘спать’, *tákāt* ‘ткать’.

Вокализация сверхкратких [ъ] и [ь] в сильной позиции

Если в «слабой» позиции сверхкраткие в большинстве славянских диалектов, как правило, исчезали, в «сильной» позиции они вокализовались, превращаясь в гласные полного образования.

В **македонском**, а также в **восточнославянских** языках [ъ] в сильной позиции вокализовался в [o], ср. русск. *мох*, *сон*, *дождь*, макед. *сон*.

В **словацком** языке в обычных условиях [ъ] также вокализовался в [o], ср. *bočka*, однако в начальном слоге возможен также результат [a], ср. *tach, dážd'*. Кроме того, в результате влияния чешских и польских говоров (в том числе заимствований – прежде всего из чешского) в словацком есть слова, в которых на месте [ъ] в «сильной» позиции представлен [e], ср. *sen, lebkový*.

Во всех названных языках [ъ] в сильной позиции изменился в [e], ср. русск. *день*, макед. *ден*, словацк. *deň*.

В истории **болгарского** языка [ъ] в сильной позиции вокализовался в [a^b], совпав впоследствии с рефлексом утратившего носовой призвук [q], ср. болг. *сън* (< *съпъ), *дъб* (< *dǫbъ). Что же касается [ъ] в сильной позиции, то результат его вокализации [e^b] совпал с рефлексом утратившего носовой призвук [e], ср. болг. *ден* (< *дъпъ), *месо* (< *mēsǫ).

В истории **сербскохорватского, словенского, чешского, польского, кашубского, полабского** и отчасти **лужицких** языков оба сверхкратких совпали в одном звуке.

В **сербских** и **хорватских** диалектах оба сверхкратких вокализовались в сильной позиции в [a^b] > [a], ср. сербск. *сѧн, дѧн*.

В истории **словенского** языка оба сверхкратких дали в «сильной» позиции звук [э], который в долгом слоге на большей части территории словенских говоров изменился в [ā], ср. *māx, dān*. В кратком слоге на месте сверхкратких в «сильной» позиции представлены [э] или [e], ср. *lǎž, sen*.

В **чешском, польском** и **кашубском** оба сверхкратких дали в «сильной» позиции звук [e], ср. чешск. *sen, den*, польск. *sen, dzień*.

В **полабском** языке оба сверхкратких дали в «сильной» позиции в большинстве случаев звук [ā], перед которым согласные могли быть твердыми или мягкими, ср. *dāzd* ‘дождь’, *vās* ‘вошь’, *p'ān, l'ān*. В ряде случаев на месте сверхкратких в «сильной» позиции мы находим [a], ср. *dan* ‘день’, *vas* ‘деревня’.

В **верхнелужицком** языке на месте сверхкратких в «сильной» позиции перед твердым согласным мы находим, как правило, [o], ср.: *toch, son, pos* ‘собака’. В положении перед исторически мягким или полумягким согласным представлен, как правило, [e], ср. *dešč, džeń, wjes* ‘деревня’.

В **нижнелужицком** на месте [ъ] в «сильной» позиции мы находим, как правило, [e], ср.: *mech, wěs*. В некоторых флексиях на месте [ъ] в сильной позиции представлен [o], ср. *dubom*.

Особые случаи изменения сверхкратких [ъ] и [ь]

Во всех современных славянских языках представлены случаи вокализации сверхкратких не только в «сильной», но и в «слабой»

позициях. Чаще всего речь идет о морфологической аналогии, когда идет обобщение по тому или иному падежу, например, русск. *льстец, льстеца* (обобщение по им. падежу, в котором суффиксальный [ь] находился в «сильной» позиции) и *доска́, до́ску* (обобщение по вин. падежу). При этом судьба одной и той же лексемы в разных славянских языках может в данном отношении совпадать, а может и различаться, ср. две историю двух лексем в русском и чешском языках:

	п.-сл.	русск.	чешск.
Им. пад.	*dъská, *čъstь	до́ска́, че́сть	děska, čest
Род. пад.	*dъský, *čъstí	до́ски, че́сти	děsky, cti
Вин. пад.	*dъskǫ, *čъstь	до́ску, че́сть	děsku, čest

Следует особо отметить вокализацию «слабых» сверхкратких в начальном безударном слоге перед слогом с гласным полного образования, ср. русск. *доцáтый* (< *dъskjaty + jь) при фонетически закономерном *чан* (< *dъskjanь). Возможно, основанием для вокализации «слабого» сверхкраткого в подобных случаях было стремление избежать возникновения труднопроизносимого скопления согласных без кардинального изменения внешнего облика слова⁸⁹. Как уже отмечалось, больше всего подобных случаев представлено в полабском языке, ср.: *sǎrót* 'спать', *tǎkǎt* 'ткать'. Достаточно много их и в болгарском, ср. *дъщеря, дъно, мъгла, тъка*.

Вокализация «слабых» редуцированных в ряде церковнославянизмов в русском языке произошла, как принято считать, в результате стремления церковнослужителей отчетливо произносить «ерь» в приставках⁹⁰, ср. *восстать* при фонетически закономерном *встать*, *собор* при фонетически закономерном *сбор*, *уповать* при фонетически закономерном др.-чешск. *úfati* и т.п.

В истории русского языка «слабые» сверхкраткие вокализовались также в положении рядом с плавным, ср. *кровь, слеза, крестить* и т.п.

Изменение начального сочетания [jь]

Начальное сочетание [jь] последовательно вокализовалось в [i] в истории **русского**, а также **южнославянских** языков, ср. русск. *игра, иго, игла, иметь, имя*, болг. *иго, игра, име, имам*, макед. *игра, имам, име*, серб. *ìгла, ùгра, ùмати, име*, хорв. *igla, igra, imati, ime*.

⁸⁹ Как это происходит при фонетически закономерном развитии, ср. только что приведенные русск. *чан* (< *dъskjanь) и чешск. род. пад. *cti* (< *čъstí).

⁹⁰ Речь идет о так называемом «сословном» произношении.

В истории **чешского** языка сверхкраткий в данной позиции либо исчез (в абсолютном большинстве случаев), либо вокализировался в [e] ср. *hra, jho, mít, jméno*, но *jehla*.

В **польском, украинском и белорусском** языках на месте начального [jъ] мы находим результаты и исчезновения сверхкраткого, и его вокализации в [i], ср. польск. *imać, mieć*, укр. *ім'я, грати, голка*.

Изменение сверхкратких [i] и [y]

Как и сверхкраткие [ъ] и [ь], сверхкраткие [i] и [y] в «слабой» позиции исчезли, а в «сильной» перешли в гласные полного образования, однако рефлексы [i] и [y] совпали с рефлексами соответственно [ъ] и [ь] **только в русском языке**, ср. *мою* (<*mъjо), *шея* (<*šija).

Во всех остальных славянских языках сверхкраткие [i] и [y] при вокализации в «сильной» позиции давали [i] и [y] соответственно, последующая судьба которых не отличалась от судьбы «обычных» [i] и [y], унаследованных из праславянского⁹¹, ср. чешск. *tuji, šije*, польск. *tuje, szyja*, болг. *мия, шия*, серб. *mijem, šija*.

⁹¹ Например, в истории большинства славянских языков [i] и [y] совпали в одном произношении.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ У СЛАВЯН

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

Возникновение славянской письменности связано с деятельностью «солунских братьев» Константина (около 827 – 14.02.869), принявшего перед смертью монашеский постриг под именем Кирилла, и Мефодия (около 815 – 6.04.885). О их жизни и деятельности мы знаем прежде всего из следующих источников:

славянские источники

- «Житие Константина»;
- «Житие Мефодия»;
- Сказание «О письменах» черноризца (монаха) Храбра⁹²;

латинские источники

- анонимное «Обращение баварцев и хорутан»;
- принадлежащая перу епископа Гаудериха Веллетрийского «Итальянская легенда» об обретении мощей св. Климента;
- письма папского библиотекаря Анастасия, который лично знал Константина-Кирилла в последние годы его жизни;
- послания римских пап Николая I, Адриана II, Иоанна VIII, Стефана V.

Интерес могут представлять также жития и похвальные слова в честь учеников Константина и Мефодия Климента Охридского и Наума, прежде всего **написанное по-гречески** «Житие Климента».

Основываясь на приведенных источниках, историю создания славянской письменности можно представить себе следующим образом:

В 862 или 863 году в Константинополь прибыло посольство к императору Михаилу III от князя Великой Моравии Ростислава с просьбой прислать им «епископа и учителя»:

«Хоть люди наши язычество отвергли и держатся закона христианского, нет у нас такого учителя, чтобы нам на языке нашем изложил правую христианскую веру, чтобы и другие земли, глядя на это, уподобились нам. Так пошли нам, владыка, епископа и учителя такого» [Сказания... 1981: 86-87].

Император благосклонно отнесся к просьбе и направил в Моравию миссию во главе с братьями Константином Философом и Ме-

⁹² Русские переводы «Жития Константина», «Жития Мефодия» и «Сказания о письменах черноризца Храбра», снабженные подробными комментариями и вступительной статьей Б.Н. Флори, изданы в книге [Сказания... 1981].

фодием. Старший из братьев в молодости был правителем одной из византийских провинций, так что имел опыт административной работы, младший же прославился своей ученостью и полемическими способностями: «Житие Константина» упоминает, в частности, его победы в спорах с противником иконопочитания низложенным патриархом Иоанном Грамматиком⁹³, с мусульманскими и иудейскими мудрецами во время поездок к сарацинам (арабам) и хазарам⁹⁴.

⁹³ Пользующийся репутацией несравненного оратора и полемиста, константинопольский патриарх Иоанн Грамматик был силой устранен со своей должности после смерти его покровителя императора Феофила и созыва восстановившего иконопочитание собора 843 года. В тексте «Жития Константина» бывший патриарх назван презрительно «Аннием».

⁹⁴ В связи с хазарской миссией Константина обычно упоминают два события, имевших значительные исторические последствия.

Во-первых, по свидетельству «Жития Константина», в Херсонесе он нашел «Евангелие и Пластырь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи...» [Сказания ... 1981: 77-78]. Вероятность, что в греческом на тот момент Херсонесе во время визита туда Константина-Кирилла волшебным образом появилась, а затем таким же волшебным образом исчезла бесследно русская письменность, представляется значительно менее вероятным, чем, например, иные объяснения:

Наиболее вероятное объяснение. Речь идет не о «русской», а «сурской» письменности. Один из переписчиков «Жития» (между созданием ЖК и древнейшей сохранившейся копией лежит более чем полтысячелетия (!), нечаянно переставил буквы (или же решил, что он исправляет ошибку, потому что веке в XIII на Руси «русские» письма уже были, а «сурские» – нет. Последующие же переписчики исправно повторяли измененный текст. «Сурским» (=сирийским) языком тогда называли арамейский – язык, на котором говорил Спаситель и апостолы. Церковная традиция сохранила сведения о том, что Евангелие от Матфея было написано по-арамейски и лишь позже переведено на греческий. Так что нет ничего удивительного ни в том, что в Херсонесе в IX веке могло оказаться Евангелие, написанное языком первых христиан (в этом регионе до сих пор живут караимы, знающие арамейский), ни в том, что Константин смог это арамейское евангелие прочитать, ведь незадолго до этого он научился читать на древнееврейском (об этом сказано в том же ЖК). В поддержку этой трактовки А. Вайан и Р. Якобсон обращают внимание на то, что для правильного чтения «русских» писем Константину было необходимо научиться «различать гласные и согласные», ведь в арамейском, как и в древнееврейском, гласные звуки обозначаются, как правило, не буквами, а специальными значками то под, то над текстом, см. [Сказания ... 1981: 117].

Еще одно вполне вероятное объяснение: Это могло быть евангелие на готском языке, ведь «русскими» тогда называли **варягов**, см. [Соколянский 2004: 237 след.] В цитируемой книге исследователь весьма пространно опровергает варяжское происхождение этнонима «Русь», однако приводимый им фактический материал допускает прямо противоположную интерпретацию.

Тем не менее «русские письма» продолжают будоражить умы тех наших соотечественников, которые вопреки всему желают видеть в их упоминании свидетельство существования у наших предков развитой докирилловской письменности.

Во-вторых, в Херсонесе Константин обнаружил мощи св. Климента – **третьего папы Римского** (первым был, как известно, апостол Петр), сосланного императором Траяном в Херсонес и казненного местными властями.

«Пошел же Философ и по старому обычаю стал на молитву и с иными помощниками. И вскоре открыл ему *их* [письмена] Бог, что внимает молитвам рабов своих, и тогда сложил письмена, и начал писать слова евангелия: "Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог" и прочее. Возрадовался же цезарь, и прославил Бога со своими советниками, и послал его с многими дарами, написав Ростиславу такое послание: "Бог, который хочет, чтобы каждый пришел к познанию истины и достиг большего достоинства, увидев веру твою и старание, сотворил и ныне в наши годы – объявив буквы для языка вашего – то, чего не было дано (никому) после первых времен, чтобы и вы были причислены к великим народам, что славят Бога на своем языке. И так тебе послали того, кому Бог объявил *их*, мужа честного и благоверного, книжника и философа. <...>"» [Сказания 1981: 87].

Прибыв в Моравию, Константин Философ обучил доверенных ему Ростиславом учеников славянской грамоте, «и вскоре перевел весь церковный чин и научил их и утрене, и часам, и обедне, и вечерне, и повечерию, и тайной молитве» [Сказания 1981: 87].

Проведя в Моравии 40 месяцев, Константин «пошел рукоположить учеников своих»⁹⁵. «Принял же его на пути Коцел, князь *паннонский*, и очень возлюбил славянские буквы, и научился им и дал (ему) до пятидесяти учеников, чтобы *научились* им, и великую ему честь оказал, и проводил его дальше» [Сказания 1981: 88].

В Венеции у Константина произошел диспут с «треязычниками»⁹⁶, считающими, что лишь три языка (языки, на которых была

⁹⁵ В соответствии с принципом **апостольской преемственности** рукоположить священника может только **епископ**, который сам, в свою очередь, был в свое время посвящен в сан совместными действиями трех епископов, первые же епископы были «поставлены» самими **апостолами**, получившими дар выступать проводником Божьей воли (и возможность передавать этот дар другим) **от самого Христа**. Принцип апостольской преемственности в Новое время стал нарушиться протестантами, однако и в православной, и в католической церкви необходимость его соблюдения не оспаривается. Поскольку архиепископ Зальцбургский и епископ Пассау, которым в церковном отношении были подчинены земли тогдашней Великой Моравии (включая земли, находившуюся в вассальной зависимости от Великой Моравии – Чехию, Паннонию и т.д.), были противниками славянской азбуки, Константин был вынужден отправиться в путь, чтобы найти епископа, который бы отнесся к славянской письменности более благосклонно.

⁹⁶ По отношению к возможности перевода Священного писания на народный язык во времена Константина и Мефодия не было единого мнения. С одной стороны, польза церковной проповеди на понятном для простого народа языке была очевидна (особенно если речь шла о новообращенном народе, который надо было окончательно вырвать из пут язычества). С другой стороны, существовали вполне обоснованные опасения, что не обладающий специальной теологической подготовкой человек может неправильно истолковать те или иные строки Писания, а если этот человек обладает пламенной верой, то его невольные заблуждения могут дорого стоить и

сделана надпись «Иисус из Назарета, Царь Иудейский» над распятым Христом: מלך היהודים ישוע הנצרי, ΙΗΣΟΥΣ Ο ΝΑΖΩΡΑΙΟΣ Ο ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΤΩΝ ΙΟΥΔΑΙΩΝ, IESVS NAZARENVS REX IVDAEORVM⁹⁷) достойны того, чтобы на них славилось имя Божие: «Скажи нам, как ты теперь создал для славян письмена и учишь им, а их не обрел раньше никто другой, ни апостол, ни папа римский, ни Григорий Богослов, ни Иероним, ни Августин? Мы же знаем лишь три языка, на которых подобает Бога с помощью (особых) письмен славить: еврейский, греческий и латинский» [Сказания... 1981: 88]. Мефодий отстаивал право славянской письменности на существование, не только напомнив о многих уже имеющих свою письменность христианских народах, но и приведя убедительные примеры в свою пользу из Ветхого и Нового Завета, ср.:

«Давид ведь вопиет, говоря: <...> "Хвалите бога все народы, похвалите его все люди"⁹⁸. <...> И Марк также говорит: "Идите по всему миру и проповедуйте евангелие всей твари. Кто уверует и

ему, и другим – вспомним религиозную нетерпимость и костры средневековья, которые в протестантской Женеве горели не менее жарко, чем в католической Испании. Поэтому хотя на ряде западных синодов (франкфуртский 794 года, аахенский 802 года, майнцкий 813 года) «троеязычие» было осуждено, см. [Сказания ... 1981: 130], споры вокруг него, как мы видим, не утихали.

В дальнейшем всё в конечном итоге зависело от решения местного монарха. Например, если во Франции после расправы над еретиками-альбигойцами (в 1209 папа Иннокентий III призывает к крестовому походу против них, в результате чего весь юг Франции оказывается залитым кровью, см. [Encyclopaedia Britannica 2002: Albigenses]) вводится запрет на чтение Писания мирянами (и инквизиция, чтобы следить за соблюдением этого запрета), в Чехии, которая уже была прочнейшим образом интегрирована в Европу (начиная с XIII века чешский король был одним из семи курфюрстов Священной Римской империи – тех, кто избирал императора; в 1623–1778 титул курфюрста носил также баварский герцог, в 1708 году появляется Ганноверский курфюрст, в 1803 – Гессенский, см. [Encyclopaedia Britannica 2002: Elector]) уже в 1370 году появляется **полный перевод Библии на чешский язык** (так называемая Дрезденская Библия), в последующие несколько десятилетий – дальнейшие переводы (Оломоуцская Библия, Литомержицкая Библия и т.д., см. [Staročeská Bible ... 1985]), а в **1488 году появляется печатное издание полной Библии на чешском языке** [Супрун 1989: 307].

Отметим, что латинскую Вульгату Иоганн Гутенберг напечатал в Майнце между 1450 и 1456 годом. Древнееврейский Ветхий завет был впервые напечатан в 1488 году, а печатный греческий текст Библии появился лишь в XVI веке – двуязычное (латинский и греческий) издание Эразма Роттердамского в Базеле в 1516 году и четырехязычное (древнееврейский, арамейский, греческий, латинский) Хименеса в г. Алькала (лат. Complutum) в 1522 году (Biblia Complutensis), см. [Мейчен 1994: 218]

⁹⁷ Мы не стремимся к палеографической точности воспроизведения надписей, единственная уступка которой – написания типа IESVS, ср.: «Различение букв V v U u I i J j введено лишь в 1559 г. Петром Рамусом (1515-1572). В научных изданиях это различие как не восходящее к Античности, как правило, не проводится» [Солопов, Антонец 2009: 24].

⁹⁸ Псалтирь 116:1.

крестится, спасен будет, а кто не уверует, осужден будет. А для тех кто уверует, придут такие, знамения: именем моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками⁹⁹. <...> Коринфянам же Павел сказал: "Желаю, чтобы все говорили языками, <...> Ибо если неясный звук издаст труба, кто станет готовиться к сражению? Так, вы, если издадите языком непонятные слова, как станет понятным то, что говорите? Ибо будете, как говорящие на воздух. Ведь столько видов звуков во всем мире, и ни один из них не безгласен. Ведь если не знаю силы гласа, то буду для того, кто со мной говорит, чужестранцем, и он для меня будет чужестранцем. <...> Ты ведь хорошо хвалишь (Бога), а другой не укрепляется (в вере). Хвалю Бога, что больше всех вас говорю языками, но в церкви хочу (лучше) сказать пять слов своим разумом, чтобы иных научить, чем множество слов на (незнакомом) языке."¹⁰⁰ <...> И снова говорит: "И каждый язык пусть возгласит, что господь – Иисус Христос во славу Бога Отца"¹⁰¹. [Сказания... 1981: 89-90].

В Риме братьям, несущим с собой мощи св. Климента, был оказан торжественный прием:

«Когда узнал о нем римский папа, послал за ним. А когда дошел он до Рима, вышел сам апостолик Адриан навстречу ему со всеми горожанами, неся свечи, ибо узнали, что несет мощи святого Климента, мученика и папы римского. И тогда Бог начал творить чудеса, расслабленный человек здесь исцелился, а иные многие избавились от разных недугов. <...> Папа же, приняв славянские книги, освятил и положил их в церкви святой Марии, что называется Фатне. Пели же над ними литургию. И затем повелел папа двум епископам, Формозе и Гаудериху, посвятить учеников славянских. И когда посветили их, тогда пели (они) литургию в церкви святого Петра на славянском языке, а на другой день пели в церкви святой Петронииллы и в третий день пели в церкви святого Андрея, а потом еще у великого учителя народов, Павла апостола, в церкви в ночи пели святую литургию по-славянски над святым гробом, имея себе в помощь Арсения епископа, одного из семи епископов, и Анастасия библиотекаря. Философ же со своими учениками непрестанно за это достойную хвалу воздавал Богу». [Сказания... 1981: 90-91].

В Риме Константин заболел и умер 14 февраля 869 года, постигшись незадолго до смерти в монахи под именем Кирилла:

«Постигли же его муки, и начал болеть. И когда уже много дней переносил свой тяжелый недуг, увидел однажды явление Божье, и начал петь так: "О сказавших мне: войдем в дом Господень, вознесе-

⁹⁹ Марк 16:15-17.

¹⁰⁰ 1 Коринф. 14:5-40.

¹⁰¹ Филиппийцам 2:11.

лился дух мой и сердце обрадовалось»¹⁰². И облекся в честные свои ризы и пребыл так весь день, радуясь и говоря: "Теперь я не слуга ни цесарю, ни кому другому на земле, только Богу Вседержителю. И был и буду во веки. Аминь". На следующий же день облекся в святой иноческий образ и, приняв свет к свету¹⁰³, дал себе имя: Кирилл, и в этом образе пребыл пятьдесят дней». [Сказания... 1981: 91].

После смерти брата посвященный в сан епископа Мефодий был назначен папой «на стол святого Андроника»¹⁰⁴, что автоматически делало его архиепископом и папским легатом *ad gentes*¹⁰⁵ – именно с этими званиями Мефодий выступает в булле папы Иоанна VIII епископу фрейзингенскому Анно [Magnaе...1969: 169].

Получив необходимую поддержку папского престола, Мефодий продолжил свою просветительскую миссию уже как архипастырскую, однако архиепископ зальцбургский Адальвин, считающий Великую Моравию и Паннонию своими церковными провинциями, инициировал арест Мефодия и церковный суд над ним¹⁰⁶, по реше-

¹⁰² Псалтырь 121.1.

¹⁰³ Эти слова иногда трактуются как свидетельство того, что св. Кирилл, помимо монашества, принял перед смертью схиму (принимъ свѣтъ къ свѣтѣ – 'к одному обету присоединил другой', то есть к обету монашества присоединил обет схимы). С другой стороны, в словах «приняв свет к свету» можно видеть и следование византийской традиции в назывании «светом» крещения, а монашества – «вторым крещением», тогда о схиме речь не идет. Поскольку дошедшие до нас списки «Жития Константина» написаны уже после «падения редуцированных», мы не знаем, «обет» (свѣтъ) или «свет» (свѣтъ) имел в виду автор. В пользу второй трактовки свидетельствует пересказ данного события в «Житии Климента», который выглядит как καὶ φωτὶ φωσῆς προσλαβὼν [Сказания... 1981: 141].

Постригающийся в монашество традиционно принимал другое имя, начинающееся с той же буквы, что и прежнее. Имя Кирилл Константин принял, вероятно, в честь Кирилла Александрийского (375-444) – одного из четырех восточных Отцов Церкви.

¹⁰⁴ Андроник, один из семидесяти учеников Христа, считается основателем митрополии с центром в Сирмии (ныне Срем). Сирмий в IV веке был одним из главных центров римского управления на Балканах, а епископ Сирмия был митрополитом всех епископов Паннонии и Иллирика. После разрушения Сирмия аварами в 582 г. сирмийская митрополия фактически прекратила свое существование, но формально упразднена не была. Поставление Мефодия «на стол святого Андроника» с церковно-правовой точки зрения означало возобновление ее функционирования после временного перерыва, см. [Сказания... 1981: 73].

¹⁰⁵ То есть представителем папского престола во всех церковных делах, касающихся того или иного обращенного в христианство народа (в данном случае славян).

¹⁰⁶ Мефодию инкриминировалось нарушение тридцать пятого апостольского правила, запрещающего епископу нарушать границы чужой епархии, что предусматривало лишение сана, ср.:

«35. Епископ да не дерзает вне пределов своей епархии творить рукоположения в городах и в селах, ему не подчиненных. Если же обличен будет, как сотворивший сие без согласия имеющих в подчинении города оные и села: да будет извержен и он, и поставленный от него», см. http://www.agioskanon.ru/apostol/001_r35.htm.

нию которого Мефодий около двух лет находился в заключении в одном из монастырей южной Германии¹⁰⁷ и был освобожден лишь в 873 году по требованию папы Иоанна VIII, пригрозившего участникам незаконного суда¹⁰⁸ отлучением от церкви, см. [Magnae... 1969: 164-165, 168-170].

Тем не менее до самой своей смерти Мефодий был вынужден бороться с сопротивлением не только немецкого духовенства – противников славянского богослужения, но и местных светских властей во главе со свергнувшим Ростислава Святополком. После же смерти Мефодия в 885 году все его ученики были изгнаны из Моравии или проданы в рабство¹⁰⁹, а все их рукописи уничтожены как еретические¹¹⁰, так что до нас не дошел ни один памятник руки Кирилла или Мефодия. Неизвестно даже место захоронения старшего из братьев.

К счастью, к тому времени уже христианской была Болгария, а в Восточной Адриатике рождалось королевство Хорватия, в них и нашли прибежище спасшиеся из Моравии ученики Кирилла и Мефодия, так что славянская письменность была уничтожена не до конца. В Македонии (юго-запад Болгарского царства) возникает О х р и д с к а я ш к о л а, возглавляемая учеником солунских братьев Климентом Охридским, на востоке Болгарии – П р е с л а в с к а я ш к о л а¹¹¹, расцветшая под покровительством царя Симеона (893–927), когда не только активно переписываются уже существующие славянские тексты, но переводятся с греческого новые книги, а также создаются оригинальные произведения (особо отметить следует произведения И о а н н а экзарха болгарского). Именно поэтому о

Кроме имени председательствующего на суде архиепископа зальцбургского Адальвина известны также следующие имена судей: епископ Пассау Германарих, который пытался ударить Мефодия плетью (ему помешали другие епископы), епископ фрейзингенский Анно, епископ бриксенский Лантфрид, см. [Magnae... 1967: 153, 165-171].

¹⁰⁷ О дискуссии относительно конкретного места заключения Мефодия см. [Сказания... 1981: 157-159].

¹⁰⁸ В качестве папского легата и архиепископа Мефодий был подсуден лишь папе, но не баварскому синоду.

¹⁰⁹ Возможно, свою роль в этом сыграло провозглашение в 884 году патриархом Фотием права константинопольского патриарха решать вопросы церковной жизни не только в своей области, но и в других (в том числе в в епархиях, подчиненных Риму), см. статью «Патріархъ» в [Полный православный...]. Не имея возможности причинить зло самому Фотию, «латинисты» отыгрались на последователях «трека» Мефодия. Возможным ответом Фотию могло быть и запрещение папой Стефаном V использования славянского языка в литургии.

¹¹⁰ Если не сразу, то чуть позже – в XI веке, когда была сожжены все славянские рукописи, найденные «латинистами» в Сазавском монастыре – чешском монастыре, где славянское богослужение продержалось дольше всего, см. [Ottova encyclopedie 1997].

¹¹¹ Книжники Преславской школы пользовались кириллицей.

данном периоде часто говорят как о «золотом веке» древнеболгарской письменности.

После смерти Симеона, однако, Болгария слабеет, подтачиваемая набегами венгров, печенегов, русов, пока, наконец, не становится в 1018 году византийской провинцией [Encyclopaedia Britannica 2000: Vulgar]. Византия, поддерживавшая славянское богослужение на чужой территории, на территории собственной относилось к нему гораздо менее терпимо, так что центр славянской письменности вновь перемещается – в крестившуюся в 988 году Киевскую Русь. Расцвет славянской письменности при князе Ярославе Мудром (978–1054) иногда ее иногда называют «серебряным веком» славянской письменности, см. [Войлова 2003: 17]. Искусно выполненными копиями восточноболгарских переводов эпохи Симеона являются такие значительные памятники письменности, как Остромирово евангелие (1056-1057) и Изборник Святослава (1073).

ПРОБЛЕМА ДИАЛЕКТНОЙ ОСНОВЫ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Уже отмечалось, что во времена Кирилла и Мефодия праславянский язык уже начал распадаться на диалекты, однако вопрос о том, какой именно славянский диалект (группа славянских диалектов) лег в основу старославянского языка, долгое время оставался дискуссионным.

«Отец славистики» чех Йозеф Добровский (1753-1829) полагал, что это могли быть древнесербские диалекты. Некоторые вдохновленные гипотезой Добровского деятели сербской культуры конца XVIII–начала XIX веков пытались даже утвердить церковнославянский язык в качестве сербского литературного языка, ср. опубликованный в 1801 году осуществленный Григорием Терлаичем перевод **с русского на церковнославянский (!)** повести М.М. Хераскова «Нума, или процветающий Рим», см. [Гудков 1993: 120-121].

В течение долгого времени весьма популярной была так называемая «паннонская теория» словенца Б. Копитара (1780-1844), развитая его учеником Ф. Миклошичем (1813-1891), в соответствии с которой в основу старославянского языка легли славянские диалекты Паннонии IX века, то есть словенские диалекты. Среди аргументов сторонников «паннонской теории» наиболее значимыми представляются следующие:

Во времена Кирилла и Мефодия предки словенцев жили не только в Паннонии, но и по всему левому берегу Дуная, лишь после

вторжения венгров в Европу они были оттеснены на юг¹¹². Тем самым получалось, что братья переводили богослужебные книги не столько для предков нынешних чехов и моравян, сколько для предков нынешних словенцев¹¹³.

В старославянских памятниках представлено большое количество слов, относящихся к церковной и административной терминологии и являющихся по происхождению германизмами¹¹⁴ или латинизмами (ср. **олѣтарь** и лат. altare, **оцѣтъ** и лат. acetum, **постъ** и др.-в.-нем. fasta, **попъ** и др.-в.-нем. pfaffo, **цѣсарь** и гот. kaisar < лат. Caesar), а ведь именно предки словенцев теснее других славянских племен, как полагал Копитар, были связаны с латинско-германским миром.

В качестве аргументов в пользу «паннонской теории» Ф. Миклошич рассматривал и фонологические расхождения между языком старославянских памятников и современными ему болгарскими диалектами (включая диалекты, легшие впоследствии в основу современного македонского языка), например, отсутствие в современном болгарском языке носовых гласных (которые были в старославянском языке и передавались «юсами»), отсутствие в ма-

¹¹² Эта выдвинутая немецким историком Дюммлером теория не является общепризнанной, см. [Елкина 1960: 17].

¹¹³ Некоторыми весьма солидными исследователями может даже подниматься вопрос, в какой именно Моравии провел последние годы своей жизни Мефодий. Кроме «Великой Моравии» (историческая территория вокруг реки Моравы – притока Дуная, отделяющего современную Чехию от современной Словакии) была и другая Моравия (историческая территория вокруг еще одной реки с тем же названием, протекающей через современную Сербию). Зачем же было Мефодию, выданному баварскому синоду, судя по всему, именно Святополком, возвращаться во враждебную ему Великую Моравию? Тем более что «альтернативная» Моравия была географически гораздо ближе к Сирмию, где и располагался «стол св. Андроника» – архиепископская кафедра Мефодия, ср. [Хабургаев 1994].

Кстати, существовавшее менее столетия государство было названо Великой Моравией, скорее всего, не за его особое могущество (основателя государства Моймира сверг с престола Ростислав, который, в свою очередь, был свергнут собственным племянником Святополком, после смерти которого государство распалось еще до венгерского нашествия в 906, см. [Encyclopaedia Britannica 2002: Moravia]; всем им приходилось отчаянно бороться с баварским герцогом за свою независимость), а в силу обычной в античности и раннем средневековье практики различения сходно звучащих топонимов: то, что было ближе, называлось «малым» (ср. Малая Азия), а то, что дальше – «великим», ср. Бретань и Великая Бретань (Великобритания), Греция и Великая Греция (греческие колонии в Африке, Италии, в Азии, в Крыму), Малая Русь как центр государства рюриковичей («Киев – мать городов русских») и Великая Русь – историческая периферия земель конунгов Хельги (Олега), Ингвара (Игоря) и Вольдемара (Владимира) Святого. Великая Моравия была дальше «просто Моравии» и от Константинополя, и от Рима – тогдашних основных центров европейской цивилизации.

¹¹⁴ Приводимые далее древневерхненемецкие и готский примеры взяты из [DUDEN 2000].

кедонских говорах аффрикат [št̚], [žd̚] – вполне обычных для старославянского языка, ср. **свѣцѣа**, **межда**.

Словацкий исследователь П.И. Шафарик (1795-1861) в поддержку «паннонской теории» отметил, что в наиболее древних старославянских памятниках есть слова, встречающиеся в Новое время только в словенском языке (или в чешском и хорватском, куда они могли быть заимствованы из языка бежавших от венгров предков словенцев), ср.: **балии** ‘врач’, **ближника** ‘родственник’, **рѣснога** ‘истина’, **локва** ‘дождь’ и др.

Поддерживаемая авторитетом автора фундаментальных «Сравнительной грамматики славянских языков» (Vergleichende Grammatik der slavische Sprachen. Wien, 1852–1874), «Старославянско-греко-латинского словаря» (Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Wien, 1862–1865) и «Этимологического словаря славянских языков» (Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886) Ф. Миклошича, паннонская теория была опровергнута лишь в конце XIX века, когда словенец В. Облак (1864–1896) обнаружил в славянских говорах вокруг Салоник (Солуни) все те фонетические особенности, на которые ссылались защитники «паннонской теории», а именно аффрикаты [št̚], [žd̚] в соответствии со старославянскими звуками, передаваемыми буквами **щ**, и **жд**, гласные [o] и [e] на месте старославянских сверхкратких соответственно [ъ] и [ь] в сильной позиции, произношение [ä] на месте старославянского «ятя», рефлексы носовых в соответствии со старославянскими гласными, обозначаемыми «юсами», ср. [zmp̚] – **зѣвъ**, [r̥ka] – **рѣка**.

В поддержку болгаро-македонской диалектной основы старославянского языка М. Фасмер (1886-1963) отметил, что некоторые грецизмы в старославянских памятниках (**сѣбота**, **левгитъ**, **креватѣ**) отражены в такой форме, в какой они могли быть заимствованы из народной речи, но не из литературного языка, а живая связь с греками была именно у балканских, но не у паннонских славян.

В России сторонником болгарской (болгаро-македонской) диалектной основы старославянского языка был А.Х. Востоков (1781-1864), который первым в истории языкознания применил сравнительно-исторический метод к исследованию славянских языков и установил звуковое значение старославянских «юсов» и «еров».

КИРИЛЛИЦА И ГЛАГОЛИЦА

Нам известны две старославянские азбуки – так называемые **глаголица** и **кириллица**, одна из которых создана Константином Философом, а другая – учениками и последователями равноапостольных братьев.

В основе кириллицы лежит греческое уставное письмо, дополненное особыми буквами для передачи звуков, отсутствующих в греческом языке. Те или иные буквы глаголицы могут быть похожими на некоторые буквы древнееврейского или коптского алфавита либо греческой скорописи, однако в целом глаголица безусловно представляет результат «сознательной творческой деятельности вдумчивого филолога, знакомого, в частности, с различными восточными системами письма» [Хабургаев 1986: 27].

Нельзя не заметить и **символику глаголицы**: первая же её буква **Ѡ** представляет собой крест, благословляющий книжника, вторая буква **Ѣ** напоминает о Троице, многие буквы содержат круг или треугольник – символы Всевышнего, комбинациями круга и треугольника являются буквы «и восьмеричное» и «слово», сочетание которых используется для написания имени Иисуса (**Ѹ Ѻ**) и т.д.

В различных учебниках старославянского языка мы наблюдаем незначительные расхождения как в названиях некоторых старославянских букв, так и в их последовательности. Так, глаголическая буква **Ѧ** может называться и **гєрвь** и **дєрвь**, кириллическая буква **ц** (и-десятеричное) – и **ижеи**, и **иже** и просто **ц**, буква **в** – и **вѣдѣ**¹¹⁵, и **вѣди**, буква **т** – и **тврѣдо**, и **тврѣдо**, и т. д. Предлагаемая ниже таблица ориентируется на исследование [Иванова 1969], в котором первоначальное количество и порядок следования букв глаголицы и кириллицы определяется по данным древнейших славянских и латинских рукописей, а также азбучных молитв (акростихов).

буква глаголицы	числовое значение	буква кириллицы	числовое значение	название	звуковое значение
Ѡ	1	а	1	азъ	a
Ѣ	2	б	-	боукы	b
Ѥ	3	в	2	вѣдѣ	v
Ѧ	4	г	3	глаголи	g
Ѩ	5	д	4	добро	d
Ѭ	6	е, є	5	кстѣ	je, e
Ѯ	7	ж	-	живѣте	ž'
Ѱ	8	з, ѕ	6	зѣло	z'

¹¹⁵ Слово **вѣдѣ** представляет собой древнюю форму перфекта 1 л. ед. ч. (с рефлексом праиндоевропейского окончания медиального залога -ai) – **единственный** пример этого типа на славянском материале, см. [Мейе 2007: 246].

Поскольку в конструкциях с перфектом значимым является не само действие, а его результат (**вѣдѣ** значит ‘узнал и сейчас знаю’), она в принципе означает то же, что и форма настоящего времени 1 л. ед. ч. **вѣмь**. В тех памятниках, где форма **вѣдѣ** встречается (по 2 примера в Зографском и Ассеманиевом евангелиях, 6 примеров в Саввиной книге и т.д.), она конкурирует с формой **вѣмь**, см. [Вайан 2009: 348]. Таким образом, начало азбуки (**азъ боукы вѣдѣ**) может означать: ‘Я буквы знаю’.

буква глаголицы	числовое значение	буква кириллицы	числовое значение	название	звуковое значение
Ѡ	9	з, з̣	7	ЗЕМЛА	z
Ѣ, Ѥ	10	и	10	ИЖЕ	i
Ѧ	20	ї, ѡ	8	ИЖЕИ, И	i
Ѩ	30	(ѣ) ¹¹⁶	-	ДЕРВЪ, ѢРВЪ	g'
Ѥ	40	к	20	КАКО	k
Ѧ	50	л	30	ЛЮДИК	l
Ѩ	60	м	40	МЫСЛИТЕ	m
Ѥ	70	н	50	НАШЬ	n
Ѧ	80	о	70	ОНЪ	o
Ѩ	90	п	80	ПОКОИ	p
Ѥ	100	р	100	РЬЦИ	r
Ѧ	200	с	200	СЛОВО	s
Ѩ	300	т	300	ТВРЬДО	t
Ѥ	400	ѵ, ѵ̣	400	ИЖИЦА	i, v
Ѧ	400	оу̣	400	ОУКЪ	u
		Ѹ		ОНИКЪ	u
Ѣ, Ѥ	500	ф	500	ФРЪТЪ	f
Ѧ	600	х	600	ХЪРЪ	x
Ѩ	700	ѡ	800	ОТЪ	o
(Ѥ) ¹¹⁷	800	-	-	ПЪ	p, f
Ѥ	900	ц	900	ЦИ	c'
Ѧ	1000	ч	90	ЧРЬВЬ	č'
Ѩ	-	ш	-	ША	š'
Ѥ	800	щ	-	ШТА	št'
Ѧ	-	ъ	-	КРЪ	ъ
Ѩ, Ѥ, Ѧ	-	ы, ѣ, ѥ	-	КРЫ	y
Ѥ	-	ь	-	КРЬ	ь
Ѧ	-	ѣ	-	ГАТЬ	'a
Ѩ ¹¹⁸	-	-	-	(ХЪЛЪМЪ)	x
Ѥ	-	ю	-	Ю	ju, 'u
Ѧ	-	ѣ	-	ЮС БОЛЬШОЙ	jQ, 'Q

¹¹⁶ Отсутствующая в старославянских кириллических памятниках буква ѣ используется на месте глаголической буквы Ѩ в современных изданиях при транслитерации глаголицы кириллицей, когда вместо Ѥ пишется а, вместо Ѧ – в, вместо Ѥ – в и т.д.

¹¹⁷ По свидетельству азбучных молитв, а также некоторых списков «Сказания о письменах» Храбра, между буквами ОТЪ и ЦИ в глаголице когда-то находилась буква с числовым значением 800 и звуковым значением [p] или [f]. Скорее всего, речь идет о букве, заимствованной, подобно Ш (< ѡ) и Ѥ (< ѡ), из древнееврейского алфавита. Древнееврейская буква ע («пе»), вариант которой служил для передачи числа 800, могла обозначать и взрывной звук [p], и щелевой звук [f].

¹¹⁸ В Синайской псалтыри и в Ассеманиевом евангелии звук [x] передавался не только буквой Ѧ, но и (только в слове ѨЛЪМЪ), буквой Ѩ.

буква глаголицы	числовое значение	буква кириллицы	числовое значение	название	звуковое значение
Ѡ	-	Ѡ, ѡ, ѡ	900	йотированный юс малый	jě, 'ě
Ѣ	-	Ѣ	-	юс большой	ǫ
Ѥ	-	Ѥ	-	юс малый	jě, 'ě
-	-	Ѧ	-	а йотированное	ja, 'a
-	-	Ѧ	-	э йотированное	
-	-	Ѧ	60	кси	ks
-	-	Ѧ	700	пси	ps
Ѧ, Ѧ ¹¹⁹	-	Ѧ, Ѧ ¹²⁰	9	фита	f, t
-	-	Ѧ	90	-	-
-	-	Ѧ	900	-	-

Поскольку тексты, написанные рукой Константина или Мефодия, не сохранились (большая их часть была создана в Моравии, а в Моравии после смерти Мефодия славянские книги уничтожались как еретические), и древнейшие из известных нам памятников старославянской письменности относятся к X веку, мы не знаем, какую именно из этих двух азбук создал Константин, а какую – его ученики и последователи.

Большинство современных исследователей считает, что Константин (Кирилл) создал не кириллицу, а глаголицу¹²¹, кириллица же была составлена в конце IX или даже в начале X века из букв грече-

¹¹⁹ В Ассеминиевом евангелии и Рыльских листках для передачи звука [f] использована не обычная для других глаголических памятников буква Ѧ, а знак ф, совпадающий с греческой буквой «фи».

¹²⁰ Встречающиеся в кириллических рукописях буквы Ѧ и Ѧ, подобно греческим буквам «коппа» и «сампи», не имели звукового значения, а обозначали числа 90 и 900.

¹²¹ В Средние века создание глаголицы приписывалось св. Иерониму (Eusebius Hieronymus, pseud. Sophronius; 347-419/420) – одному из западных Отцов Церкви, перу которого принадлежит лучший из существующих перевод Библии на латинский язык (так называемая Vulgata), текстом которого до сих пор пользуется католическая церковь [Encyclopaedia Britannica 2002: Jerome Saint]

По традиции в латинской терминологии для обозначения глаголицы используется термин *litterae sancti Hieronymi* – букв. 'буквы святого Иеронима'.

Некоторые исследователи предполагают, что в основе глаголицы могло лежать «зачаточное славянское буквенное письмо» – греческая скоропись, приспособленная для записи славянской речи, ср. [Якубинский 1953: 108]. Выдвигалась и теория происхождения глаголицы из «черт и резов» Северного Причерноморья, ср. [Черных 1950: 12-13]. Тем не менее нельзя не согласиться с тем, что, «будучи основана частью на общих рассуждениях, частью на столь же формальных сопоставлениях, как, например, сопоставление глаголицы с готскими руническими письменами, эта точка зрения не может считаться убедительной» [Горшков 1963: 42-43].

ского уставного письма и из букв глаголицы¹²². В пользу этого обычно приводят следующие аргументы:

1. Древнейшие из найденных глаголических памятников созданы в Моравии и Паннонии, где протекала деятельность Константина и Мефодия, а также в Хорватии и Македонии, где жили их изгнанные из Моравии ученики, тогда как древнейшие кириллические – на востоке Болгарии.

2. Глаголические памятники обычно более архаичны по языку, чем памятники кириллические.

3. В глаголице меньше букв, чем в кириллице, в частности, используется одна буква **Ѧ** для обозначения звуков, передаваемых в кириллице с помощью двух букв – **Ѣ** и **Ѧ**.

4. В кириллице мы находим буквы, обозначающие сочетания звуков, которые могли появиться у славян не ранее конце IX века – **Ѣ** и **Ѧ**.

5. В памятниках, написанных кириллицей, иногда встречаются отдельные слова, написанные глаголицей, что может свидетельствовать о том, что данный текст переписан с текста глаголического.

6. Нам известны палимпсесты¹²³, где кириллица написана поверх глаголицы, но не наоборот, ср. [Хабургаев 1986, 22-23].

Впрочем, есть и сторонники большей древности глаголицы. Так, А.В. Истрин доказывал, что Константин Философ составил именно кириллицу, соответствующим образом модифицировав греческий уставный шрифт, а глаголицу изобрели ученики равноапостольных братьев в пору гонений на славянскую письменность в качестве тайного письма, отсюда и моравизмы глаголических памятников, ср. [Истрин 1988: 51-93; 135-158]. Из современных исследователей мнение А.В. Истрина разделяют, в частности, [Миронова 1999], [Камчатнов 2000].

¹²² Одна из вполне убедительных версий возникновения кириллицы основывается на соперничестве болгарского царя Симеона (893–927) с Византией, решившего вести христианское богослужение не на греческом, а на славянском языке. Поскольку греческие священники с трудом усваивали глаголическую азбуку, она была заменена другой азбукой, максимально приближенной к греческому уставному письму, автором которой мог быть ученик Мефодия пресвитер Константин. Впоследствии же славянские книжники стали путать пресвитера Константина с Константином Кириллом, а изобретенную им азбуку называть кириллицей, см. [Елкина 1960: 21].

¹²³ Хотя **пергамент** и был изобретен в свое время в качестве относительно дешевой замены импортируемому из Египта **папирусу**, всё же он был достаточно дорогим материалом, поэтому иногда новый текст записывали поверх смытого или соскобленного старого. Такие рукописи принято называть **палимпсестами** (от греч. **πάλι** ‘опять, снова’ и **ψάω** ‘тру’). Кроме чисто экономических речь могла идти и о других соображениях – священный текст записывался поверх языческого. Для восстановления смытого текста разработаны специальные процедуры, например, фотографирование в ультрафиолете, см. [Encyclopaedia Britannica 2002: Palimpsest].

Именно кириллица получила наибольшее распространение и легла в основу национальных алфавитов русских, украинцев, белорусов, болгар, сербов и македонцев. Кириллицу использует и современный церковнославянский язык.

Глаголицей в новое время пользовались хорваты, однако впоследствии она была полностью вытеснена алфавитом на основе латиницы. Это не исключает, впрочем, возможное использование глаголицы и в наше время в качестве декоративного элемента, ср. логотип современного культурного еженедельника «Хорватское слово» (<http://www/hkz.hr>), представляющий собой глаголическую транслитерацию его названия – Hrvatsko Slovo, предваряемую соответствующей аббревиатурой, ср.:

ЧИСЛОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ БУКВ. НАДСТРОЧНЫЕ ЗНАКИ. ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Как и в древнегреческом языке, буквы славянских азбук служили для обозначения не только звуков, но и чисел.

В глаголице числа обозначались буквами в порядке их следования: $\text{†} = 1$, $\text{Ѳ} = 2$, $\text{Ѱ} = 3$, $\text{Ѳ} = 4$, $\text{Ѭ} = 5$ и т.д. Следует отметить, впрочем, что числовое значение глаголических букв в различных рукописях могло не совпадать.

В кириллических же памятниках числа последовательно обозначались, за очень редкими исключениями, теми же буквами, что и в греко-византийской письменности (поэтому кириллические буквы, не имеющие однозначного соответствия в греческом алфавите, не имели и числового значения), при этом над буквой ставилось «титло», а с обеих сторон точки, ср.: $\cdot\bar{\text{а}}\cdot = 1$, $\bar{\text{в}}$ не имело числового значения, $\cdot\bar{\text{в}}\cdot = 2$, $\cdot\bar{\text{г}}\cdot = 3$, $\cdot\bar{\text{д}}\cdot = 4$, $\cdot\bar{\text{е}}\cdot = 5$ и т.д.

Для обозначения тысяч использовались те же буквы, что и для единиц, но с добавлением специального значка слева, ср.: $\ast\cdot\bar{\text{а}}\cdot = 1\ 000$, $\ast\cdot\bar{\text{в}}\cdot = 2\ 000$.

Если несколько букв, обозначающих цифры, стояли подряд, титло писалось, как правило, над второй буквой от конца, а численное значение такого сочетания было равно сумме численных значений отдельных букв, ср.: $\cdot\bar{\text{а}}\cdot = 11$, $\cdot\bar{\text{ц}}\bar{\text{а}}\cdot = 911$, $\ast\cdot\bar{\text{с}}\bar{\text{т}}\bar{\text{ѡ}}\bar{\text{г}}\cdot = 6\ 363$ и т.д.

Впрочем, титла использовались в старославянском языке не только для обозначения чисел. Пергамент, на котором писали в Европе во времена Кирилла и Мефодия, был весьма дорогим материа-

лом, поэтому для экономии места многие слова, значение которых было и так понятно из контекста, могли писаться не полностью, а сокращенно, с пропуском буквы или даже нескольких букв, а над таким сокращенным словом и ставилось титло.

Титло могло быть простым, а могло быть буквенным, то есть содержать пропущенную или одну из пропущенных букв, ср. **бгѣ** = Бог, **гдѣ** = Господь, **трѣца** = Троица, **нѣдѣ** = неделя и т. д.

В памятниках старославянского языка мы можем встретиться с различными вариантами написания простого титла, ср. **хѣ снѣ бжи** (Зогр. ев.¹²⁴), **ѣвнѣланѣ цѣрствнѣ** (Мар. ев.), **црство нѣсьное** (Асsem. ев.), **подовьно ѣстѣ црствнѣ нѣкое члкоу црю** (Саввина книга).

Впоследствии сложилась традиция писать под титлом слова, относящиеся к священной для христианина сфере. Так, в современном церковнославянском языке слово **бгѣ** (написанное с титлом) означает Единого Бога христиан, иудеев и мусульман, в то время как слово **вогѣ** (без титла) – идола, которому поклоняются язычники. Точно так же **ѧггѣ** (из греческого ἄγγελος ‘вестник, посол’) означает ангела, посланника Божия, тогда как **ѧггелѣ** – демона, то есть посланника Сатаны. (Слово **ѧггѣ** читается как «ангел», а слово **ѧггелѣ** — как «аггел»).

Вместо пропущенных букв **ь** или **ѣ** в старославянских и церковнославянских текстах мог писаться «паерок» – ‘.

Мягкость согласного в старославянском языке могла обозначаться специальным знаком, похожим на современный апостроф или на крышечку над буквой (**вол’а**, **кѣ нѣмоу’**).

Славянские книжники заимствовали из греческого языка специальные знаки для обозначения разных типов ударений и придыханий, которые в греческом языке выполняли важную роль, в славянском же языке были, в сущности, не нужны, и поэтому каких-либо строгих правил употребления знаков ‘ («острого» ударения), ` («тяжелого» ударения), ^ («облеченного» ударения) и ^ («тонкого» придыхания) в старославянском языке не существовало. Нередко соответствующие диакритические знаки механически переносились из оригинального греческого текста¹²⁵.

В русском, а поэтому и в церковнославянском языке русского извода сохранился один единственный тип ударения, который, однако, в церковнославянском языке обозначается тремя разными знаками.

¹²⁴ Примеры из глаголических памятников в данном случае, как и почти везде, подаются в кириллической транслитерации.

¹²⁵ Например, если над греческим словом над первым и третьим слогами стояли те или другие знаки, то аналогичные знаки рисовались над первым и третьим слогами соответствующего славянского слова.

Знак «облеченного» ударения $\hat{\text{}}$ может появляться над падежами двойственного и множественного числа, чтобы отличить их от омонимичных падежей единственного числа (**тѡо $\hat{\text{}}$** – именительный и винительный падежи мн. и дв. числа, **тѡо $\grave{\text{}}$** – именительный ед. числа). Знак «тяжелого» ударения $\grave{\text{}}$ ставится в конце слова, если за ним не следуют слова **же, бо, ли, ми, ти**, а также в слове **ѡубо** и в формах множественного и двойственного числа некоторых местоимений, чтобы отличить их от омонимичных форм единственного числа (**ѡмъ** – дательный множественного, **ѡмъ** – творительный единственного). Во всех остальных случаях ударение обозначается знаком «острого» ударения (**ѡчѣти, лѣто**). Кроме того, если церковнославянское слово начинается на гласный звук, то над первой буквой, независимо от того, падает на первый слог ударение или нет, ставится знак придыхания ̑ , поэтому иногда над одной буквой может стоять и знак придыхания, и знак ударения (**ѣгда, ѣмъ, ѡмъ**).

Древнее славянское письмо было сплошным, то есть текст писался без интервалов между словами и почти без знаков препинания, а предложения начинались с маленькой буквы (выделялась только первая буква главы – *заглавная* буква)¹²⁶. Лишь иногда предложения или части предложений могли выделяться точками, которые, впрочем, писались не внизу строки, как мы привыкли, а посередине высоты букв, а конец главы мог обозначаться комбинацией точек и черточек, ср. $\cdot\text{!}$, $\cdot\text{:}$, $\text{:}\cdot$ и т.п.

В церковнославянском языке, в отличие от старославянского, принципы членения текста и система знаков препинания в целом соотносятся с той системой, которую мы имеем в русском языке, тем не менее есть некоторые особенности, которые следует иметь в виду.

Так же, как и в русском, слова церковнославянского языка отделяются одно от другого интервалами. Церковнославянское предложение начинается с заглавной буквы и может окончиться точкой <.> или восклицательным знаком <!> , части предложения могут отделяться одна от другой запятыми <,> , а прямая речь (без кавычек!) следует после знака <:> . Однако вместо вопросительного знака в церковнославянском языке используется знак <?> , а вместо точки с запятой – двоеточие <:> . Кроме того, вместо точки с запятой может использоваться так называемая малая точка, то есть точка, разделяющая не предложения, а части предложения. Например: **ѡ вопросѣша ѣго: что ѡубо; ѡ ли ли ѣси ты; ѡ глагола: нѣсмь. пррѡкъ ли ѣси; ѡ ѡвѣща: ни** (Иоанн 1:21).

¹²⁶ В учебных изданиях графическое оформление старославянского текста, как правило, адаптируется в соответствии с современными правилами.

ПАМЯТНИКИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Как уже отмечалось, рукописи, созданные Кириллом, Мефодием и их учениками, до нас не дошли, так что исследователи располагают лишь списками списков.

Обычно к памятникам старославянского языка относят около двух десятков глаголических и кириллических рукописей X-XI веков (иногда также некоторые более поздние рукописи), в языковом отношении более или менее близкие к кирилло-мефодиевским переводам, а также надписи (граффити) на стенах и на могильных плитах, как правило, кириллические.

Абсолютное большинство древних памятников письменности – переводы греческих богослужебных текстов, а именно различные типы евангельских книг, деяния и послания апостолов, псалтырь, минеи, тревник и т.п. Основная часть глаголических текстов создана в Македонии (юго-запад тогдашнего Болгарского царства)¹²⁷, основная часть кириллических – в Восточной Болгарии.

Основные типы славянского евангелия

Самые крупные по объему памятники старославянского языка – Евангелия (греч. εὐαγγέλιον ‘радостная весть’), повествующие о земной жизни Христа, среди которых мы находим и так называемое **Четвероевангелие**, или Тетраевангелие / Евангелие тетр (памятник, содержащий четыре канонических евангельских повествования в их стандартной последовательности: от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна) и служебное Евангелие / **Евангелие апракос** (греч. ἀπρακος ‘недельный’), в котором события земной жизни Спасителя излагаются не хронологически, а в соответствии с церковным календарем.

При этом существует **краткий апракос**, содержащий, кроме чтений на субботу и воскресенье (на весь год), чтения на дни с понедельника по пятницу от Пасхи до Пятидесятницы и на дни Страстной недели, и **полный апракос**¹²⁸, содержащий также и чтения на дни с понедельника по пятницу от Пятидесятницы до Великого поста.

¹²⁷ Впрочем, древнейшая из дошедших до нас глаголических рукописей – Киевский миссал X века, известный также под названием «Киевские листки» – создан, судя по всему, в Моравии, так как содержит фонетические моравизмы (богемизмы) и представляет собой отрывок обедни по римскому обряду (мессы). Лучшее издание памятника сделано И.В. Ягичем в Вене в 1890 г.

¹²⁸ Полный славянский апракос создан, скорее всего, на Руси в начале XII века, см. [Новикова 1993: 38].

Четвероевангелие

- **Зографское** глаголическое евангелие XI (по некоторым версиям, X) века, получившее свое название от Зографского монастыря на Афоне, где оно было обнаружено. В 1860 году было подарено Александру II, который передал ее Публичной библиотеке в Петербурге. Рукопись содержит 304 листа, листы 41-57 (предположительно XII века) заменяют утраченный более ранний текст. Имеются позднейшие кириллические вставки и приписки. Издано И.В. Ягичем в 1879 году в Берлине с предисловием.

- **Маринское** глаголическое евангелие XI века, получившее название от монастыря св. Богородицы на Афоне, где этот памятник был найден в 1842 году В.И. Григоровичем. Хранится в Государственной библиотеке в Москве. Рукопись содержит 173 листа. Издано И.В. Ягичем в 1883 году в Петербурге с предисловием и словарем.

- **Зографский** палимпсест – смытый глаголический текст предположительно XI века под новым текстом (упомянутые выше листы 41-57 – XII века) Зографского евангелия. Восстановленные фрагменты были напечатаны в Софии в [Добрев 1971].

- **Галичское евангелие**¹²⁹ – кириллический памятник древнерусского извода XII века (1114 год), изданный архимандритом Новоиерусалимского монастыря Амфилохием в 1882–1883 годах в Москве.

Краткий апракос

- **Ассеманиево** глаголическое евангелие XI века, вывезенное в XVIII веке итальянским востоковедом Ассемани¹³⁰ (1686–1768) из Иерусалима для Ватиканской библиотеки (поэтому данный памятник известен также и как **Ватиканское** евангелие). Рукопись содержит 158 листов. Лучшее издание подготовлено чешскими исследователями Й. Вайсом и Й. Курцем в Праге (Codex Vaticanus). Первый том (фотоснимки всех страниц памятника) издан в 1929 году, второй (транслитерированный кириллицей текст с примечаниями) – в 1955.

- **Боянское** кириллическое евангелие XIII века, обнаруженное в 1845 году В.И. Григоровичем в селе Бояна под Софией и хранящееся в настоящее время в Государственной библиотеке в Москве. Кириллический текст XIII века написан **поверх смытого глаголического апракоса XI века**. Боянский палимпсест (26 страниц из

¹²⁹ Под таким же названием (Галичское евангелие) существует и **полный апракос**, заверченный «в лето 6865 [=1357]... в граде в Галиче при княженьи великого князя Ивана Ивановича».

¹³⁰ С 1738 года до смерти Ассемани занимал должность хранителя Ватиканской библиотеки, с 1766 года – титулярный архиепископ Тира.

предположительных 224) был издан болгарским исследователем И. Добревым в 1972 году в Софии.

- **Охридские листки** – полтора листа глаголического недельного евангелия, обнаруженные В.И. Григоровичем в том же 1845 году в г. Охриде, хранящиеся в рукописном отделе Одесской государственной научной библиотеки. Лучшее издание сделано Г.А. Ильинским в серии «Памятники старославянского языка» (Петроград, 1915. Т. 3. Вып. 2)

- **Саввина книга** – кириллический сборник, открытый И.И. Срезневским и названный им по приписке внизу листа 49: поп[ъ] сава ѱалъ. Рукопись содержит 129 листов и хранится в Центральном государственном архиве древних актов. Издана В.Н. Щепкиным в 1903 году в Петербурге с предисловием и словарем.

- **Листки Ундольского** – два кириллических листа, поступивших по завещанию библиофила В.М. Ундольского в собственность Румянцевского музея (Государственная библиотека), содержащие чтение о добром семени и плевелах (Матфей 13:24-43) и об исцелении кровоточивой (Марк 5:24-34). Изданы Е.Ф. Карским в серии «Памятники старославянского языка» (Петербург, 1904. Т. 1. Вып. 3).

- **Остромирово евангелие** (кириллическое) XI века, переписанное на Руси в 1056–1057 годах с восточноболгарского оригинала для новгородского посадника Остромира, откуда и получило свое название. Александр I передал памятник Публичной библиотеке в Петербурге. Рукопись содержит 294 листа большого формата. Первое издание памятника сделано в 1843 году в Петербурге А.Х. Востоковым (с приложением краткой грамматики и словаря), второе и третье (фотолитографические в натуральную величину) – И. Савинковым в Петербурге в 1883 и 1889 годах.

Полный апракос

- **Мстиславово евангелие** (кириллическое) созданное не позднее 1117 года в Новгороде по заказу новгородского князя Мстислава для церкви Благовещения на Городище. Объем книги 213 листов устава, украшенных четырьмя миниатюрами с изображением евангелистов, а также многочисленными заставками. В 1917 году евангелие было передано в Синодальное собрание Государственного исторического музея.

- **Юрьевское евангелие** (кириллическое) написано венгром («угринцем») Феодором по заказу игумена Юрьевского монастыря в Новгороде Кириака в 1120–1128 годах. В 1661 году передано патриархом Никоном в Новоиерусалимский монастырь. В 1862 году по-

ступило в Синодальную библиотеку, откуда в 1920 году было передано в собрание Государственного исторического музея.

Старославянские памятники иных жанров

Глаголические памятники

Кроме уже упоминаемого **Киевского миссала** (Киевских листов), среди глаголических памятников следует назвать

- **Синайскую псалтирь**, хранящуюся в монастыре св. Екатерины на Синайском полуострове; 177 листов; лучшее издание – С. Северьянова в 1922 году в Петрограде;
- **Синайский требник**, хранящийся в том же монастыре; 106 листов; лучшее издание (глаголица с кириллической транслитерацией) Р. Нахтигала в 1942 году в Любляне;
- **Сборник Клоца** (Clozianus) – сборник проповедей и церковных поучений, большая часть которого (12 страниц из 14) были обнаружены В. Копитаром в Триенте в библиотеке графа Клоца. Лучшее издание (фотокопии всех листов и транслитерация кириллицей) осуществлено чехом А. Досталом в 1959 году в Праге;
- **Рильские глаголические листки** – отрывки из литургической книги, предназначенной для богослужений во время Великого поста; 7 целых листов и 3 обрезка; фотографии всех листов и отпечатков на переплете, с кириллической транслитерацией и словарем были изданы в 1956 году болгарским исследователем Ив. Гошевым в Софии.

Кириллические памятники

- **Супрасльская рукопись** – Мартовская минея (церковные чтения на все дни марта: жития святых, беседы Иоанна Златоуста); 285 листов; последнее издание (фотографии листов, расшифровка кириллицей, греческие соответствия) вышло в 2 томах в 1985 году в Софии;
- **Энинский апостол** – сборник апостольских чтений, обнаруженный в 1960 году при реставрации церкви св. Параскевы в селе Енина в Болгарии; 39 листов; издан в 1965 году в Софии Хр. Кодовым и К. Мирчевым (фотографии всех листов, лингвистическое описание, словарь);
- **Зографские листки**, содержащие отрывки из правил Василия Великого – одного из восточных Отцов церкви; 2 листа;
- **Хиландарские листки**, содержащие отрывки огласительных поучений епископа Кирилла Иерусалимского; 2 листа;
- **Македонский листок**, содержащий отрывок текста, по стилю напоминающего произведения экзарха Иоанна.

Древнейшие славянские надписи

Древнейшими сохранившимися славянскими датированными текстами являются, впрочем, не рукописи, а надписи (граффити) на стенах церквей и на могильных плитах. Так, древнейшей датированной надписью является кириллическая надпись 921 года в скальном монастыре в окрестностях села Крепча в Болгарии, тогда как древнейшим датированным «рукописным» текстом является глаголическая надпись 982 года на греческом акте Иверского монастыря, см. [Новикова 1993: 42]. В абсолютном большинстве случаев речь идет о кириллических надписях, см. издание старославянских надписей (глаголических и кириллических) в [Гошев 1963].

Ценность датированных граффити определяется, в частности, тем, что палеографические особенности начертания тех или иных букв служат для определения времени создания недатированных кириллических рукописей.

Обычно речь называются следующие датированные надписи:

- **Добруджанская надпись** 943 г., обнаруженная при строительстве канала Дунай – Черное море в Румынии в 1950 году;
- **Надпись царя Самуила**, высеченная в 993 на могильной плите;
- **Битольская надпись** 1015-1016 года, в которой славянское население Балкан впервые названо болгарями.

Самой известной, пожалуй, является недатированная¹³¹ **надпись на могиле чергубыли Мостича**¹³², ср. ниже её воспроизведение (взятое с оборота обложки [Хабургаев 1986]) и нашу транслитерацию данной надписи (с расставленными интервалами между словами):

¹³¹ Основываясь на упоминании имен болгарских царей Симеона (893–927) и Петра (927–969), можно утверждать, что данная надпись выполнена не позднее 60-х годов X века, см. [Хабургаев 1986: 39].

¹³² По непонятным причинам (мы подозреваем опечатку в [Бернштейн 1961: 106], которая стала исправно тиражироваться последующими поколениями палеославистов), в отечественной литературе данный памятник известен как **надпись чергубыля / чергубиля Мостича**, хотя подобное окончание родительного падежа ед. числа (чергубыл[я] Мостича) при **именительном** падеже ед. числа **чергубыл[я] Мостич** (см. непосредственно надпись – **мостичъ чръгоуѣыла**) в современном русском языке явно некорректно. Само слово **чергубыля (чръгоуѣыла)** восходит к тюркскому воинскому титулу «ичиргу бойла» (см. [Ковалев 2000]), зафиксированному, в частности, в византийском тексте «Пресянской надписи» как $\eta\tau\zeta\rho\upsilon\sigma\ \beta\omicron\iota\lambda\alpha$, см. http://en.wikipedia.org/wiki/Presian_Inscription.

ЖСДЕЛЕЖИТЪМО
СТНУБЪРЬГОУБЪИ
ЛѦБЪИВЪИИПР:
СУМЕОНЪЧР̄Н
ИПРИ ТЕТРЪЧР̄Н
С, ИЖЪ ДЕСА
ТЬ ЛѦТЪ: ЗСЪИ ОСТА
ВНВЪ РЬГОУБЪИЛЪ
СТВОИ ВЪСЕМЪНИ
КЪБЪИ: ТЪРЬНОРН
ЗЪЦЪИ ВЪТОМЪСЪ
ВРЪШН... ИЪ А СВОГ

сѣде лежитъ мо
стичь чрьгоубы
ла бѣвѣин пр[и]
сумеонѣ цр̄н
и при [п]етрѣ цр̄н [о]
с[м]нѣ ж[е] деса
ть лѣ[т]ъ съ оста
внѣ [ч]рьгоубиль
ство и все ѿмѣни
кѣ бѣ[с]тъ чрьнорн
зѣць і въ томъ съ
врѣшн [ж]нз[н]ь сво[ѣж]

ФОНЕТИКА

В курсе старославянского языка изучается реконструированная фонетическая система кирилло-мефодиевских переводов IX века, а также произошедшие с ней к XI веку изменения, отразившиеся в дошедших до нас памятниках, важнейшее из которых – так называемое «падение редуцированных».

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА IX ВЕКА

В южнославянских диалектах окрестностей города Солуни, которые легли в основу старославянского языка, в кирилло-мефодиевский период продолжали действовать два фонетических принципа строения слога, сформировавшиеся в более раннюю эпоху, а именно так называемые «закон открытого слога» и «закон слогового сингармонизма».

Закон открытого слога

В соответствии с «законом открытого слога», который правильнее было бы называть проявлением тенденции к восходящей звучности слога, каждый последующий звук в пределах слога должен был быть звучнее предыдущего¹³³, логическим следствием чего и стали открытые слоги (поскольку любой согласный является менее звучным, чем любой гласный, он не мог «закрывать» слог).

Обычно предлагается следующая таблица расположения звуков в слоге (от менее звучного к более звучному):

Фрикативные	Взрывные и аффрикаты	Носовые сонорные и [v]	Неслоговые плавные	Гласные и слоговые плавные
1	2	3	4	5

В соответствии с тенденцией к восходящей звучности слога в старославянском языке были, в частности, возможны следующие сочетания звуков:

- согласный + гласный: **ѢЪ-ТИ**
- согласный + слоговой плавный: **ѢЛЬ-КЪ**¹³⁴

¹³³ Гласные звучнее согласных, звонкие согласные звучнее глухих согласных, взрывные согласные (при прочих равных условиях) звучнее щелевых.

¹³⁴ В данном случае сочетание букв Ѣль обозначает не сочетание двух звуков [л̥], а слоговой плавный переднего ряда [л̥̩], см. далее параграф «Слоговые плавные».

- взрывной + сонорный + гласный: **гра-дъ**
- взрывной + [v] + гласный: **ква-съ**
- фрикативный + взрывной + гласный: **ста-ти-ръ**
- сонорный + неслоговой плавный + гласный: **лла-дъ**
- [v] + неслоговой плавный + гласный: **вла-съ**
- фрикативный + взрывной + неслоговой плавный + гласный: **стра-на**
- фрикативный + взрывной + [v] + гласный: **скво-зѣ**
- фрикативный + взрывной + [v] + слоговой плавный: **сквь-ни-ти**

При заимствовании иноязычных (например, греческих) слов, фонетический облик которых противоречил данной тенденции, происходили необходимые трансформации, например: $\pi\alpha\nu\lambda\omicron\varsigma > \text{па-вь-лъ}$, $\psi\alpha\lambda\mu\acute{o}\varsigma > \text{пѣ-са-лъ-мѣ}$ ¹³⁵.

Для старославянского языка важно отметить еще одно следствие действия данной тенденции – невозможность употребления некоторых гласных звуков ([ŷ], [ъ], [ь], [ĕ], [ě], [ã]) в начале слова (и слога).

Как уже отмечалось, еще в доисторический период перед начальными [ŷ] и [ъ] развился протетический [ц], давший впоследствии [v], а перед [ь], [ã] и [ĕ] – протетический [i], давший [j]. В результате в старославянском языке мы находим слова **вѣдѣра**, **вѣплѣ**, **имѣ** [jѣmɔ], **идѣник**¹³⁶, **кѣро**.

Поскольку старославянский [ĕ] восходит к праславянским дифтонгическим сочетаниям [ьп], [ep]¹³⁷, протетический [j] представлен и перед ним, ср.: **ѣти**, но **вѣзьмѣ**.

Непоследовательно протетический [j] представлен в старославянских текстах перед начальным [ū] (из праславянского дифтонга [ou]), ср. в Мариинском евангелии **ютрѣ** и **оутрѣ** (примеры из [Старославянский ... 1994: 753]).

Крайне редко протетический [j] представлен в старославянских текстах перед начальным [ã], ср. **ѣгньць** и **дгньць** (примеры из [Старославянский ... 1994: 66]).

¹³⁵ В памятниках, появившихся уже после «падения редуцированных», данное слово фиксируется, естественно, и в иных вариантах, например: **псалм-**, **псалом-**, **псло-**, **пслѣ-**, **псл-**, **псал-** и т.д., см. [Старославянский... 1994: 556-557].

¹³⁶ В сочетании с предлогом/приставкой *sъ оснований для развития протетического звука, после которого [ã] перешёл бы в [ã], не было, так что [ã] сохранялся, ср.: **сѣньдѣ**

¹³⁷ Как уже отмечалось, в истории праславянского языка в составе дифтонгов и дифтонгических сочетаний долгота гласного сокращалась, а в конце слога [m] переходил в [n], так что позднее праславянское дифтонгическое сочетание [ьп] может соответствовать более ранним [īn], [iñ], [im], [im], а [ĕn] – [ĕn], [ĕn], [ĕm], [ĕm].

Закон слогового сингармонизма

В соответствии с «законом слогового сингармонизма» все звуки в пределах слога должны быть максимально близкого места образования, поэтому фонологически твердые согласные в положении перед гласными переднего ряда становились позиционно полумягкими (палатализованными)¹³⁸, а гласные непереднего ряда в положении после мягких (палатальных) согласных продвигались вперед. Подобное позиционное (т.е. нефонологические) изменение звуков в транскрипции обозначается точкой, например, [p·ɕ t·b]¹³⁹ или [ž'á гь]¹⁴⁰ (в приведенных примерах не отмеченными остались, в частности, количество гласных, а также позиция сверхкратких [ь] и [ъ], см. далее).

Гласные

Кроме обычных при характеристике гласных фонем **ряда** и **подъема** для гласных старославянского языка принято отмечать также **количество** (долгота, краткость, сверхкраткость), **назальность**, **лабиализованность**.

Ряд \ Подъем	Передний	Средний	Задний
Верхний	ī	ū	ū
Средний	ě ē ь		ō ǫ ъ
Нижний	ā		ā

Гласные *ě* и *ǫ* были **краткими**, гласные *ь* и *ѣ* – **сверхкраткими**, остальные гласные старославянского языка (*ī, ū, ū, ē, ē, ā*) были **долгими**¹⁴¹.

Гласные *ē* и *ō* были **назальными**, остальные – неназальными.

Гласные *ū, ǫ, ǫ* были **лабиализованными**, остальные – нелабиализованными.

В то время как позиционные изменения гласных, рассмотренные в параграфе «Закон слогового сингармонизма», на письме никак не

¹³⁸ Физиологически палатализованность состоит в сближении спинки языка с верхним нёбом (палатумом).

¹³⁹ Позиционное смягчение твердых согласных [p] и [t] перед гласными переднего ряда [ɕ] и [b] в слове **пѣть**.

¹⁴⁰ Позиционное продвижение вперед гласного [a] после мягкого [ž'] в слове **жарь**.

¹⁴¹ Некоторые исследователи отмечают, что поскольку в старославянском языке не существовало кратких и долгих фонем, противопоставленных только по этому признаку (количественные различия сопровождалась качественными), признак количества является дифференциальным лишь в отношении противопоставления кратких и сверхкратких гласных: <ě> – <ь>, <ǫ> – <ѣ>, ср. [Шевелева 1997: 13].

отмечены, позиционные изменения старославянских «сверхкратких» гласных нашли отражение в памятниках письменности.

Сверхкраткие [ĭ] и [ŷ]

В положении перед [j] или перед [ĭ]/[ĭ] сверхкраткие <ь> и <ѣ> в результате аккомодации (приспособления) реализовывались как звуки [ĭ] или [ŷ] соответственно и на письме обозначались теми же буквами **и** и **ѣ**, что и гласные полного образования [ĭ] и [ŷ].

В этой же позиции сверхкраткими становились гласные полного образования <ѣ> и <ѣ>, ср. **шити** [š'it·ĭ], **мѣти** [mūt·ĭ] и **шнѣж** [š'ijō], **мѣж** [mujō].

По мнению Г.А. Хабургаева, сверхкраткий [ĭ] появлялся также на стыке морфем на месте сочетания *jъ, в частности:

- в конце формы именительного и винительного падежей ед. числа *ō-склонения типа **кран** [*krājъ > krāĭ], **мон** [*mōjъ > mōĭ], **новъи** [*nōvъ + jъ¹⁴² > nōvūĭ], где <j> относится к основе, а <ь> – к окончанию¹⁴³;
- в конце родительного падежа мн. числа существительных типа свинии [*sv·in·ъjъ > sv·in·ĭĭ], где sv·in·ъj – основа, а ь – окончание;
- в конце сравнительной степени прилагательных, ср. **новъи** [nōv·äĭ];
- а также в некоторых других позициях, см. [Хабургаев 1986: 49].

Сильные и слабые позиции сверхкратких

В отличие от гласных полного образования, сверхкраткие гласные, видимо, произносились с большей или меньшей степенью редуциции в зависимости от положения в словоформе, в связи с чем определяются «сильные» и «слабые» позиции редуцированных.

В соответствии с так называемым **правилом Гавлика**, слабой была позиция в абсолютном конце слова (за исключением односложных ударных слов типа **тъ**, **сь**), а также не под ударением перед слогом, содержащим гласный полного образования или сверхкраткий в сильной позиции; сильной же была позиция под ударением, а также перед слогом, содержащим сверхкраткий в слабой позиции, ср. **лѣстѣ**, **лѣстѣцѣ**, **шѣпѣтѣ**, **шѣпѣтати**, **рѣпѣтѣ**, **рѣпѣтати**.

Впоследствии различия в произношении сверхкратких в «слабых» и «сильных» позициях привели к тому, что в одних случаях сверхкраткие перестали произноситься совсем, а в других – перешли в гласные полного образования (неодинаково в истории разных сла-

¹⁴² Форма указательного местоимения с j-основой, ср. *j-ь, j-ĕgō, j-ĕtmī и т.д.

¹⁴³ Ср. *krāj-ь, *krāj-ä.

вянских языков), ср. русские соответствия приведенным в предыдущем абзаце старославянским словам: *лесть, льстец, шепот, шептать, ропот, роптать*.

К сожалению, данные современного русского языка, как, впрочем, и любого другого современного славянского языка, не могут служить надежным критерием определения «слабых» и «сильных» позиций сверхкратких в старославянском языке.

Как уже отмечалось в разделе «Праславянский язык», в истории русского языка гласный полного образования мог появиться фонетически незакономерно в результате действия морфологической аналогии (например, *льстец, льстеца* при фонетически закономерном *отец, отца*, ср. *лѣстѣцѣ, лѣстѣца, отѣцѣ, отѣца*), в позиции рядом с плавным (ср. *слеза* и *слѣза, крестить* и *крѣстити*), в результате стремления церковнослужителей отчетливо произносить «ерь» в приставках (например, *восстать* при фонетически закономерном *встать*, ср. *вѣстати, собор* при фонетически закономерном *сбор* и т.п.) или чтобы не допустить возникающее после «падения редуцированных» труднопроизносимое скопление согласных (ср. *доска* и *дѣска*).

Сильные и слабые позиции сверхкратких [ĭ] и [ǫ] вычисляются аналогично позициям [ь] и [ѣ].

Слоговые плавные

К системе гласных фонем в старославянском языке примыкали слоговые плавные, которые, как и слоговые плавные раннего праславянского языка ([ĭ₁], [ǫ₁], [ĭ₂], [ǫ₂], [ĭ̄₁], [ĭ̄₂], [ǭ₁], [ǭ₂]), могли быть переднего и непереднего ряда, однако, в отличие от них, не различались по количеству.

В учебной литературе слоговые плавные старославянского языка часто обозначаются как [ĭ̄], [ǭ] (переднего ряда) и [ĭ̄̄], [ǭ̄] (непереднего ряда).

В старославянском языке **слоговые плавные** обозначались сочетаниями букв **рь** (для [ĭ̄̄]), **рѣ** (для [ǭ̄]), **ль** (для [ĭ̄̄]), **лѣ** (для [ǭ̄]), ср.: **зрьно** [z·ĭ̄̄nǭ], **грѣло** [g·ǭ̄lǭ], **влькѣ** [v·ĭ̄̄kĕ], **млѣва** [m·ǭ̄vā]¹⁴⁴.

Следует помнить, что эти же сочетания букв использовались в старославянском языке также и для передачи **сочетания неслогового плавного со сверхкратким** (рь – для [ĭ̄̄], рѣ – для [ǭ̄], ль – для

¹⁴⁴ Как мы видим, перед слоговыми плавными переднего ряда [ĭ̄̄] и [ǭ̄], как и перед гласными переднего ряда, твердые согласные приобретали позиционную полумягкость, ср. **зрьно** [z·ĭ̄̄nǭ], **влькѣ** [v·ĭ̄̄kĕ]

[лѣ], лѣ – для [лѣ]), ср.: **крѣстѣ** [kr̥st̥] **крѣвь** [kr̥v̥], **слѣза** [sl̥zā] **плѣть** [pl̥t̥].

Определить, что именно обозначают в старославянских словах сочетания букв **ръ**, **ръ**, **ль**, **лѣ** (слоговые плавные или же сочетания неслоговых плавных со сверхкраткими) мы можем, подобрав соответствие старославянскому слову в современном русском языке. Если в русском слове старославянскому сочетанию **ръ**, **ръ**, **ль**, **лѣ** соответствуют сочетания *ер*, *ор*, *ол*¹⁴⁵, в старославянском слове был слоговой плавный, если же сочетания *ро*, *ре*, *ло*, *ле*, – сочетание неслогового плавного со сверхкратким, ср.:

слоговой плавный

<i>зерно</i>	зръно	[z̥r̥nō]
<i>горло</i>	гръло	[g̥r̥lō]
<i>волк</i>	влькъ	[v̥l̥k̥]
<i>молва</i>	млѣва	[m̥l̥vā]

неслоговой плавный + сверхкраткий

<i>крест</i>	крѣстѣ	[kr̥st̥]
<i>кровь</i>	крѣвь	[kr̥v̥],
<i>слеза</i>	слѣза	[sl̥zā]
<i>плоть</i>	плѣть	[pl̥t̥]

В большинстве памятников старославянского языка, впрочем, обозначающие слоговые плавные звуки сочетания **ръ** и **ръ**, а также **ль** и **лѣ** употребляются в целом произвольно, так как к XI веку в большинстве южнославянских диалектов слоговые плавные перестали различаться по ряду. Например, в Мариинском и Ассеманьевом евангелиях встречаются огласовки и **влькъ**, и **влькъ**, и **врѣха**, и **врѣха**, и **дльгы**, и **дльгы**, см. [Старославянский...1994: 119; 124; 189].

Более того, они могут обозначаться и просто буквами **р** и **л** (без букв **ѣ** или **ѣ**), ср.: **врѣхъ**, **длгъ**. Поэтому в некоторых вполне автори-

¹⁴⁵ В случае с сочетаниями *-ер-*, *-ор-* данные русского языка помогают нам не только установить факт наличия слогового плавного в соответствующем старославянском слове, но и определить, какого ряда (переднего или непереднего) этот слоговой плавный был. Сочетание же *-ол-* свидетельствует лишь о наличии слогового плавного. О том, какого ряда (переднего или непереднего) этот слоговой плавный должен был быть в старославянском языке, мы можем судить по данным Зографского евангелия, в котором сочетания **ль** и **лѣ** употребляются в соответствии с этимологическими [l̥] и [l̥], восстанавливаемыми по данным других индоевропейских языков, прежде всего литовского.

тетных учебниках старославянского языка слоговые плавные могут отмечаться **без обозначения ряда**, ср. [Хабургаев 1986: 63].

Согласные

По поводу состава согласных фонем старославянского языка кирилло-мефодиевского периода у исследователей нет единого мнения, так как одни и те же данные старославянских памятников могут интерпретироваться неодинаково. В [Хабургаев 1986: 57] приводится следующая система согласных фонем (в цитируемой далее схеме при обозначении фонем старославянского языка мы лишь отказались от используемой автором учебника кириллицы в пользу международной фонетической транскрипции):

Место образования		Губные	Язычные				Акустическая характеристика	
			Переднеязычные			Среднеязычные средненёбные		Заднеязычные заднёнбные
			Зубные	Нёбно-зубные	Передне-нёбные			
Способ образования								
Фрикативные		f v	s z	s' (z') ¹⁴⁶	š' ž'	x' j	x	Шумные
Смычные	Взрывные	p b	t d			k' g'	k g	
	Аффрикаты			c' z'	č' ž'			
	Сложные				št' žd'			
Носовые		m	n		n'			Сонорные
Боковые			l		l'			
Дрожащие					г г'			

Как мы видим, в данную таблицу включены фонемы <f>, <x'>, <k'>, <g'>, встречающиеся только в заимствованиях из греческого языка, например: **Ѡома, фарисен, анѣлѣ, кѣпрѣ, хитонѣ** (примеры из [Старославянский... 1994]).

¹⁴⁶ Звук [z'] возник в результате упрощения аффрикаты [z']. В текстах XI века на месте введённой для обозначения данной аффрикаты буквы ѡ появляется буква з. Иначе говоря, первоначально (в кирилло-мефодиевский период) звонкой пары не имела фонема <s'>, а потом – фонема <c'>.

Позиционная полумягкость согласных

В учебной транскрипции старославянского текста отмечается мягкость и полумягкость¹⁴⁷ согласных.

Не считая упомянутых выше и представленных только в заимствованиях мягких [kʲ], [gʲ], [kʲ], фонологический статус которых может быть в силу этого подвергнут сомнению, мягкими в старославянских текстах были только:

– j¹⁴⁸;

– рефлексy трех славянских палатализаций¹⁴⁹;

– рефлексy праславянских сочетаний согласных с j.

Иначе говоря, речь идет о звуках j, čʹ, žʹ, šʹ, cʹ, zʹ, štʹ, ždʹ, sʹ, rʹ, lʹ, nʹ¹⁵⁰.

Полумягкими могли быть звуки bʹ, pʹ, mʹ, dʹ, tʹ, rʹ, lʹ, nʹ, sʹ.

Трудности может вызвать различие некоторых мягких и полумягких согласных (rʹ – rʹ, lʹ – lʹ, nʹ – nʹ, sʹ – sʹ). Например, в слове **морѣ** представлен мягкий [rʲ], а в слове **река** – полумягкий [rʹ].

В ряде случаев отличить **мягкий** согласный от **полумягкого** можно без обращения к этимологическим словарям. Поскольку полумягкость – качество, обусловленное позиционно (положение перед гласным или слоговым плавным переднего ряда), полумягкие согласные невозможны перед гласными и слоговыми сонантами **непереднего** ряда. Следовательно, в словах **плѹнѣти**, **плѹскѣ** и **плѹща** согласный [lʲ] мягкий, а не полумягкий. О том, что в словах **конь**, **морѣ**, **корабль**, **всьь** согласные конечного слога не полумягкие, а мягкие, свидетельствуют, например, формы этих же слов **конѣ**, **морѣ**, **кораблѣ**, **всьѣ**, равно как и формы **коню**, **морю**, **кораблю**, **всью**.

¹⁴⁷ Полумягкими становились фонологически твердые согласные в положении перед гласными переднего ряда.

¹⁴⁸ Звук [j] мягкий (палатальный) по определению, ведь смягчение (палатализация) артикуляционно состоит в сближении спинки языка с нёбом, а это и есть основная артикуляция звука [j].

¹⁴⁹ Независимо от того, мягкими ли изначально были звуки, возникающие в результате **второй** палатализации (см. раздел «Праславянский язык»), очевидно, что в конечном итоге результаты второй и третьей палатализаций в конечном итоге совпадали, будь то в мягком или полумягком варианте. В учебной литературе для старославянского языка предполагается мягкий вариант.

¹⁵⁰ Если разделять гипотезу о том, что в ряде южнославянских диалектов l-эпентетиком изначально не развивался, следует допускать существование в старославянском языке также и **мягких губных**. Косвенным свидетельством могут служить написания типа **коравь**, **коравью**, см. [Старославянский... 1994: 291].

Ассимиляция шумных согласных

В положении перед глухим согласным согласный [z] подвергался оглушению, ср. приставки **из-**, **раз-**, **без-**: **изити**¹⁵¹ – **исходити**, **разорити** – **раскопати**, **безоумьнъ** – **бесплодънъ** и т.д.

В тех же приставках конечных согласный, оказавшись в положении перед [s], [z], [šʹ], [cʹ], [čʹ] подвергался ассимиляции по месту образования, сливаясь с начальным согласным корня, например: **безаконикъ**, **безаконьникъ**, **бесловесьнъ**, **бесловьнъ**, **бестрастикъ**, **бестоудикъ**, **бесъмръстикъ**, **бещьстикъ/бещьстикъ**, **бещьнънъ**, **ицѣлкникъ**, **ишьствикъ** и т.д. (примеры взяты из [Старославянский... 1994]; примеров на ассимиляцию данных приставок перед [žʹ] типа **безджизьнъ**, отмеченную в [Хабургаев 1984: 59], в данном словаре мы не обнаружили).

ИЗМЕНЕНИЯ В ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА, ЗАФИКСИРОВАННЫЕ ПАМЯТНИКАМИ XI ВЕКА

Дошедшие до нас памятники старославянского языка отражают фонетические процессы, произошедшие в южнославянских говорах, однако отражают не вполне последовательно, так как переписчики стремились точно воспроизводить сакральный текст, лишь изредка допуская ошибки. На основании подобных ошибок мы и можем судить о реальном произношении тех или иных слов во время создания памятника.

«Падение редуцированных»

Важнейшее из фонетических изменений, произошедших в речи славянского населения Балкан к XI веку – так называемое «падение редуцированных», то есть утрата сверхкратких гласных <ь> и <ѣ> как самостоятельных фонем (равно как и исчезновение [ĭ] и [ĭ̃]). В одних позициях сверхкраткие перестали произноситься совсем, в других – перешли в гласные полного образования.

В части южнославянских диалектов (отраженных прежде всего в глаголических памятниках) [ь] в сильной позиции перешел в [e], [ѣ] в сильной позиции – в [o] (поскольку к этому времени, как уже отмечалось в разделе «Праславянский язык», в абсолютном большинстве позиций долгие гласные сократились, количество гласного для XI века уже не обозначается).

¹⁵¹ В сильной позиции перед гласным мы находим [z].

Следует помнить, однако, что в старославянских кириллических памятниках XI века переход [ь] в [е] отражен значительно менее последовательно, чем в памятниках глаголических, переход же [ь] в [о] не отражен вообще. В истории болгарского языка сверхкраткие вели себя иначе, чем в истории русского языка¹⁵².

Нельзя забывать и того, что, в отличие от русского языка, рефлексы [i] и [y] в сильной позиции в южнославянских диалектах **отличались** от рефлексов [ь] и [ъ]: [i] в сильной позиции дал [i], [y] – [y], ср. **пѣнѣ**, **мѣнѣ**, **градъ нарицаемѣ** **соухарь** и т.д.

Таким образом, падение редуцированных отражается в памятниках старославянского языка прежде всего:

- в пропуске букв **ѣ** и **ь** на месте сверхкратких в слабой позиции
- в смещении букв **ѣ** и **ь**.
- в появлении буквы **ѣ** на месте **ь** (буква **ѣ** на месте **ѣ** встречается значительно реже).

Следствия «падения редуцированных»

Одним из следствий «падения редуцированных» стало **оглушение парно звонких согласных** на конце слова, а также перед глухими согласными в пределах фонетического слова в тех позициях, где ранее эти согласные разделял сверхкраткий.

Следствием «падения редуцированных» может быть **совпадение мягких и полумягких** согласных, ведь после исчезновения [ь] после полумягкого согласного тем самым исчезало и основание для его полумягкости, так что этот позиционно полумягкий согласный должен был или отвердеть, или стать мягким уже фонологически, ср. [sʲ nʲimʲ > sʲnʲimʲ/ sʲnʲimʲ].

Употребление **ь** вместо **ѣ** в примерах типа **съ нимь**, **възиде**, **вънѣ** может свидетельствовать о **регрессивном смягчении согласных**, оказавшихся в результате «падения редуцированных» рядом, ср. [sʲ nʲimʲ > sʲnʲimʲ/ sʲnʲimʲ].

Прочие изменения

Памятники старославянского языка XI века отражают также изменения в фонетической системе южнославянских диалектов, не связанные с «падением редуцированных» (или, по крайней мере, не связанные непосредственно и очевидным образом).

¹⁵² В данном случае термин «русский язык» понимается в расширенном смысле, ср. название книги: *Камчатнов А.М.* История русского литературного языка: XI–первая половина XIX века. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 688 с.

Неразличение слоговых плавных по ряду

Как уже отмечалось, к XI веку в большинстве южнославянских диалектов слоговые плавные перестали различаться по ряду, так что в Мариинском и Ассеманиевом евангелиях встречаются огласовки и **влькъ**, и **влъкъ**, и **врѣха**, и **врѣха**, и **дльгы**, и **дльгы**.

Изменение [zʹ] > [zʹ]

Как уже отмечалось, в текстах XI века на месте введённой для обозначения аффрикаты [zʹ] буквы **з** появляется буква **з**, например, **зѣло** вм. **зѣло** (десятки примеров в соответствующей статье в [Старославянский... 1994]).

Отверждение мягких согласных

Памятники старославянского языка XI века отражают отверждение исконно мягких согласных, прежде всего шипящих и [cʹ], реже [zʹ], и [rʹ], что проявляется в написаниях типа: и **шѣдѣ рабѣ тѣ ѡбрѣте единого ѡтѣ подрѣгѣ своиѣхъ; видѣвъше же подроузи его бѣваѣща; кесарова въздадите кесарови** и т.п.

Утрата I-эпентетикума

К фонетическим изменениям, произошедшим в южнославянских диалектах к XI веку, относят и упрощение неначальных сочетаний [blʹ], [plʹ], [vlʹ], [mlʹ]. Принято считать, что ослабление артикуляции [lʹ] в положении после губного приводило к тому, что на его месте возникал [j], который впоследствии утрачивался, оставив после себя мягкость соответствующего губного согласного, что отражается в написаниях **земьа** вм. **земля**, **дивьахъса** вм. **дивляхъса**, **любьаше** вм. **любляше** и т.д. ср. [Хабургаев 1986: 60].

Естественно, об утрате I-эпентетикума можно говорить лишь в том случае, если мы не разделяем гипотезу о его изначальном отсутствии в ряде славянских диалектов (в том числе и тех, которые отражены в соответствующих старославянских памятниках)¹⁵³.

¹⁵³ Как уже отмечалось в разделе «Праславянский язык», болгарский язык, по мнению некоторых исследователей, имел диалекты, которые никогда не знали [lʹ] в словах типа русск. *земля* [Mladenov 1929: 149].

МОРФОЛОГИЯ

Праславянский, а через него и старославянский язык унаследовал от праиндоевропейского противопоставление глагола и имени, формирующих два полюса морфологической системы, при этом местоимения, которые в индоевропейском существенно отличались от имен своими значениями, отсутствием категорий рода и числа, отсутствием именного словообразования, а также системой падежных форм, на славянском материале сблизилась с именами.

Старославянский язык достаточно хорошо сохранил индоевропейскую систему падежей (совпали лишь родительный и отложительный падежи), при этом падежные окончания в большинстве своем фонетически закономерно выводятся из индоевропейских. Специфически славянским явлением можно считать слияние указательного местоимения *jь, *jě, *jā (из и.-е. *iōs, *iō, *iā) с прилагательными и образование в связи с этим особого адъективного склонения.

Древнейшую славянскую систему глагола образовывали синтетические формы презенса, аориста, имперфекта, будущего времени¹⁵⁴, а также двух наклонений – индикатива и императива (из индоевропейского опатива). Еще до появления письменности эта система пополнилась аналитическими формами перфекта, плюсквамперфекта, будущего времени, условного наклонения. С помощью возвратного местоимения в форме винительного (сѧ) или дательного (си) падежей были образованы аналитические формы медиального залога и страдательного залога.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Отнесенность старославянского существительного к тому или иному типу склонения зависела от того, в каком виде формы этого существительного были в свое время унаследованы праславянским языком из языка праиндоевропейского (заимствования и другие слова более позднего происхождения приобретали окончания по уже сложившимся моделям).

¹⁵⁴ Осколок синтетической формы будущего времени – причастие **бъшащек**, восходящее к *b^husjōnt-je-je, ср. [Савченко 2010: 285].

Как уже отмечалось, единственным зафиксированным примером синтетического славянского перфекта является форма **вѣдѣ**. В тех памятниках, где данная форма встречается (по 2 примера в Зографском и Ассеманиевом евангелиях, 6 примеров в Саввиной книге и т.д.), она конкурирует с формой настоящего времени **вѣмь**, см. [Вайан 2009: 348].

В тех диалектах праиндоевропейского языка, которые легли в основу языка праславянского, у абсолютного большинства существительных падежные окончания присоединялись к основе, расширенной с помощью тематического гласного *-ā-* или *-ǫ-*, которые могли вступать в качественные и количественные чередования¹⁵⁵. Часть оставшихся существительных присоединяла падежные окончания к основе, расширенной с помощью тематических гласных *-ū-*, *-ÿ-* или *-ī-*, которые на славянской почве выступали как полноценные гласные¹⁵⁶ и так же могли вступать в обычные для гласных чередования. Наконец, часть существительных присоединяла падежные окончания к основе, расширенной на согласный (согласные). Индоевропейских корневых имен (то есть имен, присоединявших падежные окончания непосредственно к корню), в славянских, как и в балтийских языках, не осталось¹⁵⁷.

В соответствии с этим в старославянском языке мы выделяем **ā-*склонение (например, старославянское **жена** из раннего п.-сл. **g^hēn-ā-ǫ*), **ǫ-*склонение (например, **рабъ** из **ǫrb-ǫ-s*), **ū-*склонение (например, **сынъ** из **sūn-ū-s*), **ī-*склонение (например, **гостъ** из **g^hōst-ī-s*), **ÿ-*склонение (например, **свекръ** из **sǫĕkr-ÿ-s*), а также склонения на согласный: **r-*склонение (например, **мати** из **mātēr-ǫ*), **s-*склонение (например, **слово** из **klĕĵōs-ǫ*), **n-*склонение (например, **камы** из **akmōn*¹⁵⁸), **nt-*склонение (например, **прасѧ** из **rǫrknt-ǫ*).

В результате различных характерных для праславянского языка фонетических процессов тематический гласный слился с окончанием¹⁵⁹, при этом стали существенно различаться окончания твердых и

¹⁵⁵ Пример качественного чередования: чередование *ǫ-ē* при образовании звательной формы **ǫ-*склонения. Пример количественного чередования: чередования *ā-ǫ-ǫ* (степень долготы – степень краткости – нулевая степень) при образовании форм **ā-*склонения.

Ср. аналогичную ситуацию в латинском языке, в котором к первому (из пяти) склонению относятся имена, основа которых оканчивается на *-ā/-ǣ-*, а ко второму – имена, основа которых оканчивается на *-ǫ/-ē-*, см. [Солопов, Антоненко 2009: 43].

¹⁵⁶ Первоначально речь шла о нулевой степени количественного чередования дифтонгов с сонантами *ĵ* или *ĵ̣*, ср.:

ǫĵ-ǫĵ-ĵ (степень долготы – степень краткости – нулевая степень)

ēĵ-ēĵ-ĵ̣ (степень долготы – степень краткости – нулевая степень)

¹⁵⁷ Они перешли в **ī-*склонение, см. [Красухин 2004: 111].

¹⁵⁸ По мнению О.Н. Трубочева, первоначально лексема **akmōn-/*akmĕn-*, относящаяся к словам с так называемой «непоследовательной сатэмностью» (**akmōn-/*akmĕn-*), обозначала не всякий камень, а камень с острым краем, ср. **āk-* – ‘острый’, см. [Трубочев 1988: 325].

¹⁵⁹ Следует, впрочем, отметить, что далеко не все представленные в старославянских текстах окончания являются фонетически закономерными: в целом ряде случаев приходится предполагать аналогию.

мягких вариантов *ā-склонения, например, существительных типа **ЖЕНА** (из *g^uēn-ā-ø) и существительных типа **ЗЕМЛА** (из *g^hēm-i-ā-ø), а также *ō-склонения, например, типа **РАБЪ** (из *ōrb-ō-s) и **КОНЬ** (из *kōp-i-ō-s)¹⁶⁰.

Самыми устойчивыми вполне закономерно оказались *ā-склонение и *ō-склонение, из которых впоследствии и сформировались русские *первое* и *второе* склонение существительных. В основу русского *третьего* склонения легли старые *ī-склонение и *ū-склонение, а так называемые *разносклоняемые* существительные типа *время, пламя, дочь, мать* – это то, что осталось от древних склонений с основой на согласный.

Церковнославянский язык занимает своего рода промежуточное положение между старославянским и современным русским – одни падежные окончания у него такие же, как в старославянском, а другие – как в русском.

Праиндоевропейские и праславянские падежи

Для праиндоевропейского языка обычно восстанавливается следующая система падежей: номинатив (падеж деятеля при переходных и непереходных глаголах), вокатив (падеж, в котором стояло обращение), аккузатив (падеж прямого объекта), генитив (падеж приименного определения), датив (падеж косвенного объекта при глагола 'давать' и близких к нему), инструменталис (падеж инструмента), локатив (падеж, обозначающий место, где происходит действие) и аблатив (падеж исходной точки) – именно такое употребление этих падежей засвидетельствовано в санскрите, и из него проще всего вывести значения падежей в других языках, см. [Бурлак, Старостин 2005: 234].

На славянской почве в одной форме совпали родительный падеж (генитив) и отложительный падеж (аблатив), тогда как в латинском языке, например, в одном падеже (*cāsūs ablātīvūs*) совпали индоевропейские отложительный, местный и творительный падежи (аблатив, локатив и инструменталис).

В отечественных учебниках падежные формы в словоизменительных парадигмах могут приводиться в неодинаковой последова-

¹⁶⁰ Первоначальные падежные окончания не зависели от того, какой согласный стоял перед тематическим -ā- или перед тематическим -ō- – *твердый* (*g^uēn-ā-ø, *ōrb-ō-s) или *мягкий* (*g^hēm-i-ā-ø, *kōp-i-ō-s), однако поскольку судьба гласных звуков в праславянском языке после твердых и после мягких согласных была различной, постепенно твердый и мягкий варианты этого типа склонения стали расходиться. Мягкие варианты *ā-склонения и *ō-склонения часто называют просто *jā-склонением и *jō-склонением.

тельности¹⁶¹. На последующих страницах мы будем ориентироваться на восходящую к Дионисию Фракийскому европейскую школьную традицию, в соответствии с которой падежные формы приводятся в следующем порядке: N, G, D, Ac, I, Ab, L, V, см. [Красухин 2004: 111].

Отметим также, что вместо термина «звательный падеж» в отечественной литературе часто используется термин «звательная форма», так как она не образует «члена словосочетания в том смысле, в каком его образуют остальные падежи», см. [Кузнецов 2006: 35].

Склонение существительных с праславянской основой на -ā-

К этому типу склонения относятся те существительные, основа которых в раннем праславянском языке была расширена на тематический гласный -ā-. В основном это были существительные женского рода (**вода, сестра, жена, земља, ноша, кънагыни**), но были и существительные мужского рода (**слоуга, воєвода, юноша, сждни**¹⁶²). Первоначально падежные окончания этого типа не зависели от того, какой согласный стоял перед -ā- – *твердый* (праслав. *vǫdā – ст.-сл. **вода**) или *мягкий* (праслав. *g^hetiā – ст.-сл. **земља**), однако поскольку судьба гласных звуков в праславянском языке после твердых и после мягких согласных была различной, постепенно твердый и мягкий варианты этого типа склонения стали расходиться, и в старославянском языке падежные окончания существительных типа **вода** и существительных типа **земља** не совпадают.

В старославянском языке (в отличие от современного церковнославянского и русского) звуки [k], [g], [x] могли быть только твердыми¹⁶³, поэтому в именительном и винительном падежах множест-

¹⁶¹ В частности, в замечательном во многих отношениях учебнике [Хабургаев 1984] после формы именит. падежа приводится то форма родит. падежа (напр., стр. 172, 174, 219), то форма винит. падежа (напр., стр. 141, 147, 152). Как показывает опыт преподавания, эта мелочь вполне способна дезориентировать студента, привыкшего к фиксированному следованию падежей и заучивающего (на начальном этапе обучения) парадигмы как таковые, а не контексты употребления тех или иных падежных форм.

¹⁶² По наблюдению П.С. Кузнецова, «это все сплошь названия лиц, <...> К тому же частью они представляют собой кальки с других языков. Ср. *воєвода* – др.-в.-нем. *herizogo* (конечному германскому долготу -o в точности соответствует славянское -a)» [Кузнецов 2006: 57].

¹⁶³ Возможные исключения касаются только заимствованных греческих слов типа **китъ, икемонъ, хитонъ**. Мы не знаем, как произносились данные слова нашими предками: твердо (через [k], [g], [x]) или мягко (через [k'], [g'], [x']). Возможно, для подобных слов делались исключения из общего правила, ведь и сейчас некоторые люди произносят «иностранные» слова не так, как слова «родные», произносят их

венного числа, а также в родительном падеже единственного числа после них **ы** находим не **и**, а **ы** (например **рѣкы**, **слоугы**, **моу҃хы**). При смягчении же (перед **и**, **ѣ** и **ѣ**) звуки [k], [g] и [x] изменяли свое звучание: звук [k] переходил в [čʹ] или [cʹ], звук [g] – в [žʹ] или [zʹ], звук [x] – в [šʹ] или [sʹ].

Поэтому в дательном и местном падежах единственного числа, а также в именительном-винительном падеже двойственного числа в старославянском языке вместо букв **к**, **г** и **х** появлялись буквы **ц**, **ѕ** и **с** (например **рѣка** – **рѣцѣ**, **слоуга** – **слоу҃сѣ**, **моу҃ха** – **моу҃сѣ**).

В церковнославянском языке (в отличие от старославянского) звук [к] мог быть и твердым, и мягким (поэтому сочетания **кы**, **гы**, **хы** были заменены сочетаниями **ки**, **ги**, **хи**), однако по традиции чередование согласных в названных выше падежах было сохранено (с той лишь оговоркой, что вместо [zʹ] стали произносить [zʹ], а вместо **ѕ** стали писать **з**).

Твердый вариант

	ц.-сл.	ст.-сл.	п.-сл.
			единственное число
И.	жен-а̇	жен-а	*g ^h ĕn-ā-ø > -ā
Р.	жен-ы	жен-гы	*g ^h ĕn-ā-ns > -ōns > -ūns > -ūns > -ȳ
Д.	жен-ѣ	жен-ѣ	*g ^h ĕn-ā-ī > -ōi > -ā
В.	жен-ѣ	жен-ж	*g ^h ĕn-ā-m > -ōn > -ō
Т.	жен-ою	жен-оѣ	*g ^h ĕn-ā-jām > -ō-jōn > -ōjō
М.	жен-ѣ	жен-ѣ	*g ^h ĕn-ā-ī > -ōi > -ā
З.	жен-о	жен-о	*g ^h ĕn-ə-ø > -ō
			двойственное число
И.-В.	жен-ѣ	жен-ѣ	*g ^h ĕn-ā-ī > -ōi > -ā
Р.-М.	жен-ѣ	жен-оу	*g ^h ĕn-ā-ū > -ōu > -ū
Д.-Т.	жен-ама	жен-ама	*g ^h ĕn-ā-mā
			множественное число
И.	жен-ы	жен-гы	*g ^h ĕn-ā-ns > -ōns > -ūns > -ūns > -ȳ
Р.	жен-ѣ	жен-ѣ	*g ^h ĕn-ə-ōm > -ōn > -ūn > -ȳ
Д.	жен-амѣ	жен-амѣ	*g ^h ĕn-ā-mūs > -āmȳ
В.	жен-ы	жен-гы	*g ^h ĕn-ā-ms > -ōns > -ūns > -ūns > -ȳ
	жен-ѣ		

наперекор внутренним закономерностям звукового строя современного русского языка и говорят «шинэль» вместо «шинель», «Кыргызстан» вместо «Киргизия» и т.д.

Иногда мягкие [kʹ], [gʹ] и [xʹ] включаются в систему согласных фонем старославянского языка безоговорочно (ср. [Хабургаев 1986: 57]), иногда включаются с оговорками – в скобках (ср. [Ремнёва 2004: 84-85]), а иногда не включаются вообще, ср. [Горшков 1963: 91], [Новикова 1993: 58].

Т.	ЖЕН-АМИ	ЖЕН-АМИ	*g ^h ĕn-ā-mī > -āmī
М.	ЖЕН-АХЪ	ЖЕН-АХЪ	*g ^h ĕn-ā-sū > -āхъ

Мягкий вариант

	Ц.-СЛ.	СТ.-СЛ.	П.-СЛ.
единственное число			
И.	ЗЕМЛ-А	ЗЕМЛ-А	*g ^h ĕm-i-ā-∅ > -'ā
Р.	ЗЕМЛ-И	ЗЕМЛ-И	*g ^h ĕm-i-ā-ns > -'ōns > -'ĕns > -'ĕ
Д.	ЗЕМЛ-И	ЗЕМЛ-И	*g ^h ĕm-i-ā-ī > -'ōī > -'ĕī > -'ī
В.	ЗЕМЛ-Ю	ЗЕМЛ-Ю	*g ^h ĕm-i-ā-m > -'ōn > -'q̄
Т.	ЗЕМЛ-ЕЮ	ЗЕМЛ-КЕЖ	*g ^h ĕm-i-ā-jām > -'ō-jōn > 'ĕjō
М.	ЗЕМЛ-И	ЗЕМЛ-И	*g ^h ĕm-i-ā-ī > -'ōī > -'ĕī > -'ī
З.	ЗЕМЛ-Е	ЗЕМЛ-К	*g ^h ĕm-i-ā-∅ > -'ĕ
двойственное число			
И.-В.	ЗЕМЛ-И	ЗЕМЛ-И	*g ^h ĕm-i-ā-ī > -'ōī > -'ĕī
Р.-М.	ЗЕМЛ-Ю	ЗЕМЛ-Ю	*g ^h ĕm-i-ā-ū > -'ōū > -'ĕū > -'ū
Д.-Т.	ЗЕМЛ-АМА	ЗЕМЛ-ПАМА	*g ^h ĕm-i-ā-mā > -'āmā
множественное число			
И.	ЗЕМЛ-И	ЗЕМЛ-И	*g ^h ĕm-i-ā-ns > -'ōns > -'ĕns > -'ĕ
Р.	ЗЕМЛ-Ь	ЗЕМЛ-Ь	*g ^h ĕm-i-ā-ōm > ōn > -'ūn > -'īn > -'ь
Д.	ЗЕМЛ-АМЪ	ЗЕМЛ-ПАМЪ	*g ^h ĕm-i-ā-mūs > 'āmъ
В.	ЗЕМЛ-И	ЗЕМЛ-И	*g ^h ĕm-i-ā-ms > -'ōns > -'ĕns > -'ĕ
Т.	ЗЕМЛ-АМИ	ЗЕМЛ-ПАМИ	*g ^h ĕm-i-ā-mī > -'āmī
М.	ЗЕМЛ-АХЪ	ЗЕМЛ-ПАХЪ	*g ^h ĕm-i-ā-sū > -'āхъ

Как мы видим, в старославянском языке твердый и мягкий варианты *ā-склонения различаются гораздо больше, чем в церковнославянском. Это связано с тем, что в истории церковнославянского языка произошло выравнивание этого типа склонения *по твердому варианту*. Во многих падежах мягкого варианта исконные формы были заменены новыми, более похожими на соответствующие формы твердого варианта. Так, в именительном и винительном падежах множественного числа, а также в родительном падеже единственного числа исконная форма **ЗЕМЛ-А** была заменена формой **ЗЕМЛ-И**. В дательном единственного наряду с исконной формой **ЮНОШИ** в церковнославянских текстах можно встретить и новую форму **ЮНОШЪ** (по аналогии с **ЖЕНЪ**).

Кроме того, под влиянием русского языка в церковнославянских текстах в винительном падеже множественного числа у одушевленных существительных формы типа **ЖЕНЫ** иногда заменяются формами типа **ЖЕНЪ**, совпадающими с формами родительного падежа (как это происходит в современном русском языке).

Обратите внимание на то, что слова типа *судья, рабыня, княгиня*, которые в церковнославянском выглядят как **сѣдѣѣ, рабынѣ, княгинѣ**, в старославянском выглядели как **сѣдѣи, рабыни, кънагыни**, то есть оканчивались в именительном падеже не на [ā], как в русском или церковнославянском, а на [ī]¹⁶⁴. Все остальные падежи у слов этого типа такие же, как и у слов типа **земля, юноша**.

Происхождение старославянских падежных окончаний *ā-склонения

И. п. ед. ч. В раннем праславянском языке в И.п. ед.ч. существительные *ā-склонения окончаний не имели. Старославянское окончание – то, что получилось из тематического гласного (степень полноты): *g^uēp-ā-ø > **жена**¹⁶⁵, *ġ^hēm-ī-ā-ø > **земля**¹⁶⁶.

Р.п. ед.ч. Старославянские окончания Р.п. ед.ч. твердого и мягкого вариантов *ā-склонения из индоевропейского окончания -s¹⁶⁷ невыводимы фонетически¹⁶⁸, поэтому А.М. Селищев предполагает здесь окончание -ns¹⁶⁹ и степень краткости для тематического гласного, что допускает фонетически закономерное происхождения старославянских окончаний, ср.:

*g^uēp-ā-ns > -ōns > -ūns > -ū̄ns > -ū̄

*ġ^hēm-ī-ā-ns > -'ōns > -'ēns > -'ē̄

Краткий [ā] на славянской почве изменился в краткий [ǫ].

¹⁶⁴ Это обычно объясняют тем, что в словах данного типа еще в индоевропейскую эпоху тематический гласный -a- выступал не на ступени полноты -ā- (как в словах типа *g^uēp-ā-ø > **жена**), а на ступени редукции -ə-, а сочетание iə фонетически закономерно дало i, ср. [Мейе 1951: 320-321].

¹⁶⁵ Начальное [z'] слова **жена** – результат первой палатализации задненёбного славянского [g], в котором совпали рефлексы индоевропейских *g, g^h, *g^u > *g > ž'.

¹⁶⁶ Начальное [z] слова **земля** – результат «сатэмной» палатализации индоевропейских *g, g^h, *g^u > *ġ, ġ^h, *ġ^u > z.

¹⁶⁷ Ср. старое латинское окончание род. п. ед. ч. в юридическом термине *pater famili-a-s*, др.-греческое окончание 'ὄρ-α-ς, 'αληθεί-α-ς или же окончание -os (< *ā-ς) у существительных данного типа склонения в современном литовском языке, см. [Orvidienė 1968: 452].

¹⁶⁸ А. Мейе пробует вывести старославянское окончание из старого -ās, предполагая изменение -ās > -ōs с дальнейшим изменением ō в ū̄ в конечном закрытом слоге, см. [Мейе 1951: 121, 318]. Подобная схема, однако, не согласуется с установленными закономерностями развития фонетического строя праславянского языка.

¹⁶⁹ См. [Селищев 1952: 99-101]. А. Вайан предполагает аналогическое замещение конечного *ā-ns посредством *āns подобно тому, как это произошло в именительном падеже мн. числа, см. [Vaillant 1958: 81]. По мнению О. Гуера, речь идет о реликтах родительного падежа не сохранившегося в славянских языках склонения существительных женского рода с основой на -n-, ср. гот. им.п. ед.ч. *qinō* 'женщина', род.п. ед.ч. – *qinōns*, см. [Hujer 1910: 112].

В твердом варианте *ā-склонения лабиализация этого краткого [ō] была усилена положением перед носовым согласным ([ōn] > [ūn]). Перед сочетанием ns в конце слога краткий [ū] удлинился и дал долгий [ū̄], впоследствии перешедший в долгий [ȳ]. Конечные согласные [ns] отпали по «закону открытого слога».

В мягком варианте *ā-склонения получившийся из тематического гласного краткий [ō] после мягкого согласного перешел в краткий [ě]. Впоследствии по «закону открытого слога» сочетание [ēn] дало [ē̄], а конечный [s] отпал.

Д.п. ед.ч. Окончание -i в сочетании с кратким [ō] из тематического [ā] в твердом варианте *ā-склонения по «закону открытого слога» дало <ě₂> («второй славянский ять»), который в болгаро-лехитских говорах праславянского языка совпал с <ě₁> («первым славянским ятем») в фонетическом варианте [ā̄]:

*g^uēn-ā-ī > -ōī > -ā̄

Поскольку в мягком варианте *ā-склонения получившийся из тематического гласного краткий [ō] после мягкого перешел в краткий [ě], возникал дифтонг ěi, который по «закону открытого слога» монофтонгизировался в [ī]:

*g^hēm-ī-ā-ī > -'ōī > -'ěī > -'ī

В.п. ед.ч. Окончание -m в сочетании с тематическим гласным давало -ōn (не позднее периода балто-славянского языкового сообщества долгие гласные в составе дифтонгических сочетаний сократились, а [m] в конце слога перешел в [n]), которое по «закону открытого слога» монофтонгизировалось в [ō̄]:

*g^uēn-ā-m > -ōn > -ō̄

*g^hēm-ī-ā-m > -'ōn > -'ō̄

Т.п. ед.ч. Принято считать, что в данный падеж проникло окончание указательных местоимений женского рода типа **тояж, онояж**¹⁷⁰. Различия между твердым и мягким вариантами *ā-склонения обусловлены фонетически закономерной трансформацией тематического гласного – [ō] (из [ā]) после мягкого перешел в [ě]:

*g^uēn-ā-īām > -ō-jōn > -ōjō̄

*g^hēm-ī-ā-īām > -'ō-jōn > -'ějō̄

А.М. Селищев (а вслед за ним и ряд других исследователей) со ссылкой на соответствующий падеж литовского языка¹⁷¹ постули-

¹⁷⁰ Ср., например, [Селищев 1952: 101], [Горшков 1963: 270], [Хабургаев 1986: 151], [Ремнёва 2004: 182]. Л.В. Матвеева-Исаева вопреки этому распространенному мнению считает данную форму исконной, ср. [Матвеева-Исаева 1958: 86-87]. Это, впрочем, никак не отражается на приведенной реконструкции.

¹⁷¹ Ср. «Если судить по указанию формы этого падежа в литовском языке, система которого близка была к системе славянской, то можно полагать, что окончанием творит. ед. в этих основах был некогда носовой согласный m (n) лит. ganką вместо 112

ругот для данного падежа древнее окончание -m (n), которое, слившись с тематическим гласным, должно было бы дать -q̄, то есть окончание, тождественное окончанию В.п. ед.ч., однако считает представленными в Супрасльской рукописи формы Т.п. ед.ч. **съ воеводѣжъ, съ ѿомѣжъ, рѣжѣжъ, доушѣжъ** не реликтами прежнего состояния, а новообразованиями – результатом выпадения интервокального j (i) и контракции $\delta i\bar{q} > \bar{q}$ ¹⁷². Безусловно новообразованиями являются и польские формы твор.п. ед.ч. *żona, ziemia*, в которых Г.А. Хабургаев ошибочно видит подобные же реликты¹⁷³.

М.п. ед.ч. Как и в Д.п. ед.ч., окончание -i в сочетании с кратким [ō] из тематического [ā] в твердом варианте *ā-склонения по «закону открытого слога» дало <ě₂> («второй славянский ять»), который в болгаро-лехитских говорах праславянского языка совпал с <ě₁> («первым славянским ятем») в фонетическом варианте [ā]:

$*g^u\bar{e}n-\bar{a}-\bar{i} > -\bar{o}i > -\bar{a}$

В мягком варианте *ā-склонения, как уже отмечалось, возникал дифтонг $\bar{e}i$, который по «закону открытого слога» монофтонгизировался в [ī]:

$*g^h\bar{e}m-\bar{i}-\bar{a}-\bar{i} > -\bar{o}i > -\bar{e}i > -\bar{i}$

Зв. ед.ч. А.М. Селищев видит в старославянском окончании звательной формы трансформированный тематический гласный индо-

gankam. У славян окончанием был бы носовой гласный q, как и в винит. единств.: *gōqō, gogōq* [Селищев 1952: 101-102].

Мы подозреваем, однако, что речь идет о недоразумении или о неточной формулировке, так как в современном литовском языке *ganką* – форма **не творительного, а винительного** падежа, творительный же падеж выглядит как *gankā* без всякого носового на конце, см. [Orvidienė 1968: 121].

Окончание -a представлено в творит. ед. в этих основах и в старолитовском языке, а окончание -om зафиксировано для дат.-творит. **двойственного** числа. Окончание *ā-n реконструируется для творит. ед. *ā-основ протобалтийского языка на основании иных источников, см. [Dini 2000: 96, 322]

¹⁷² Ср.: «Такое явление представлено и другими славянскими языковыми группами, – западнославянскими и диалектами словинскими. На то, что формы творит. ед. на q (и на дальнейшую его замену) в этих языках появились вследствие ассимиляции и стяжения этих гласных в один долгий гласный, указывает долгота конечного слога: старо-чешск. *gukū*, польск. *gęqō*. В конце слова у всех славян долгие гласные рано, в доторическую эпоху, сократились [следовательно, речь идет не о старой, унаследованной из праславянского, долготе, а о долготе новой, возникшей из стяжения. – А.И.]» [Селищев 1952: 102]. О сокращении старых долгих гласных и о возникновении новых долгот в истории отдельных славянских языков см. [Бернштейн 1961: 230 след.]

¹⁷³ Ср. «У основ на *ā было окончание *-m, т.е. *gen-a-m, что и должно было, как и в винительном падеже, дать *женѣжъ, *ношѣжъ; формы с таким окончанием встречаются, например, в Супр. рук.: **съ воеводѣжъ, съ ѿомѣжъ, рѣжѣжъ, доушѣжъ** (вместо **доушѣжъ**); ср. в польском твор. п. *żona, ziemia*» [Хабургаев 1986: 151].

европейской основы, который в твердом варианте *ā-склонения дал [o], а в мягком – [e]:

*g^uĕn-ǝ-ǝ > -ǝ
*g^hĕm-ĭ-ǝ-ǝ > -'ĕ¹⁷⁴

И.-В. п. дв. ч. Как и в Д.п. М.п. ед.ч., окончание -ĭ в сочетании с кратким [ǝ] из тематического [ǎ] в твердом варианте *ā-склонения по «закону открытого слога» дало <ĕ₂> («второй славянский ять»), который в болгаро-лехитских говорах праславянского языка совпал с <ĕ₁> («первым славянским ятем») в фонетическом варианте [ǎ]:

*g^uĕn-ǎ-ĭ > -ǝĭ > -ǎ

В мягком варианте *ā-склонения, возникал дифтонг ĕĭ, который по «закону открытого слога» монофтонгизировался в [ĭ]:

*g^hĕm-ĭ-ǎ-ĭ > -'ǝĭ > -'ĕĭ > -'ĭ

Р.-М. п. дв. ч. Окончание -us в сочетании с кратким [ǝ] из тематического [ǎ] в твердом варианте *ā-склонения фонетически закономерно довало -ū (монофтонгизация дифтонга ъц и отпадение конечного согласного s):

*g^uĕn-ǎ-ū > -ǝц > -ū

В мягком варианте *ā-склонения дифтонг 'ѡц после мягкого фонетически закономерно переходил в -'ĕц:

*g^hĕm-ĭ-ǎ-ū > -'ǝц > -'ĕц > -'ū

Д.-Т. п. дв. ч. Окончание -ma, слившись с тематическим гласным на ступени долготы (-ā-), закономерно дало -ama

*g^uĕn-ā-mā > -āmā

*g^hĕm-ĭ-ā-mā > -'āmā

И. п. мн. ч. Окончание -ns и ступень краткости тематического гласного фонетически закономерно дало -ы в твердом варианте *ā-склонения и -ѡ – в мягком варианте, ср.:

*g^uĕn-ǎ-ns > -ǝns > -ūns > -ūns > -ŷ = **жены**

*g^hĕm-ĭ-ǎ-ns > -'ǝns > -'ĕns > -'ĕ = **земѡ-ѡ**

Краткий [ǎ] на славянской почве изменился в краткий [ǝ].

В твердом варианте *ā-склонения лабиализация этого краткого [ǝ] была усилена положением перед носовым согласным ([ǝn] > [ūn]). Перед сочетанием ns в конце слога краткий [ū] удлинился и дал долгий [ū], впоследствии перешедший в долгий [ŷ]. Конечные согласные [ns] отпали по «закону открытого слога».

¹⁷⁴ «Звательная форма единств. представляла собою некогда основу с результатом ослабления (ступень редукции) долгого ā: э. А вместо этого гласного у славян o, у греков a: goro! ženo! <...> После мягких согласных o изменился в e – vol'e! [Селищев 1952: 101]. Как мы видим, речь идет о закономерном рефлексе индоевропейского праязыка, в котором «вокатив представляет собой чистую основу, оканчивающуюся именно на тот звук, который эту основу характеризует», см. [Красухин 2004: 127].

В мягком варианте *ā-склонения получившийся из тематического гласного краткий [ǫ] после мягкого согласного перешел в краткий [ě]. Впоследствии по «закону открытого слога» сочетание [ĕn] дало [ē], а конечный [s] отпал.

Р. п. мн. ч. Окончание -ōm¹⁷⁵ в сочетании с нулевой ступенью тематического гласного дало -ь в твердом варианте, и -ь – в мягком:

*g^uĕn-ǝ-ōm > ǝn > -ǫn > -ь

*g^hĕm-ĭ-ǝ-ōm > ǝn > -'ǫn > -'ь

Не позднее периода балто-славянского языкового сообщества долгий -ō- в составе дифтонгического сочетания сократился, [m] в конце слога изменялся в [n], усиление лабиализации -ō- в конечном слоге превратило его в -ǫ-, который фонетически закономерно дал -ь. Конечный согласный отпал по «закону открытого слога».

В мягком варианте -ǫ- после мягкого переходило в -ĭ-, который фонетически закономерно давал -ь. Конечный согласный отпал по «закону открытого слога».

Д. п. мн. ч. Окончание -mūs, слившись с тематическим гласным на ступени долготы -ā-, фонетически закономерно дало -āmь:

*g^uĕn-ā-mūs > -āmь

*g^hĕm-ĭ-ā-mūs > 'āmь

В. п. мн. ч. П.С. Кузнецов определяет для данного падежа первоначальное окончание -ms¹⁷⁶, которое впоследствии, слившись с тематическим гласным на ступени краткости, фонетически закономерно дало -ū в твердом варианте *ā-склонения и -ē – в мягком варианте, ср.:

*g^uĕn-ā-ms > -ǝns > -ǫns > -ūns > -ū = **ЖЕНЬ**

*g^hĕm-ĭ-ā-ms > -'ǝns > -'ĕns > -'ē = **ЗЕМЛЪ**.

Краткий [ā] на славянской почве изменился в краткий [ǫ].

В твердом варианте *ā-склонения лабиализация этого краткого [ǫ] была усилена положением перед носовым согласным ([ǝn] > [ǫn]). Перед сочетанием ns в конце слога краткий [ǫ] удлинился и

¹⁷⁵ Ср. др.-инд. rītṃāṁm 'отцов', agnīnāṁm 'огней', др.-греч. ἀνδρῶν 'мужей', ἵππων 'коней'. Обзор мнений исследователей по поводу данного падежа (кроме окончания -ōm предлагался также вариант -ōm) см. [Кузнецов 2006: 69-73]. В любом случае не позднее конца периода балто-славянского сообщества долгий гласный в составе дифтонгического сочетания сокращался, а [m] в конце слога изменялся в [n].

¹⁷⁶ Ср. «Ряд падежных форм единственного и соответствующих им множественного числа некогда различался лишь наличием в формах множественного числа показателя множественности -s, присоединившегося после падежного окончания <...> Так, лишь показателем множественности различались винительный падеж единственного числа и винительный падеж множественного числа того же склонения, ср. ед.ч. *genāt – мн.ч. *genāms; первая форма дает *женѣ*, вторая *genōns > *ženōns* > *ženy* (*жены*)» [Кузнецов 2006: 66].

дал долгий [ū], впоследствии перешедший в долгий [ȳ]. Конечные согласные [ns] отпали по «закону открытого слога».

В мягком варианте *ā-склонения получившийся из тематического гласного краткий [ō] после мягкого согласного перешел в краткий [ě]. Впоследствии по «закону открытого слога» сочетание [ĕn] дало [ĕ̄], а конечный [s] отпал.

Т. п. мн. ч. Окончание -mī, слившись с тематическим гласным на ступени долготы -ā-, фонетически закономерно дало -āmī:

*g^hĕn-ā-mī > -āmī

*g^hĕm-ĭ-ā-mī > -'āmī

М. п. мн. ч. Окончание -sŭ, слившись с тематическим гласным на ступени долготы -ā-, закономерно дало -āsŭ. Под влиянием фонетически закономерных форм М.п. мн.ч. существительных *ō-склонения (*stōl-ōĭ-sŭ > столѣхъ), *ŭ-склонения (*sŭn-ŭ-sŭ > сынѣхъ) и *ĭ-склонения (*g^hōst-ĭ-sŭ > гостѣхъ) звук [x] появился и в данном окончании, хотя сформулированные Х. Педерсеном условия изменения [s] > [x] в *ā-склонении отсутствовали:

*g^hĕn-ā-sŭ > -āxъ

*g^hĕm-ĭ-ā-sŭ > -'āxъ

Склонение существительных с праславянской основой на -ō-

По этому типу склоняются большинство существительных мужского и среднего рода. В *ō-склонении также следует различать *твердый* и *мягкий* варианты.

Твердый вариант (мужской род)

	ц.-сл.	ст.-сл.	п.-сл.
			единственное число
И.	р ^а в-ѣ	рав-ѣ	*ōrb-ō-s > -ŭs > -ѣ
Р.	рав-а	рав-а	*ōrb-ō-d > -ā
Д.	рав-ѣ	рав-оу	*ōrb-ō-ŭ > -ōу > -ŭ
В.	рав-а	рав-ѣ	*ōrb-ō-m > -ōn > -ŭn > -ѣ
Т.	рав-омѣ	рав-омѣ	*ōrb-ō-mīs > ōмѣ
М.	рав-ѣ	рав-ѣ	*ōrb-ō-ī > -ōĭ > -ā
З.	р ^а в-ѣ	рав-ѣ	*ōrb-ĕ > -ĕ
			двойственное число
И.-В.	рав-а	рав-а	*ōrb-ō-ø > -ā
Р.-М.	рав-ѣ	рав-оу	*ōrb-ō-ūs > ōуs > -ŭ
Д.-Т.	рав-ома	рав-ома	*ōrb-ō-mās > -ōmā
			множественное число
И.	рав-и	рав-и	*ōrb-ō-ī > -ī

Р.	РАБ-ТЬ РАБ-ЪВЪТЪ	РАБ-ТЬ	*ōrb-ō-ōn > ōn > -ūn > -ъ
Д.	РАБ-ЪМЪТЪ	РАБ-ОМЪТЪ	*ōrb-ō-mūs > -ōмъ
В.	РАБ-Ы РАБ-ЪВЪТЪ	РАБ-ТЫ РАБ-ЪВЪТЪ	*ōrb-ō-ns > -ōns > -ūns > -ūns > -ÿ
Т.	РАБ-Ы	РАБ-ТЫ	*ōrb-ōi-s > -ÿ
М.	РАБ-ЪХЪТЪ	РАБ-ЪХЪТЪ	*ōrb-ōi-sū > -āхъ

Мягкий вариант (мужской род)

	Ц.-сл.	СТ.-сл.	П.-сл.
единственное число			
И.	КОН-Ь	КОН-Ь	*kōn-i-ō-s > -'ūs > -'is > -'ь
Р.	КОН-А	КОН-ПА	*kōn-i-ō-d > -'ā
Д.	КОН-Ю	КОН-Ю	*kōn-i-ō-ū > -'ōу > -'ēу > -'ū
В.	КОН-Ь КОН-А	КОН-Ь	*kōn-i-ō-m > -'ōn > -'ūn > -'in > -'ь
Т.	КОН-ЕМЪ	КОН-ЕМЪ	*kōn-i-ō-mīs > -'еть
М.	КОН-И	КОН-И	*kōn-i-ō-ī > -'ēi > -ī
З.	КОН-Ю	КОН-Ю	*kōn-i-ō-ū > -'ū
двойственное число			
И.-В.	КОН-А	КОН-ПА	*kōn-i-ō-ø > -ōi > -ā
Р.-М.	КОН-Ю	КОН-Ю	*kōn-i-ō-ūs > 'ēуs > -'ū
Д.-Т.	КОН-ЕМА	КОН-КМА	*kōn-i-ō-mās > -'ēmā
множественное число			
И.	КОН-И	КОН-И	*kōn-i-ō-ī > -'ēi > -ī
Р.	КОН-Ь	КОН-Ь	*kōn-i-ō-ōn > ōn > -'ūn > -'in > -'ь
Д.	КОН-ЕМЪ	КОН-ЕМЪ	*kōn-i-ō-mūs > -'еть
В.	КОН-И КОН-И	КОН-И КОН-И	*kōn-i-ō-ns > -'ōns > -'ēns > -'ē
Т.	КОН-И КОН-МИ	КОН-И	*kōn-i-ōi-s > 'ēis > -ī
М.	КОН-ИХЪ	КОН-ИХЪ	*kōn-i-ōi-sū > -'ēisū > -īхъ

Твердый вариант (средний род)

	Ц.-сл.	СТ.-сл.	П.-сл.
единственное число			
И.	СЕЛ-О	СЕЛ-О	*sēl-ō-d > -ō
Р.	СЕЛ-А	СЕЛ-А	*sēl-ō-d > -ā
Д.	СЕЛ-У	СЕЛ-ОУ	*sēl-ō-ū > -ōу > -ū
В.	СЕЛ-О	СЕЛ-О	*sēl-ō-m > -ō
Т.	СЕЛ-ОМЪ	СЕЛ-ОМЪ	*sēl-ō-mīs > омъ

М.	СЕЛ-Ѣ	СЕЛ-Ѣ	*sěl-ǫ-ī > -ǫī > -ǣ
			двойственное число
И.-В.	СЕЛ-Ā	СЕЛ-Ѣ	*sěl-ǫ-ī > -ǫī > -ǣ
Р.-М.	СЕЛ-Ǫ	СЕЛ-ОУ	*sěl-ǫ-ūs > ǫus > -ū
Д.-Т.	СЕЛ-ÓМА	СЕЛ-ОМА	*sěl-ǫ-mās > -ǫmā
			множественное число
И.	СÉЛ-А	СЕЛ-А	*sěl-ǫ-ā > -ā
Р.	СÉЛ-Ъ	СЕЛ-Ъ	*sěl-ǫ-ǫn > ǫn > -ǫn > -ъ
Д.	СÉЛ-ŪМЪ	СЕЛ-ОМЪ	*sěl-ǫ-mūs > -ǫmъ
В.	СÉЛ-А	СЕЛ-А	*sěl-ǫ-ā > -ā
Т.	СÉЛ-Ы	СЕЛ-ЪИ	*sěl-ǫi-s > -y
М.	СÉЛ-ѢХЪ	СЕЛ-ѢХЪ	*sěl-ǫi-sū > -ǣхъ

Мягкий вариант (средний род)

			единственное число
	Ц.-сл.	СТ.-сл.	П.-сл.
И.	ПÓЛ-Е	ПОЛ-К	*pǫl-i-ǫ-s > -'ūs > -'īs > -'ь
Р.	ПÓЛ-Ѧ	ПОЛ-ПА	*pǫl-i-ǫ-d > -'ā
Д.	ПÓЛ-Ю	ПОЛ-Ю	*pǫl-i-ǫ-ū > -'ǫu > -'ěu > -'ū
В.	ПÓЛ-Е	ПОЛ-К	*pǫl-i-ǫ-m > -'ǫn > -'ǫn > -'in > -'ь
Т.	ПÓЛ-ЕМЪ	ПОЛ-КМЪ	*pǫl-i-ǫ-mī > -'ěmъ
М.	ПÓЛ-И	ПОЛ-И	*pǫl-i-ǫ-ī > -'ěi > -'ī
			двойственное число
И.-В.	ПŪЛ-И	ПОЛ-И	*pǫl-i-ǫ-ǫ > 'ěi > -'ī
Р.-М.	ПŪЛ-Ю	ПОЛ-Ю	*pǫl-i-ǫ-ūs > 'ěus > -'ū
Д.-Т.	ПÓЛ-ЕМА	ПОЛ-КМА	*pǫl-i-ǫ-mās > -'ěmā
			множественное число
И.	ПОЛ-Ѧ	ПОЛ-ПА	*pǫl-i-ǫ-ā > -'ā
Р.	ПОЛ-ÉЙ	ПОЛ-Ь	*pǫl-i-ǫ-ǫn > ǫn > -'ǫn > -'in > -'ь
Д.	ПОЛ-ÉМЪ	ПОЛ-КМЪ	*pǫl-i-ǫ-mūs > -'ěmъ
В.	ПОЛ-Ѧ	ПОЛ-ПА	*pǫl-i-ǫ-ā > -'ā
Т.	ПŪЛ-И	ПОЛ-И	*pǫl-i-ǫi-s > 'ěis > -'ī
М.	ПОЛ-ѦХЪ	ПОЛ-ИХЪ	*pǫl-i-ǫi-sū > -'ěisū > -'īхъ

В современном русском языке одушевленные и неодушевленные существительные мужского рода имеют в винительном падеже единственного числа разные окончания: у одушевленных существительных форма винительного падежа совпадает с формой родительного падежа (*вижу человека*), у неодушевленных – с формой именительного (*вижу стол*). В старославянском языке у всех существительных *ǫ-склонения винительный падеж первоначально совпадал с именительным (**виждѣж краи, виждѣж рабѣж**), однако постепенно у

некоторых существительных (у тех, которые впоследствии стали называться *одушевленными*) в винительный падеж единственного числа стала проникать форма родительного падежа (**виждѣ чьловѣка**), которая и закрепилась в церковнославянском и русском языках (**виждѣ чьловѣка**, *вижу человека*).

Форма творительного падежа единственного числа в старославянском языке оканчивалась на **-омь/-къмь**. В церковнославянском языке конечный [m'] отвердел и появилось окончание **-омь/-емь**.

Поскольку первоначально мягкие звуки [š'], [ž'] и [č'] в церковнославянском языке отвердели, на месте старославянских сочетаний **шь, жь и чь** в церковнославянских текстах появились сочетания **шъ, жъ и чъ** (сравните ст.-сл. **мжжь, отьць** и ц.-сл. **мѣжь, ѡтѣць**).

В местном падеже единственного числа перед буквой **ѣ** происходит обычное для старославянского языка чередование **к-ц, г-с, х-с**, при этом в церковнославянских текстах **г** чередуется не с **с**, а с **з** (ст.-сл. **отрокъ – о отроцѣ, богъ – о боѣѣ, грѣхъ – о грѣсѣ**; ц.-сл. **ŏ боѣѣ**).

Звательную форму исконно «мягкие» существительные мужского рода образовывали с помощью окончания **-ю** (**мжжю, краю**), а исконно «твердые» – с помощью окончания **-ѣ**, перед которым происходило чередование **к-ч, г-ж, х-ш** (**отрокъ-отроче, богъ-боже, грѣхъ-грѣше**). Поскольку в словах типа **отьць, старьць** звук [с'] также возник из звука [к] (сравните п.-сл. *ōīkōs, *stārīkōs), в этих словах происходило чередование **ц-ч** (**отьць-отъче, старьць-старьче**¹⁷⁷). Слова среднего рода особой звательной формы не имели.

Обратите внимание на то, что во множественном числе ни одна старославянская форма (кроме формы именительного падежа мягкой разновидности типа **мжжи**) не совпадает с русскими!

В именительном падеже множественного числа происходит чередование **к-ц, г-с, х-с** (**отрокъ-отроци, богъ-боѣи, доухъ-доуси**). Поскольку в церковнославянском языке звук [с'] отвердел, а звук

¹⁷⁷ Интересно, что хотя во всех, кроме звательного, падежах слов типа **отьць, старьць** фонетически закономерно представлены окончания «мягкого» типа *ō-склонения, в звательном падеже мы находим окончание «твердого» типа **-ѣ**, и это тоже вполне закономерно:

Окончание старославянского звательного падежа обусловлено чередованием тематического **ō** (качественного чередования **ō-ě** или количественного **ō-оц**) еще в праиндоевропейский период, когда у слов типа *ōīk-ō-s этому тематическому **ō** предшествовал **твердый** [k], окончания же остальных старославянских падежей сложились позднее, когда на месте твердого [k] уже был **мягкий** [с'], возникший в результате «третьей палатализации».

[z'] перешел в [z'], в церковнославянских текстах мы вместо старославянского **отроци** обнаруживаем **ѡтроцы**, а вместо **бози** — **бѡзи**.

Форма родительного падежа множественного числа у существительных мужского рода первоначально совпадала с формой именительного падежа единственного числа (**ѡдинъ рабъ** — **много рабъ**, **ѡдинъ краи** — **много краи**). В церковнославянском языке древнее падежное окончание почти у всех существительных вытеснено новыми окончаниями **-ѡвъ**, **-ѣвъ**, **-ѣй** (**много рабѡвъ**, **много краѣвъ**, **много мѡжѣй**), хотя иногда можно встретить сочетание типа **много рабъ**.

В дательном падеже множественного числа существительные *ѡ-склонения оканчиваются на **-ѡмъ**/**-ѣмъ**. По правилам церковнославянского языка окончание твердого варианта пишут через **ѡ**, чтобы отличить его от окончания творительного падежа единственного числа, которое в церковнославянском (в отличие от старославянского!) произносится так же.

В винительном падеже множественного числа существительные мужского рода твердой разновидности оканчивались на **-ы**, а мягкой разновидности — на **-а**. В церковнославянском языке по аналогии с твердым вариантом в формах мягкого варианта появилось окончание **и/ы**, при этом вместо сочетаний **кы**, **гы**, **хы** появились сочетания **ки**, **ги**, **хи**, а вместо сочетания **жи** — сочетание **жы**.

В местном падеже множественного числа существительные мягкой разновидности оканчивались на **-ихъ**, а существительные твердой разновидности — на **-ѣхъ**, при этом перед **ѣ** происходило обычное чередование **к-ч**, **г-з/з**, **х-с**. В церковнославянском языке у некоторых слов в этот падеж проникло окончание **-ахъ**/**-ѡхъ**, употреблявшееся первоначально только у существительных *а-склонения (**мѡж-ахъ**, **пол-ѡхъ**), и **-ѣхъ**, употреблявшееся первоначально у существительных склонений на согласный (**іерѣ-ѣхъ**, **кра-ѣхъ**).

Склонение существительных с праславянской основой на -й-

В старославянском языке по этому типу регулярно склонялись всего шесть существительных мужского рода: **сынъ**, **волъ**, **врьхъ**, **лѣдъ**, **мѣдъ**¹⁷⁸, **полъ** (в значении «половина»). Падежные окончания

¹⁷⁸ Возможно, первоначально это слово было **среднего** рода, ср. др.-инд. *mádhu* в значениях 1) сладкий напиток; сладкая еда; 2) мёд; 3) молоко; 4) нектар; 5) напиток сома [Кочергина 2005: 492] и др.-греч. *μέθυ* — первоначально 'сладкий, хмельной напиток, мёд' [Вейсмань 1899: 789].

*ŷ-склонения могли также встречаться еще у некоторых существительных (например, **домъ, гласъ, даръ, родъ, садъ, падь**).

Все эти существительные впоследствии перешли в *ŏ-склонение, поэтому в церковнославянском языке *ŷ-склонение как самостоятельное отсутствует (лишь в родительном и местном падежах единственного числа эти существительные сохранили старые окончания: **ѿ́ домѹ рабѹты; въ́ домѹ оца́ моєгѹ; съ́ ѿнагѹ полѹ ѿрдана́; до́ низѹ; ста́ верхѹ**).

	ст.-сл.	п.-сл.
		единственное число
И.	сын-ъ	*sŷn-ŷ-s > -ŷs > -ъ
Р.	сын-оу	*sŷn-ŷ-s > -ŷ
Д.	сын-ови	*sŷn-ŷ-ī > -ŷvī
В.	сын-ъ	*sŷn-ŷ-m > -ŷn > -ъ
Т.	сын-ъмь	*sŷn-ŷ-mī > -ъмь
М.	сын-оу	*sŷn-ŷ-ŏ > -ŷ
З.	сын-оу	*sŷn-ŷ-ŏ > -ŷ
		двойственное число
И.-В.	сын-ты	*sŷn-ŷ-ŏ >
Р.-М.	сын-овоу	*sŷn-ŷ-ŷs > -ŷvŷ
Д.-Т.	сын-ъма	*sŷn-ŷ-mās > -ъма
		множественное число
И.	сын-ове	*sŷn-ŷ-ēs > -ŷvē
Р.	сын-овъ	*sŷn-ŷ-ŏn > ŷŷŏn > -ŷвъ
Д.	сын-ъмь	*sŷn-ŷ-mŷs > -ъмь
В.	сын-ты	*sŷn-ŷ-ns > -ŷns > -ŷ̄
Т.	сын-ъми	*sŷn-ŷ-mī > -ъмī
М.	сын-ъхъ	*sŷn-ŷ-sŷ > -ъхъ

В истории церковнославянского языка *ŷ-склонение исчезло, однако некоторые падежные окончания проникли в *ŏ-склонение, вытеснив древние *ŏ-формы. Так, у существительных мужского рода твердой разновидности древнего *ŏ-склонения (типа **рабъ, доухъ**) в родительном падеже множественного числа исконное окончание **-ъ** (**мъного рабъ, мъного доухъ**) практически полностью вытеснено окончанием *ŷ-склонения **-овъ** (по современным правилам церковнославянской орфографии пишется **-овъ** – **мно́го рабѹвъ, мно́го дѹхѹвъ**). У существительных же мягкой разновидности по аналогии появилось окончание **-евъ** (**мно́го краѹевъ**).

Падежное окончание *ŷ-склонения **-ови** (и аналогическое **-еви**) проникло в дательный падеж единственного числа одушевленных

существительных *ѡ-склонения. Так, на месте исконных форм типа **бoгoу, доухоу, петроу, кесарю** еще в старославянских текстах появились формы типа **богови, доухови, петрови, кесареви**.

Вытеснение исконных *ѡ-форм *ѣ-формами могло происходить и в именительном падеже множественного числа. Так, наряду с исконными формами типа **доуси, грѣси, врачи** появились формы типа **доухове, грѣхове, врачеве**.

Склонение существительных с праславянской основой на -ї-

По этому типу склонения изменялись существительные мужского и женского рода, основа которых в раннем праславянском языке оканчивалась на -ї- (*g^host-ї-s > ст.-сл. **гoстѣ**, *kōstī-s > ст.-сл. **кoстѣ**, *rōnt^h-ї-s > ст.-сл. **пѣтѣ**).

Кроме многочисленных существительных женского рода типа **вьсь** ‘деревня’, **двьрь**, **жрьдѣ**, **мысль**, **обитѣль**, **пастѣ**, **скръвь**, **соль**, **сѣнь**, **тварь**, **твьрдѣ**, **хоть** ‘супруг, супруга; желание’, **благость**, **грѣдость**, **дрьзость**, **кротость**, **мждрость**, **милость**, **пакость**, **радость**, **старость**, **твьрдость**, **тихость**, **юность**, **воуксть**, **горксть**, **добаксть**, **тажксть**; **кѣпѣль**, **обитѣль**, **свиръль**, **гьбѣль**, **печаль**; **брань**, **дань**, **болѣзнь**, **богазнь**, **жизнь**, **баснь**, **пѣснь**, сформировавших впоследствии третье склонение современного русского языка, в старославянском языке к этому типу склонения принадлежали и такие существительные мужского рода, как **гвоздь**, **голжь**, **господь**, **звѣрь**, **медвьдѣ**, **ногть**, **огнь**, **тѣсть**, **чрьвь**, **жгль**, впоследствии перешедшие в *ѡ-склонение, ср. современные *гвоздя, голубя, господа, зверя, медведя, ногтя, огня, тестя, червя, угля*.

Некоторые существительные мужского рода *ї-склонения, впрочем, сохранили тип склонения, однако перешли впоследствии в женский род, ср. **степень**, **боль**, **грѣтань**, **дрьколь**.

По образцу существительных мужского рода *ї-склонения изменялось во множественном числе и существительное **людик**, не имеющее форм единственного и двойственного числа.

	единственное число		
	ц.-сл.	ст.-сл.	п.-сл.
И.	пѣтѣ-ь	пѣтѣ-ь	*rōnt ^h -ї-s > -ь
Р.	пѣтѣ-и	пѣтѣ-и	*rōnt ^h -ĕi-s > -ī
Д.	пѣтѣ-и	пѣтѣ-и	*rōnt ^h -ĕi-ī > ī
В.	пѣтѣ-ь	пѣтѣ-ь	*rōnt ^h -ї-m > -īp > -ь
Т.	пѣтѣ-ѣмь	пѣтѣ-ьмь	*rōnt ^h -ї-mī > -ьмь

М.	пѣт-и	пѣт-и	*rǫnt ^h -ĕi > ĭ
З.	пѣт-ь	пѣт-и	*rǫnt ^h -ĕi > ĭ
двойственное число			
И.-В.	пѣт-и	пѣт-и	*rǫnt ^h -ĭ-ø >
Р.-М.	пѣт-ію	пѣт-ію	*rǫnt ^h -ĕi-ūs > -ĭjū
Д.-Т.	пѣт-ьма	пѣт-ьма	*rǫnt ^h -ĭ-mās > -ьmā
множественное число			
И.	пѣт-іє	пѣт-иє	*rǫnt ^h -ĕi-ēs > -ĭjě
Р.	пѣт-іи/-ей	пѣт-и	*rǫnt ^h -ĕi-ōn > -ĕiōn > -ĕiūn > -ĭjь
Д.	пѣт-ьмъ	пѣт-ьмъ	*rǫnt ^h -ĭ-mūs > -ьмъ
В.	пѣт-и	пѣт-и	*rǫnt ^h -ĭ-ns > -ĭns > -ĭ
Т.	пѣт-ьми	пѣт-ьми	*rǫnt ^h -ĭ-mīs > -ьmī
М.	пѣт-ьхъ	пѣт-ьхъ	*rǫnt ^h -ĭ-sū > -ьхъ

единственное число

	ц.-сл.	ст.-сл.	п.-сл.
И.	зѣповѣд-ь	зѣповѣд-ь	*-ĭ-s > -ь
Р.	зѣповѣд-и	зѣповѣд-и	*-ĕi-s > -ĭī > -ĭ
Д.	зѣповѣд-и	зѣповѣд-и	*-ĕi-ī > ĭ
В.	зѣповѣд-ь	зѣповѣд-ь	*-ĭ-m > -ĭn > -ь
Т.	зѣповѣд-ію	зѣповѣд-иѣ	*-ĭ-īam > -ĭiōn > ĭjō

М.	зѣповѣд-и	зѣповѣд-и	*-ĕi > ĭ
З.	зѣповѣд-є	зѣповѣд-и	*-ĕi > ĭ

двойственное число

И.-В.	зѣповѣд-и	зѣповѣд-и	*-ĭ-ø >
Р.-М.	зѣповѣд-ію	зѣповѣд-ію	*-ĕi-ūs > -ĭjū
		зѣповѣд-ью	
Д.-Т.	зѣповѣд-ьма	зѣповѣд-ьма	*-ĭ-mās > -ьmā
	зѣповѣд-ьма		

множественное число

И.	зѣповѣд-и	зѣповѣд-и	*-ĕi-ns > -ĭ
Р.	зѣповѣд-ей	зѣповѣд-и	*-ĕi-ōn > -ĕiōn > -ĕiūn > -ĭjь
		зѣповѣд-ьи	
Д.	зѣповѣд-ьмъ	зѣповѣд-ьмъ	*-ĭ-mūs > -ьмъ
В.	зѣповѣд-и	зѣповѣд-и	*-ĭ-ns > -ĭns > -ĭ
Т.	зѣповѣд-ьми	зѣповѣд-ьми	*-ĭ-mīs > -ьmī
М.	зѣповѣд-ьхъ	зѣповѣд-ьхъ	*-ĭ-sū > -ьхъ

Сверхкраткий звук [ъ] в положении перед звуком [j] переходил в сверхкраткий звук [ĭ], так что в старославянском языке сочетания букв ѣи и ии произносились одинаково, поэтому в старославянских

текстах наряду с формами типа **гостнѣ, гостни** можно встретить формы типа **гостъе, гостъи**.

Поскольку в церковнославянском языке сверхкраткие звуки [ъ] и [ї] в сильной позиции перешли в звук [е], звук [ѡ] перешел в звук [у], а конечное [mʲ] в творительном падеже единственного числа отвердело, на месте старославянских форм типа **пжтьмь, пжтни, пжтьхъ, заповѣдма** появились церковнославянские формы типа **пѣтѣмъ, пѣтѣй, пѣтѣмъ, пѣтѣхъ, заповѣдема**.

По аналогии с существительными *ā-склонения церковнославянский язык образует звательную форму существительных женского рода *ī-склонения с помощью окончания –**ѣ** (**заповѣдѣ**), а не окончания –**и**, как старославянский язык (**заповѣди**). У существительных мужского рода в церковнославянском языке форма (**пѣти**) вытеснена формой именительного падежа (**пѣть**)¹⁷⁹.

Склонение существительных с праславянской основой на согласный

К этому типу склонения в старославянском языке относились многочисленные существительные всех трех родов – мужского (**камы** ‘камень’, **пламы** ‘пламя’), женского (**мати** ‘мать’, **дѣци** ‘дочь’) и среднего (**слово, тѣло, вѣрѣма, имя, отрочѣ** ‘ребенок’, **телѣ** ‘теленки’ и т. д.).

В основном по этому типу склонялось слово **днь** ‘день’. Во множественном числе по «согласному» склонению изменялись существительные типа **оучитель, самаритинъ, мытарь** ‘сборщик налогов’, которые в единственном числе изменялись по *ō-склонению.

	единственное число		
	ц.-сл.	ст.-сл.	п.-сл.
И.	ка́мень	камы	*ākmōn-s > kām̄y
Р.	ка́менѣ	каменѣ	*ākmĕn-ĕs > -ĕ
Д.	ка́мени	камени	*ākmĕn-ī

¹⁷⁹ В грамматике Алипия звательный падеж соответствующей парадигмы выглядит буквально как **пѣть (и)**, см. [Ильи́н 1991: 51]. В современных учебниках церковнославянского языка отмечается, что «древнее окончание звательного падежа –**и** сохраняет только слово **господѣ: господи**» [Воробьева 2008: 71].

В.	КА́МЕНЬ	КАМЕНЬ	*ākmĕn-ŋ ₁ > -ĭm > -ĭn > -ь ¹⁸⁰
Т.	КА́МЕН-ЕМЪ	КАМЕНЬМЬ	*ākmĕn-ŋ ₁ ĭs > -ĭmĭs > -ьмь
М.	КА́МЕН-И	КАМЕН-Е	*ākmĕn-ĕs > -ĕ
		двойственное число	
И.-В.	КА́МЕН-И	КАМЕН-И	*ākmĕn-ī
Р.-М.	КА́МЕН-Ъ	КАМЕН-ОУ	*ākmĕn-ōus > -ū
Д.-Т.	КА́МЕН-ЬМА КА́МЕН-ЕМА	КАМЕНЬМА	*ākmĕn-ŋ ₁ ās > -ĭmās > -ьмā
		множественное число	
И.	КА́МЕН-И	КАМЕН-Е	*ākmĕn-ĕs > -ĕ
	КА́МЕН-ІА	КАМЕН-ИЕ	*ākmĕn-ĕi-ĕs > -ĭjĕ
Р.	КА́МЕН-ІИ	КАМЕН-Ъ	*ākmĕn-ōn > ōn > -ŭn > -ъ
Д.	КА́МЕН-ЕМЪ	КАМЕНЬМЪ	*ākmĕn-ŋ ₁ ūs > -ĭmūs > -ьмъ
В.	КА́МЕН-И	КАМЕН-И	*ākmĕn-ŋ ₁ s > -ĭns > -ĭns > -ī
Т.	КА́МЕН-ЬМИ	КАМЕНЬМИ	*ākmĕn-ŋ ₁ īs > ĭmīs > -ьмī
М.	КА́МЕН-ЕХЪ	КАМЕНЬХЪ	*ākmĕn-i-sū > -ьхъ
		единственное число	
	ц.-сл.	ст.-сл.	п.-сл.
И.	МА́ТИ	МАТИ	*mātĕr-ø
Р.	МА́ТЕР-Е	МАТЕР-Е	*mātĕr-ĕs > -ĕ
Д.	МА́ТЕР-И	МАТЕР-И	*mātĕr-ī
В.	МА́ТЕР-Ь	МАТЕРЬ	*mātĕr-ŋ ₁ > -ĭm > -ĭn > -ь
Т.	МА́ТЕР-ІЮ	МАТЕР-ИЯ	*mātĕr-i-jān > -ĭjā
М.	МА́ТЕР-И	МАТЕР-И	*mātĕr-ī
		двойственное число	
И.-В.	МА́ТЕР-И	*МАТЕР-И ¹⁸¹	*mātĕr-ī
Р.-М.	МА́ТЕР-ІЮ	*МАТЕР-ОУ	*mātĕr-ōus > -ū
Д.-Т.	МА́ТЕР-ЕМА	*МАТЕРЬМА	*mātĕr-ŋ ₁ ās > -ĭmās > -ьмā

множественное число

¹⁸⁰ Ср.: «Винительный падеж единственного числа у имен, различавших именительный и винительный падежи (т.е. мужского и женского рода), характеризовался показателем *ŋ* еще на общеиндоевропейской почве (мы имеем дело в данном случае со слоговой ступенью сонанта непосредственно в положении после согласного в собственном смысле слова). Этот показатель фонетически должен был дать *-m* с последующей утратой конечного *-m* после краткого гласного и являются формы типа ст.-сл. *камень*, *матер* и т.д. <...> Конечно, эти формы могли явиться и в результате воздействия склонения с основой на *-i*, которые согласные основы рано подвергаются: **-im* и **-m* должны дать один и тот же результат [Кузнецов 2006: 28].

¹⁸¹ Поскольку в памятниках старославянского языка существительные с основой на **-tĕr* (*мати* и *дѣци*) зафиксированы только в формах единственного и множественного числа, приводимые формы двойственного числа являются восстановленными.

И.	МАТЕР-И	МАТЕР-И	*mätēr-ŋ ₁ s > -īns > -īns > -ī
		МАТЕР-Е	*mätēr-ēs > -ě
Р.	МАТЕР-ИЙ МАТЕР-ЕЙ	МАТЕР-Ъ	*mätēr-ōn > ōn > -ŷn > -ъ
Д.	МАТЕР-ЕМЪ	МАТЕР-ЬМЪ	*mätēr-ŋ ₁ ŷs > -īmŷs > -ьмъ
В.	МАТЕР-И МАТЕР-ЕЙ	МАТЕР-И	*mätēr-ŋ ₁ s > -īns > -īns > -ī
Т.	МАТЕР-ЬМИ	МАТЕР-ЬМИ	*mätēr-ŋ ₁ īs > īmīs > -ьмī
М.	МАТЕР-ЕХЪ	МАТЕР-ЬХЪ	*mätēr-ī-sŷ > -ьхъ

		единственное число	
	ц.-сл.	ст.-сл.	п.-сл.
И.	НЕБО	НЕБО	*nĕb ^h ōs > nĕbō
Р.	НЕБЕС-Ě	НЕБЕС-Е	*nĕb ^h ēs-ēs > -ě
Д.	НЕБЕС-И	НЕБЕС-И	*nĕb ^h ēs-ī
В.	НЕБО	НЕБО	*nĕb ^h ōs > nĕbō
Т.	НЕБЕС-ЕМЪ	НЕБЕС-ЬМЪ	*nĕb ^h ēs-ŋ ₁ īs > -īmīs > -ьмъ
М.	НЕБЕС-И	НЕБЕС-Е	*nĕb ^h ēs-ēs > -ě
		двойственное число	
И.-В.	НЕБЕС-И	НЕБЕС-Ѣ	*nĕb ^h ēs-ī
Р.-М.	НЕБЕС-Ѹ	НЕБЕС-ОУ	*nĕb ^h ēs-ōŷs > -ū
Д.-Т.	НЕБЕС-ЕМА	НЕБЕС-ЬМА	*nĕb ^h ēs-ŋ ₁ ās > -īmās > -ьмā
		множественное число	
И.	НЕБЕС-А	НЕБЕС-А	*nĕb ^h ēs-ā
Р.	НЕБЕС-Ъ	НЕБЕС-Ъ	*nĕb ^h ēs-ōn > -ōn > -ŷn > -ъ
Д.	НЕБЕС-ЕМЪ	НЕБЕС-ЬМЪ	*nĕb ^h ēs-ŋ ₁ ŷs > -īmŷs > -ьмъ
В.	НЕБЕС-А	НЕБЕС-А	*nĕb ^h ēs-ā
Т.	НЕБЕС-Ы	НЕБЕС-Ы	*nĕb ^h ēs-ŋ ₁ īs > -ŷ
М.	НЕБЕС-ЬХЪ	НЕБЕС-ЬХЪ	*nĕb ^h ēs-ī-sŷ > -ьхъ

Часть различий между старославянскими и церковнославянскими парадигмами можно объяснить фонетическими изменениями, прошедшими в истории русского языка (ц.-сл. **ИМЕНЕМЪ** на месте ст.-сл. **ИМЕНЬМЪ**, ц.-сл. **ДЕНЬ** на месте ст.-сл. **ДНЬ**, ц.-сл. **МАТЕРІЮ** на месте ст.-сл. **МАТЕРИЪ** и т. д.). Тем не менее есть и другие важные различия.

В местный падеж единственного числа проникло окончание **-и**, вытеснив исконное окончание **-е** (на **НЕБЕСИ** на месте древнего **НА НЕБЕСЕ**), в местный падеж множественного числа существительных среднего рода – окончание **-ѣхъ** (на **НЕБЕСѣхъ** на месте прежнего **НА НЕБЕСЬХЪ**), а в именительный-винительный падеж двойственного числа – окончание **-и** (**ИМЕНИ** на месте прежнего **ИМЕНѢ**).

Некоторые церковнославянские окончания этого типа склонения появились по аналогии с окончаниями других типов склонения (ц.-сл. **КАМѢНІЙ** на месте ст.-сл. **КАМЕНЪ**; ц.-сл. **ТЕЛАТЪМА** на месте ст.-сл. **ТЕЛАТЬМА**; ц.-сл. **ИМЕНѠМЪ** на месте ст.-сл. **ИМЕНЬМЪ**).

У существительных типа **КАМЫ**, **ПЛАМЫ** в именительный падеж единственного числа проникла форма винительного падежа (**КАМѢНЬ**, **ПЛАМѢНЬ**).

В старославянском языке вместо форм множественного числа типа **КАМЕНЕ**, **КОРЕНЕ** употреблялись, как правило, собирательные существительные среднего рода типа **КАМЕНІЕ**, **КОРЕНІЕ** (в церковнославянском языке соответственно – **КАМѢНІА**, **КОРЕНІА**).

Обратите внимание на то, что с помощью использования разных вариантов написания буквы *есть* (**ѣ** и **є**) в церковнославянском языке различаются одинаково звучащие падежи (**КАМѢНЕМЪ** — творительный падеж единственного числа, **КАМѢНЕМЪ** – дательный множественного; **КАМѢНИ** – дательный и местный падежи единственного числа, **КАМѢНИ** – именительный-винительный двойственного, именительный и винительный множественного).

Существительные **ОКО** и **ОУХО** в старославянском и церковнославянском языках в единственном и множественном числе могут склоняться не только по типу **НЕБО**, но и по типу **СЕЛО** (**ВЪ ОЧЕСЕ** – **ВЪ ОЦѢ**, **ОЧЕСЬМЪ** – **ОКОМЪ**). В двойственном числе эти слова изменяются по *ĭ-склонению:

	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.
И.-В.	ОЧ-И	ЌЧ-И	ОУШ-И	ЌУШ-И
Р.-М.	ОЧ-ИЮ	ЌЧ-ІЮ	ОУШ-НИЮ	ЌУШ-ІЮ
Д.-Т.	ОЧ-ИМА	ЌЧ-ИМА	ОУШ-ИМА	ЌУШ-ІМА

Склонение существительных с праславянскими основами на -ĭ-

По этому типу в старославянском языке склонялись немногочисленные существительные женского рода типа **БУКЪТЫ** ‘буква’, **КРЪТЫ** ‘кровь’, **СВЕКЪТЫ** ‘свекровь’, **ЛЮБЪТЫ** ‘любовь’, **ЦРЬКЪТЫ** ‘церковь’ и т. д.

Поскольку во всех падежах, кроме именительного ед. числа, тематический -ĭ- распался на сочетание -йц-, которое впоследствии дало -ѣv-, получился тип склонения, весьма похожий на склонение с основой на согласный звук¹⁸².

¹⁸² Историками чешского языка данный тип склонения, как правило, и рассматривается в качестве разновидности «склонения существительных с основой на согласный» (на -v-), тем более, что у подобных существительных в позицию именительного падежа ед. числа очень рано проникла форма падежа винительного, так что

		единственное число	
	ц.-сл.	ст.-сл.	п.-сл.
И.	свекрѣи	свекрѣи	*sǫěkr-ŭ-s > svěkrŭ
Р.	свекрѣв-ѣ	свекрѣв-ѣ	*sǫěkr-ŭ-čs > -č
Д.	свекрѣв-и	свекрѣв-и	*sǫěkr-ŭ-ī > -ī
В.	свекрѣв-ь	свекрѣв-ь	*sǫěkr-ŭ-m ₁ > -im > -in > -ь
Т.	свекрѣв-ю	свекрѣв-иѣ свекрѣв-ьѣ	*sǫěkr-ŭ-iān > -ijō
М.	свекрѣв-и	свекрѣв-ѣ	*sǫěkr-ŭ-čs > -č
двойственное число			
И.-В.	свекрѣв-и	свекрѣв-и	*sǫěkr-ŭ-ī
Р.-М.	свекрѣв-ю	свекрѣв-оу	*sǫěkr-ŭ-ōus > -ū
Д.-Т.	свекрѣв-ама	свекрѣв-ама	*sǫěkr-ŭ-āmās > -āmā
множественное число			
И.	свекрѣв-и	свекрѣв-и	*sǫěkr-ŭ-ŋ ₁ s > -ins > -in > -ī
Р.	свекрѣв-ей	свекрѣв-ь	*sǫěkr-ŭ-ōn > ōn > -ūn > -ь
Д.	свекрѣв-амъ	свекрѣв-амъ	*sǫěkr-ŭ-ā-mūs > -āmъ
В.	свекрѣв-и свекрѣв-ей	свекрѣв-и	*sǫěkr-ŭ-ŋ ₁ s > -ins > -in > -ī
Т.	свекрѣв-ами	свекрѣв-ами	*sǫěkr-ŭ-ā-mīs > -āmī
М.	свекрѣв-ахъ	свекрѣв-ахъ	*sǫěkr-ŭ-ā-sū > -āхъ

В единственном числе подобные существительные склоняются в старославянском языке по типу **мати**, а во множественном их окончания более напоминают склонение существительных типа **жена**.

В церковнославянском языке у некоторых существительных этого типа прежняя форма винительного падежа стала употребляться и в качестве именительного падежа (ст.-сл. **црѣкы** – ц.-сл. **цѣрковь**).

Обратите внимание на то, что с помощью букв **о** и **ѡ**, а также букв **ѣ** и **ѥ** различаются одинаково звучащие падежи (**свекрѣви**, **цѣркви** – дательный и местный падежи единственного числа; **свекрѣви**, **цѣркви** – именительный-винительный падеж двойственного числа, именительный и винительный падежи множественного числа).

Существительные типа **камѣ** иногда имеют в именительном падеже множественного числа формы на **к**: **каменик**, **кореник**. Эти формы могли явиться результатом влияния склонения существи-

получилась основа на -v- (<*-[ŭ]ŭ-) **во всех** падежах данной парадигмы, ср. [Gebauer 1960].

тельных типа **гость**, но могут рассматриваться как собирательные существительные.

Особого упоминания заслуживает словоизменение существительного **дѣнь**, которое представлено в старославянских текстах с окончаниями склонения, свободно варьирующимися с окончаниями *ī-склонения. Нет единообразия в словоизменении этого существительного и в церковнославянских текстах, ср:

	ст.-сл.	ц.-сл.
	единственное число	
И.	дѣнь-ь	дѣн-ь
Р.	дѣнь-є, дѣнь-и	дн-ѣ
Д.	дѣнь-и	дн-и, дн-ѣви
В.	дѣнь-ь	дѣн-ь
Т.	дѣнь-ь.мъ	дн-ѣ.мъ
М.	дѣнь-є, дѣнь-и	дн-и
	двойственное число	
И.-В.	дѣнь-и	дн-й
Р.-М.	дѣнь-оу, дѣнь-ию	дн-ию, дн-ю
Д.-Т.	дѣнь-ь.ма	дѣн-ь.мӑ
	множественное число	
И.	дѣнь-є, дѣнь-и, дѣнь-иѣ	дн-й, дн-ѣ
Р.	дѣнь-ь, дѣнь-ии	дн-й, дн-ѣй
Д.	дѣнь-ь.мъ	дн-ѣ.мъ
В.	дѣнь-и	дн-й
Т.	дѣнь-ь.ми	дѣн-ь.ми
М.	дѣнь-ьхъ	дн-ѣхъ

Процессы объединения разных типов склонения в языке старославянских памятников

Унаследованная из раннего праславянского система склонения имен существительных к началу эпохи старославянского языка уже находилась в состоянии распада, о чем свидетельствует, в частности, количественная неравномерность различных типов склонения.

Многочисленными были, собственно, лишь два типа склонения: *ā-склонение и *ō-склонение.

Немалую группу представляли собой также существительные женского рода *ī-склонения, однако существительных мужского рода в этом типе склонения было крайне мало.

Единичными существительными представлены *ŷ-склонение и *ŷ̄-склонение.

Особенно «непрочным» было склонение с древней основой на согласный: сюда относились существительные всех трех родов, самой разной словообразовательной структуры и семантики, причем общее их количество было крайне невелико.

Отражение в старославянских памятниках процессов перераспределения падежных окончаний детально рассматривается в [Горшков 1963: 131-135].

ГЛАГОЛ

Глагольные формы в старославянском языке могли образовываться от *основы настоящего времени* и от *основы инфинитива*. От основы настоящего времени образовывались формы *настоящего времени, повелительного наклонения, причастий настоящего времени*, а от основы инфинитива – формы *супина, аориста, имперфекта, причастий прошедшего времени*.

Основа настоящего времени – это то, что останется от формы третьего лица множественного числа настоящего времени, если отбросить личное окончание (**нес-жтъ, пиш-жтъ**).

Основу инфинитива обычно определяют, отбрасывая от формы инфинитива формообразующий суффикс **-ти** (**нес-ти, пьса-ти, зъва-ти**), однако у некоторых глаголов типа **вести, реци** (как мы помним, в старославянском языке **ци** и **шт** обозначали одно и то же – сочетание звуков [štʰ]) сочетания [štʰ] и [st] могли возникнуть на месте праславянских сочетаний *-kt-, *-gt-, *-dt- и *-tt- (*pěk-těj → **пещи**, *mŏg-těj → **моци**, *věd-těj → **вести**, *plět-těj → **плести**), поэтому для того, чтобы правильно определить конечный согласный основы инфинитива у глаголов на **-сти, -ци (-шти)**, приходится обращаться к *формам настоящего времени*. Например:

инфинитив	3 лицо мн. числа	основа инфинитива
нести	несжтъ	нес-
вести	веджтъ	вед-
мести	метжтъ	мет-
реци	режжтъ	рек-
моци	можжтъ	мог-

Основа настоящего времени и основа инфинитива иногда совпадают (**нес-ти, нес-жтъ**), но могут и не совпадать (**пиш-жтъ, пьса-ти; зов-жтъ, зъва-ти**).

Настоящее время

Большинство глаголов в старославянском и церковнославянском языках образовывали формы настоящего времени по первому или по второму спряжению. Речь идет о так называемых **тематических** глаголах, у которых когда-то личные окончания присоединялись непосредственно к глагольной основе (как у глаголов **быти, дати, асти, имѣти** и **вѣдѣти** – так называемых **нетематических** глаголов), а с помощью тематического гласного **-ѡ/-ѣ-** (первое спряжение) или **-ї-** (второе спряжение), ср.:

I спряжение		II спряжение	
ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.
нести	нести	любити	любити
ед. число			
1. несѣ	несѹ	любѣѡ	любѣю
2. несѣши	несѣши	любиши	любиши
3. несетѣ	несетѣ	любитѣ	любитѣ
дв. число			
1. несевѣ	несѣва несѣвѣ	любивѣ	любива любивѣ
2. несета	несѣта несѣтѣ	любита	любита любитѣ
3. несете	несѣта несѣтѣ	любите	любита любитѣ
мн. число			
1. несемѣ	несѣмѣ	любимѣ	любимѣ
2. несете	несѣте	любите	любите
3. несѣтъ	несѣтъ	любѣтъ	любѣтъ

В церковнославянском языке глагольные формы двойственного числа стали различаться по роду (**несѣва**, **несѣта** – мужской род, **несѣвѣ**, **несѣтѣ** – женский и средний род), но перестали различать второе и третье лицо.

Глаголы **быти**, **дати**, **имѣти** и **вѣдѣти** имеют особенности в образовании форм настоящего времени (глаголы **дати** и **имѣти** спрягаются как **вѣдѣти**):

ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.
быти	быти	вѣдѣти	вѣдати	имѣти	имѣти
ед. число					
1. къмь	ѣсмь	вѣмь	вѣмь	имамь	имамь
2. къси	ѣси	вѣси	вѣси	имаши	имаша
3. кътъ	ѣсть	вѣстъ	вѣстъ	иматъ	иматъ

ДВ. ЧИСЛО

1.	кѡвѣ	ѣсвѣ	вѣвѣ	вѣва	имаѣ	ѣмава
		ѣсвѣ		вѣвѣ		ѣмаѣ
2.	кѡта	ѣста	вѣста	вѣста	имата	ѣмата
		ѣстѣ		вѣстѣ		ѣматѣ
3.	кѡтѣ	ѣста	вѣстѣ	вѣста	иматѣ	ѣмата
		ѣстѣ		вѣстѣ		ѣматѣ

МН. ЧИСЛО

1.	кѡмѣ	ѣсмѣ	вѣмѣ	вѣмы	имамѣ	ѣмамы
2.	кѡтѣ	ѣстѣ	вѣстѣ	вѣстѣ	иматѣ	ѣматѣ
3.	сѣтъ	сѣтъ	вѣдатѣ	вѣдатѣ	имѣтъ	ѣмѣтъ

В церковнославянском языке первое лицо множественного числа нетематических глаголов образуется с помощью окончания **-ы** (**ѣсмѣ, вѣмѣ**), а не **-ъ**, как в старославянском (**кѡмѣ, вѣмѣ**). Кроме того, у глаголов **дѣти, ѣсти, вѣдати** и **ѣмати** в первом лице единственного числа конечный [m'] отвердел, поэтому на месте старославянских форм **дамѣ, гамѣ, вѣмѣ** и **имамѣ** в церковнославянском языке мы обнаруживаем формы **дѣмѣ, ѣмѣ, вѣмѣ, ѣмамѣ**.

Помимо обычных для носителя русского языка чередований типа **сыпати–сыплѣ, любити–люблѣ, ловити–ловлѣ, дремати–дремлѣ, страдати–страждѣ, трепетати–трепещѣ, носити–ношлѣ, возити–вожлѣ, алкати–алчлѣ, искати–ищлѣ, вѣзвѣстити–вѣзвѣщлѣ, оумрътвити–оумръшвлѣ** старославянском и церковнославянском языках встречаются также чередования типа **сѣблазнити–сѣблажнѣ, мыслити–мышлѣ**.

В существующих грамматических описаниях старославянского языка, помимо деления глаголов на тематические (первого спряжения + второго спряжения) и нетематические, существуют также следующая классификация глаголов по пяти типам (классам) в зависимости от вида **основы настоящего времени** в праславянском и старославянском языках – так называемая классификация А. Лескина:

I тип (класс): праславянские основы на **-ǫ/-ǣ-**, соответствующие старославянским основам на твердый корневой согласный и представленные в глаголах I спряжения типа **нес-жтъ, вѣд-жтъ, пек-жтъ**.

II тип (класс): праславянские основы на **-nǫ/-nǣ-**, соответствующие старославянским основам на суффиксальный **-н-** и

представленные в глаголах I спряжения типа **двиг-н-ѡтъ**, **сѡх-н-ѡтъ**, **ми-н-ѡтъ**.

III тип (класс): праславянские основы на -jǫ/-jě-, соответствующие старославянским основам на j (либо возникший из сочетания с j мягкий согласный) и представленные в глаголах I спряжения типа **ви-ѡтъ** [bĭj-ǫtĭ], **зна-ѡтъ** [znāj-ǫtĭ], **вѡж-ѡтъ** [vęž'-ǫtĭ].

IV тип (класс): праславянские основы на -ī-, представленные в глаголах II спряжения типа **лет-ѡтъ**, **ход-ѡтъ**, **сто-ѡтъ**.

V тип (класс): праславянские нетематические основы, представленные в старославянских нетематических глаголах **бѡти**, **дати**, **ѡсти**, **вѣдѣти**, **имѣти**, см. [Лескинъ 1915], [Селищев 1952: 150-152], [Хабургаев 1986: 184], [Ремнёва 2004: 231-233, 239-242].

Происхождение форм настоящего времени

В раннем праславянском языке, как и в языке праиндоевропейском, личные глагольные формы образовывались с помощью двух наборов окончаний – так называемых «первичных» окончаний и «вторичных»¹⁸³.

«Первичные» окончания использовались для образования форм настоящего времени, «вторичные» – форм аориста, имперфекта и повелительного зклонения.

	Первичные окончания	Вторичные окончания
1 ед.ч.	-ōm / -mĭ	-m
2 ед.ч.	-sĭ / sĭi	-s
3 ед.ч.	-tĭ	-t
1 дв.ч.	-vĕ	-vĕ
2. дв.ч.	-tā	-tā
3. дв.ч.	-tĕ	-tĕ
1. мн.ч.	-mōs	-mōs
2. мн.ч.	-tĕ ¹⁸⁴	-tĕ

¹⁸³ Окончания презенса со времен Боппа принято называть «первичными», а аориста – «вторичными», исходя из впоследствии опровергнутого мнения, что окончания презенса древнее окончаний аориста. К тому времени, когда было выяснено обратное, эти термины уже настолько прочно вошли в обиход, что их, во избежание путаницы, продолжают употреблять. Об условности данных терминов напоминают кавычки, ср. [Савченко 2010: 259-260].

¹⁸⁴ По мнению С.А. Бурлак и С.А. Старостина, которые основываются на соответствии др.-инд. -th- ~ греч. -т-, «что указывает либо на глухой придыхательный

3. мн.ч.

-ntī

-nt

I спряжение

ст.-сл.	
несѣти	*něs-těj > -tī
	ед. число
1. несѣж	*něs-ə-ōm > -ō
2. несѣши	*něs-ě-sī > -ěšī > -ěšī
3. несѣтъ	*něs-ě-tī > -ěть > -ěть
	дв. число
1. несѣвѣ	*něs-ě-vē > -ěvā
2. несѣта	*něs-ě-tā
3. несѣте	*něs-ě-tě
	мн. число
1. несѣмъ	*něs-ě-mōs > -mūs > -мъ
2. несѣте	*něs-ě-tě
3. несѣтъ	*něs-ě-ntī > -ōть > -ōть

II спряжение

ст.-сл.	
любити	*leub-ī-těj
	ед. число
люблѣж	*leub-ī-ōm
любиши	*leub-ī-sī
любитъ	*leub-ī-tī
	дв. число
любивѣ	*leub-ī- vē
любита	*leub-ī- tā
любите	*leub-ī- tě
	мн. число
любимъ	*leub-ī-mōs
любите	*leub-ī-tě
любятъ	*leub-ī-ntī

В современном русском языке формы настоящего времени и формы простого будущего времени образуются с помощью одних и тех же окончаний: *настоящее* время образуется от глаголов *несовершенного* вида, а *простое будущее* – от глаголов *совершенного* вида, например:

ид-у, ид-ешь, ид-ет, ид-ем, ид-ете, ид-ут

пойд-у, пойд-ешь, пойд-ет, пойд-ем, пойд-ете, пойд-ут.

В современном русском языке формы несовершенного вида могут обозначать действие, протекающее не только в настоящем времени (*я еду с работы*), но и в будущем (*завтра я еду на дачу*). В старославянском языке формы глаголов и совершенного, и несовершенного видов могли передавать действие и в настоящем, и в будущем (временное значение было понятно из контекста), хотя глаголы несовершенного вида чаще употреблялись для передачи действия в настоящем, а глаголы совершенного вида – действия в будущем.

Особую (то есть отличную от формы настоящего времени) форму будущего времени имел только глагол **бѣгѣти**:

согласный, либо на сочетание глухого согласного с ларингалом», и.-е. окончание 2 лица мн. числа выглядело как -the, см. [Бурлак, Старостин 2005: 233].

	СТ.-СЛ.	Ц.-СЛ.	СТ.-СЛ.	Ц.-СЛ.	СТ.-СЛ.	Ц.-СЛ.
	ЕД. ЧИСЛО		ДВ. ЧИСЛО		МН. ЧИСЛО	
1.	БЖДЖ	БЖДЪ	БЖДЕВЪ	БЖДЕВА, -Ъ	БЖДЕМЪ	БЖДЕМЪ
2.	БЖДЕШИ	БЖДЕШИ	БЖДЕТА	БЖДЕТА, -Ъ	БЖДЕТЕ	БЖДЕТЕ
3.	БЖДЖТЪ	БЖДЕТЪ	БЖДЕТЕ	БЖДЕТА, -Ъ	БЖДЖТЪ	БЖДЪТЪ

В современном русском языке сложное будущее время образуется с помощью конструкций типа *буду читать*. В старославянском языке сложное будущее время также образовывалось с помощью сочетания инфинитива смыслового глагола и изменяемой формы вспомогательного глагола, однако не глагола **БЪТИ**, а глаголов **НАЧАТИ**, **ХОТѢТИ**, **ИМѢТИ**, например: **азъ начьнѣ** (**хощѣнѣ**, **имамь**) **хвалити**, **ты начьнеши** (**хощеши**, **имаши**) **хвалити**; ц.-сл. **ѣзъ начнѣ** (**хощѣ**, **ѣмамъ**) **хвалѣти**, **ты начнеши** (**хощеши**, **ѣмаши**) **хвалѣти** и т. д.

Формы же **БЖДЖ**, **БЖДЕШИ**, ... в сочетании с несклоняемым кратким эловым причастием смыслового глагола (**БЖДЖ ПИЛЪ**; **БЖДЕШИ ПИЛЪ**; **БЖДЕТЪ ПИЛЪ** и т. д.) использовались в старославянском языке для образования так называемого *второго сложного будущего*, обозначающее действие в будущем, которое может произойти перед каким-либо другим действием в будущем (сравните лат. *futurum exactum*).

Аорист

Аорист обозначал однократное действие в прошлом, непосредственно не соотносимое (в отличие от перфекта) с настоящим. В старославянских текстах встречаются три типа аориста: *простой* или *асигматический* (**могъ**, **идъ**), *нетематический* (*старый*) *сигматический* (**знахъ**, **рѣхъ**, **вѣсць**) и *тематический* (*новый*) *сигматический* (**рекохъ**, **ведохъ**):

	идъ	знати	речи		вести	
	единственное число					
	асигм.	ст. сигм.	ст. сигм.	н. сигм.	ст. сигм.	н. сигм.
1.	идъ	знахъ	рѣхъ	рекохъ	вѣсць	ведохъ
2.	иде	зна	рече	рече	веде	веде
3.	иде	зна	рече	рече	веде	веде
	двойственное число					
1.	идовѣ	знаховѣ	рѣховѣ	рекоховѣ	вѣсовѣ	ведоховѣ
2.	идета	знаста	рѣста	рекоста	вѣста	ведоста
3.	идете	знасте	рѣсте	рекосте	вѣсте	ведосте

		множественное число				
1.	идомъ	знахомъ	рѣхомъ	рекохомъ	вѣсомъ	ведохомъ
2.	идете	знасте	рѣсте	рекосте	вѣсте	ведосте
3.	идж	знаша	рѣша	рекоша	вѣса	ведоша

Формы *простого аориста* очень рано были вытеснены формами *сигматического аориста*, поэтому в церковнославянских текстах форм простого аориста нет, а в старославянских текстах формы типа **падъ < пасти**, **двигъ < двигнѣти**, **оусъпъ < оусънѣти** встречаются крайне редко.

Сигматическими называются такие формы аориста, которые в раннем праславянском языке образовывались с участием суффикса -s¹⁸⁵. Этот звук в праславянском языке при определенных условиях мог переходить в звук [x], который, в свою очередь, мог чередоваться со звуком [š'] (**рѣсте–рѣхъ–рѣша**).

В праславянском языке при образовании форм нетематического сигматического аориста «сигматический» суффикс присоединялся непосредственно к основе инфинитива (сравните ст.-сл. **знахъ, рѣхъ**), при этом у глаголов с праславянской основой на согласный типа *rĕk-tĕj, *plĕt-tĕj, *vĕd-tĕj, *nĕs-tĕj, *bŏd-tĕj (в старославянском языке соответственно **реци, плести, вести, нести, бости**) происходило продление корневых гласных¹⁸⁶ [ĕ] > [ĕ̄] и [ŏ] > [ŏ̄] (а в старославянском языке, соответственно, возникало чередование **е–ѣ** и **о–а** — **реци–рѣхъ, бости–васъ**), а при образовании форм тематического (нового) аориста между «сигматическим» суффиксом и основой появлялся тематический гласный -ŏ- (сравните ст.-сл. **рекохъ, рекосте**).

У глаголов с праславянскими основами инфинитива на согласный формы нетематического (старого) аориста типа **рѣхъ, вѣсъ** постепенно были вытеснены формами тематического (нового) аориста типа **рекохъ, ведохъ**.

У глаголов с инфинитивной основой на гласный под влиянием форм настоящего времени в третьем лице единственного числа аориста могло появляться окончание -гъ, а у глаголов **быти** и **дати** — окончание -стъ (**начатъ** вместо **нача**, **быстъ** и **дастъ** вместо **бы** и **да**).

В церковнославянском языке глаголы с инфинитивной основой на гласный образуют формы *старого сигматического аориста*, а

¹⁸⁵ По названию греческой буквы для обозначения данного звука — ‘сигмы’.

¹⁸⁶ Ср. подобное же продление в формах сигматического аориста в древнеиндийском, см. [Красухин 2004: 103].

глаголы с инфинитивной основой на согласный – формы *нового сигматического аориста*:

	старый		новый		старый		новый	
	ед. число		дв. число		мн. число			
1.	любѣхъ	несоухъ	любѣхова, -ѣ	несохова, -ѣ	любѣхомъ	несохомъ		
2.	любѣи	несѣ	любѣста, -ѣ	несоста, -ѣ	любѣсте	несосте		
3.	любѣи	несѣ	любѣста, -ѣ	несоста, -ѣ	любѣша	несоша		

Формы старого сигматического аориста глаголов с инфинитивной основой на согласный встречаются в церковнославянских текстах очень редко, но все же возможны: **сѣ, прѣжде рѣхъ вѣмъ.**

Глагол **вѣгти** образовывал форму аориста от двух основ – **вѣи** и **вѣѣ**, при этом формы типа **вѣхъ**, будучи формами *аориста*, имели значение *имперфекта*.

	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.
	ед. число		дв. число		мн. число	
1.	вѣхъ	вѣхъ	вѣховѣ	вѣхова, -ѣ	вѣхомъ	вѣхомъ
2.	вѣи	вѣи	вѣста	вѣста, -ѣ	вѣсте	вѣсте
	вѣстѣ	вѣстѣ				
3.	вѣи	вѣи	вѣсте	вѣста, -ѣ	вѣша	вѣша
	вѣстѣ	вѣстѣ				

	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.
	ед. число		дв. число		мн. число	
1.	вѣхъ	вѣхъ	вѣховѣ	вѣхова, -ѣ	вѣхомъ	вѣхомъ
2.	вѣѣ	вѣѣ	вѣста	вѣста, -ѣ	вѣсте	вѣсте
3.	вѣѣ	вѣѣ	вѣсте	вѣста, -ѣ	вѣша	вѣша

Происхождение форм простого аориста

ст.-сл.	
пасти	*pād-tēi > *pāstī
	ед. число
1. падъ	*pād-ō-m > -ō-n > -ŭ-n > -ъ
2. паде	*pād-ē-s > -ѣ
3. паде	*pād-ē-t > -ѣ
	дв. число
1. падовѣ	*pād-ō-vē > -ōvā
2. падеѣ	*pād-ē-tā
3. падеѣ	*pād-ē-tē
	мн. число
1. падомъ	*pād-ō-mōs > -mūs > -мъ
2. падеѣ	*pād-ē-tē
3. падеѣ	*pād-ō-nt > -ѣ

Происхождение форм сигматического аориста

старый сигматический	новый сигматический
ст.-сл. рѣци *rĕk-tĕj	
ед. число	
1. рѣхъ *rĕk-s-ō-m	рекохъ *rĕk-ō-s-ō-m
2. рече *rĕk-ĕ-s	рече *rĕk-ĕ-s
3. рече *rĕk-ĕ-t	рече *rĕk-ĕ-t
дв. число	
1. рѣховѣ *rĕk-s-ō-vĕ	рекоховѣ *rĕk-ō-s-ō-vĕ
2. рѣста *rĕk-s-tā	рекоста *rĕk-ō-s-tā
3. рѣсте *rĕk-s-tĕ	рекосте *rĕk-ō-s-tĕ
мн. число	
1. рѣхомъ *rĕk-s-ō-mōs	рекохомъ *rĕk-ō-s-ō-mōs
2. рѣсте *rĕk-s-tĕ	рекосте *rĕk-ō-s-tĕ
3. рѣша *rĕk-s-ŋt	рекоша *rĕk-ō-s-ŋt

И м п е р ф е к т

Формы *имперфекта* в старославянском языке передавали относительно продолжительное действие в прошлом и образовывались от глаголов несовершенного вида с помощью суффиксов **-ахъ**, **-аахъ**, **-ѣахъ**.

Глаголы с инфинитивными основами на **-а-** и **-ѣ-** образовывали форму имперфекта с помощью суффикса **-ах-** (**зна-ти** > **зна-ахъ**, **видѣ-ти** > **видѣ-ахъ**).

Все прочие глаголы образовывали формы имперфекта с помощью суффикса **-ѣах-** или **-аах-**, при этом у глаголов с праславянскими основами на **-k-**, **-g-** (п.-сл. *mōg-tĕj > ст.-сл. **моци**; п.-сл. *rĕk-tĕj > ст.-сл. **пеци**), а также у глаголов второго спряжения перед суффиксом имперфекта происходили обычные чередования типа **пеци-печаахъ**, **моци-можаахъ**, **носити-ношаахъ**, **ходити-ходжаахъ**, **возити-вожаахъ**, **любити-люблаахъ**, **мыслити-мышлаахъ**. У глаголов первого спряжения подобных чередований не было (**нести-несѣахъ**, **вести** < п.-сл. *vĕd-tĕj – **ведѣахъ**, **мести** < п.-сл. *mĕt-tĕj) – **метѣахъ**). После исконно мягких согласных использовался суффикс **-аах-**, после всех остальных – суффикс **-ѣах-**.

Большая часть старославянских глаголов образовывала формы имперфекта от основы инфинитива, тем не менее глаголы с суффиксом **-нж-**, глаголы, чья инфинитивная основа была односложной и оканчивалась на **-ы-**, **-и-**, **-оу-** (**кры-ти**, **ви-ти**, **чоу-ти**), или же

содержала неполногласные сочетания -ра-, -ла-, -лѣ- (врати сѧ – боротья, клати – колоть, млѣти – молоть), а также глагол пѣти образовывали формы имперфекта от основы настоящего времени (пѣти–поахъ, клати–колаахъ, млѣти–мелаахъ, вिति–вилаахъ).

Глагол бѣти образовывал формы имперфекта от основы бѣ-.

Окончания форм имперфекта не зависят от того, от какой основы (основы инфинитива или основы настоящего времени) они образованы.

	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.
	бѣти	быти	знати	знати
		единственное число		
1.	бѣахъ	бѣхъ	знаахъ	знахъ
2.	бѣаше	бѣше	знааше	знаше
3.	бѣаше	бѣше	знааше	знаше
		двойственное число		
1.	бѣаховѣ	бѣхова,–ѣ	знааховѣ	знахова,–ѣ
2.	бѣашета	бѣста,–ѣ	знаашета	знаста,–ѣ
3.	бѣашете	бѣста,–ѣ	знаашете	знаста,–ѣ
		множественное число		
1.	бѣахомъ	бѣхомъ	знаахомъ	знахомъ
2.	бѣашете	бѣсте	знаашете	знасте
3.	бѣахѣ	бѣхѣ	знаахѣ	знахѣ

	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.
	нести	нести	ходити	ходити
		единственное число		
1.	несѣахъ	несѣхъ	ходаахъ	ходахъ
2.	несѣаше	несѣше	ходааше	ходаше
3.	несѣаше	несѣше	ходааше	ходаше
		двойственное число		
1.	несѣаховѣ	несѣхова,–ѣ	ходааховѣ	ходахова,–ѣ
2.	несѣашета	несѣста,–ѣ	ходаашета	ходаста,–ѣ
3.	несѣашете	несѣста,–ѣ	ходаашете	ходаста,–ѣ
		множественное число		
1.	несѣахомъ	несѣхомъ	ходаахомъ	ходахомъ
2.	несѣашете	несѣсте	ходаашете	ходасте
3.	несѣахѣ	несѣхѣ	ходаахѣ	ходахѣ

В церковнославянском языке сочетание -аа- в формах имперфекта стянулось в -а-, а сочетания -ѣа- и -паа- – в -ѣ- (буква ѣ в церковнославянском языке произносится как [’а] или [ja]!) в зависимости от того, какой согласный (твердый или мягкий) этому сочетанию

предшествовал. (Не забывайте о том, что многие исконно мягкие согласные в церковнославянском языке отвердели, поэтому на месте старославянских форм типа **вожаахъ**, **хождаахъ** в церковнославянском языке мы находим формы типа **вожахъ**, **хождахъ**). Под влиянием форм аориста во втором лице множественного числа на месте прежних форм типа **вѣашета**, **вѣашете** появились формы типа **вѣаста**, **вѣасте**.

Происхождение форм имперфекта¹⁸⁷

ст.-сл.	
нѣсти	*nĕs-tĕj̄
	ед. число
1. нѣсѣахъ	*nĕs-ĕāx-ō-m
2. нѣсѣаше	*nĕs-ĕāx-ĕ-s
3. нѣсѣаше	*nĕs-ĕāx-ĕ-t
	дв. число
1. нѣсѣаховѣ	*nĕs-ĕāx-ō-vĕ
2. нѣсѣашета	*nĕs-ĕāx-ĕ-tā
3. нѣсѣашете	*nĕs-ĕāx-ĕ-tĕ
	мн. число
1. нѣсѣахомъ	*nĕs-ĕāx-ō-mōs>-mūs>-mъ
2. нѣсѣашете	*nĕs-ĕāx-ĕ-tĕ
3. нѣсѣахъ	*nĕs-ĕāx-ō-nt > -ŋ

Перфект

Формы перфекта в старославянском языке передавали действие в прошлом, результат которого актуален для момента речи.

Как уже отмечалось, единственный пример синтетического перфекта (с рефлексом праиндоевропейского окончания медиального залога 1 лица ед. числа -ai) – слово **вѣдѣ**, см. [Мейе 2007: 246].

Синтетические формы славянского перфекта еще в дописьменный период были вытеснены формами аналитическими: сочетанием форм настоящего времени вспомогательного глагола **вѣсти** (**къмь**, **къси**, **кътъ** и т. д.) и краткого элового причастия смыслового глагола, которое различало род не только в единственном, но и во множественном числе. В современном русском языке формы типа *пришел*, *принесла* и т. д. являются формами *прошедшего времени*, в старославянском же языке формы типа **пришьаь**, **принесла** были *действительными причастиями*, поэтому сочетания типа **пришьаь къмь**, **пришьаь къси** буквально следует понимать как *я являюсь пришед-*

¹⁸⁷ Рассматриваемые формы имперфекта появились на славянской почве, когда в фонетической системе уже был [x].

шим, ты являешься пришедшим и т. д. (Впрочем, переводить на русский язык формы перфекта, как и все прочие формы, надо, конечно же, в соответствии с нормами современного литературного языка).

ст.-сл.	ц.-сл.
единственное число	
1. сътворилъ, —а, —о ксмь	сотвори́лъ, —а, —о ёсмь
2. сътворилъ, —а, —о кси	сотвори́лъ, —а, —о ёси
3. сътворилъ, —а, —о кстъ	сотвори́лъ, —а, —о ёсть
двойственное число	
1. сътвори́ла, —ѣ ксвѣ	сѡтвори́ла, —и ёсвѣ, —ѣ
2. сътвори́ла, —ѣ кста	сѡтвори́ла, —и ёста, —ѣ
3. сътвори́ла, —ѣ ксте	сѡтвори́ла, —и ёста, —ѣ
множественное число	
1. сътвори́ли, —ы, —а ксмь	сѡтвори́ли ёсмь
2. сътвори́ли, —ы, —а ксте	сѡтвори́ли ёсте
3. сътвори́ли, —ы, —а сжтъ	сѡтвори́ли сѣтъ

Церковнославянский язык перестал различать род элового причастия во множественном числе – во всех трех родах используется одно окончание **-и**. Окончание **-и** появилось, кроме того, и в формах двойственного числа на месте старославянского окончания **-ѣ**.

Плюсквамперфект

Формами плюсквамперфекта в старославянском и церковнославянском языках передается действие в прошлом, предшествующее другому действию в прошлом (*плюсквамперфект* так же соотносился с *аористом* или *имперфектом*, как *перфект* – с *настоящим временем*, а *futurum exactum* – с *будущим временем*). В старославянском языке формы плюсквамперфекта образовывались аналогично формам перфекта или будущего предварительного, только вспомогательный глагол **вѣти** употреблялся в формах не настоящего времени, как при образовании перфекта (**сѣтворилъ ксмь**) и не будущего времени, как при образовании будущего предварительного (**вѣдѣ сѣтворилъ**), а в формах аориста, имперфекта или перфекта (**сѣтворилъ вѣхъ, сѣтворилъ вѣахъ, вѣилъ ксмь сѣтворилъ**). В таблице ниже приводятся формы плюсквамперфекта, образованные с помощью форм *аориста* глагола **вѣти**, в текстах же наряду с формами типа **сѣтворилъ вѣхъ** могут встретиться также формы типа **сѣтворилъ вѣахъ** или типа **вѣилъ ксмь сѣтворилъ**.

СТ.-СЛ.		Ц.-СЛ.
единственное число		
1.	сътворилъ, -а, -о вѣхъ	сотвори́лъ, -а, -о вѣхъ
2.	сътворилъ, -а, -о вѣ	сотвори́лъ, -а, -о вѣ
3.	сътворилъ, -а, -о вѣ	сотвори́лъ, -а, -о вѣ
двойственное число		
1.	сътворила, -ѣ вѣховѣ	сѡтвори́ла, -и вѣхова, -ѣ
2.	сътворила, -ѣ вѣста	сѡтвори́ла, -и вѣста, -ѣ
3.	сътворила, -ѣ вѣсте	сѡтвори́ла, -и вѣста, -ѣ
множественное число		
1.	сътворили, -ы, -а вѣхомъ	сотвори́ли вѣхомъ
2.	сътворили, -ы, -а вѣсте	сотвори́ли вѣсте
3.	сътворили, -ы, -а вѣша	сотвори́ли вѣша

В церковнославянском языке формы плюсквамперфекта встречаются крайне редко, а формы типа **былъ ёсмь сотворилъ** практически не употребляются.

Сослагательное наклонение

В старославянском языке сослагательное наклонение образовывалось с помощью злого причастия смыслового глагола и особой формы глагола **бѣти** (**вимь, би, вимъ, висте, вж**).

В старославянских памятниках формы сослагательного наклонения двойственного числа не встречаются. В церковнославянском языке при образовании форм сослагательного наклонения используется форма *аориста* от основы **бѣ-**.

СТ.-СЛ.		Ц.-СЛ.
единственное число		
1.	сътворилъ, -а, -о вимь	сотвори́лъ, -а, -о быхъ
2.	сътворилъ, -а, -о би	сотвори́лъ, -а, -о бы
3.	сътворилъ, -а, -о би	сотвори́лъ, -а, -о бы
двойственное число		
1.		сѡтвори́ла, -и быхова, -ѣ
2.		сѡтвори́ла, -и быста, -ѣ
3.		сѡтвори́ла, -и быста, -ѣ
множественное число		
1.	сътворили, -ы, -а вимъ	сотвори́ли быхомъ
2.	сътворили, -ы, -а висте	сотвори́ли бысте
3.	сътворили, -ы, -а вж	сотвори́ли быша

Повелительное наклонение

В старославянском и церковнославянском языках формы повелительного наклонения образуются для всех лиц и чисел, кроме первого лица единственного числа и третьего лица двойственного и множественного чисел, от основ настоящего времени.

Славянские формы повелительного наклонения восходят к индоевропейским формам **оптатива**, образующимся от нетематических основ с помощью суффикса *-iē-/-ī-, а от тематических глаголов – с помощью суффикса *-i-, присоединяющегося к основе с полной огласовкой и постоянным ударением и формирующего вместе с тематическим гласным дифтонгическое сочетание -ōi-. Окончания всегда «вторичные», см. [Савченко 2010: 291-293].

Поэтому и в старославянском языке нетематические глаголы **быти**, **дати**, **исти**, **видѣти** и **вѣдѣти** имели особенности в образовании форм повелительного наклонения.

	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.
	быти	быти	вѣдѣти	вѣдати	дати	дати
	единственное число					
2.	бѣди	бѣди	вѣждь	вѣждь	даждь	даждь
3.	бѣди	бѣди	вѣждь	вѣждь	даждь	даждь
	двойственное число					
1.	бѣдѣвъѣ	бѣдива, -ѣ	вѣдивѣ	вѣдива, -ѣ	дадивѣ	дадива, -ѣ
2.	бѣдѣта	бѣдита, -ѣ	вѣдита	вѣдита, -ѣ	дадита	дадита, -ѣ
	множественное число					
1.	бѣдѣмъ	бѣдемъ	вѣдимъ	вѣдимъ	дадимъ	дадимъ
2.	бѣдѣте	бѣдите	вѣдите	вѣдите	дадите	дадите

Глаголы **видѣти** и **исти** образовывали формы повелительного наклонения аналогично формам глагола **вѣдѣти**.

У всех остальных глаголов форма повелительного наклонения второго лица единственного числа (которая использовалась также и для третьего лица единственного числа) образовывалась с помощью суффикса **-и**, а формы множественного и двойственного числа – с помощью суффиксов **-и** или **-ѣ** и соответствующих окончаний, при этом у глаголов с праславянской основой на *-k- и *-g- (*rĕk-tĕi > **реци**, *mŏg-tĕi > **моци**, *rĕk-tĕi > **пеци**) [k] переходило в [c'], [g] – в [z'], а корневой [e] – в [ь] (**моци** > **мози**, **мозѣте**, **реци** > **рыци**, **рыцѣте**). Глаголы первого спряжения с праславянской инфинитивной основой на согласный типа **нести**, **вести**, **реци**, **обрѣци**, глаголы с основой на носовой **-а-**, чередующийся с сочетанием **-ьн/-ьм-**, типа **начати** – **начьнѣ**, **мати** – **мьнѣ**, глаголы с основой на **-оу-**, чередующимся с **-ов-**, типа **плоути** – **пловешнѣ**, **слоути**

– **словешнѣ**, глаголы с основой на неполногласное сочетание **-рѣ-**, чередующееся с **-ръ-**, типа **опрѣти сѧ – опьрж сѧ**, глаголы с основами на **-нж-** типа **двигнжти**, а также глаголы с основами на **-а-**, основы настоящего времени которых оканчиваются на исконно твердый согласный, образуют формы повелительного наклонения второго и третьего лица множественного и двойственного числа с помощью суффикса **-ѣ-**, все остальные глаголы – с помощью суффикса **-и-**.

	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.
	ити	ѣти	рѣти	рѣти	любити	любити
	единственное число					
2.	иди	ѣди	рьци	рцы	люби	любѣ
3.	иди	ѣди	рьци	рцы	люби	любѣ
	двойственное число					
1.	идѣвѣ	ѣдѣва,–ѣ	рьцѣвѣ	рцѣва,–ѣ	любивѣ	любѣва,–ѣ
2.	идѣта	ѣдѣта,–ѣ	рьцѣта	рцѣта,–ѣ	любита	любѣта,–ѣ
	множественное число					
1.	идѣмъ	ѣдемъ	рьцѣмъ	рцѣмъ	любимъ	любѣмъ
2.	идѣте	ѣдите	рьцѣте	рцѣте	любите	любѣте

В церковнославянском языке в суффиксах повелительного наклонения вместо **ѣ** стали писать **ѣ** (в церковнославянском языке эти буквы читались одинаково!), причем суффикс **-и-** стал употребляться в формах второго лица всех глаголов (**ѣдемъ, ѣдите**). На месте старославянской буквы **ѣ** в церковнославянских текстах появились буквы **з** и **ж** (буква **з** писалась перед **и**, а буква **ж** – перед **ѣ**: **помози, поможемъ** на месте старославянских **помози, помозѣмъ**). Поскольку [ь] в «слабой» позиции перестал произноситься, а [с'] отвердел, на месте старославянских форм типа **рьци** появились церковнославянские формы типа **рцы**.

Для выражения приказаний или пожелания в старославянском и церковнославянском языках могли также использоваться сочетания форм настоящего времени с частицей **да** типа **да речетъ** ‘пусть он (она) скажет’, **да любите** ‘любите’, **да знаемъ** ‘давайте будем знать’.

Происхождение форм повелительного наклонения

В праславянском языке тематические глаголы образовывали формы повелительного наклонения с помощью суффикса **-ї-** и «вторичных» окончаний. У глаголов первого спряжения этот суффикс образовывал вместе с тематическим гласным дифтонгическое соче-

тание $-\ddot{a}i-$ ¹⁸⁸, которое впоследствии монофтонгизировалось, у глаголов второго спряжения – сливался с тематическим $-\bar{i}$.

При образовании форм повелительного наклонения нетематических глаголов в единственном числе использовался суффикс $-\ddot{a}i-$ ($*\ddot{d}ad-\ddot{a}i-s$ > ст.-сл. **ДАЖДЬ**), в двойственном и множественном – $-\bar{i}$ ($*\ddot{d}ad-\bar{i}-m\ddot{o}s$ > ст.-сл. **ДАДИМЪ**).

ст.-сл.	
брати	$*br\bar{a}-t\bar{e}i$
	ед. число
2. вери	$*b\bar{e}r-\ddot{o}-i-s$
3. вери	$*b\bar{e}r-\ddot{o}-i-t$
	дв. число
1. верѣвѣ	$*b\bar{e}r-\ddot{o}-i-v\bar{e}$
2. верѣта	$*b\bar{e}r-\ddot{o}-i-t\bar{a}$
	мн. число
1. верѣмъ	$*b\bar{e}r-\ddot{o}-i-m\ddot{o}s$
2. верѣте	$*b\bar{e}r-\ddot{o}-i-t\bar{e}$

Инфинитив и супин

Старославянский *инфинитив* следует отличать от *супина*. Супин в старославянском языке оканчивался не на **-ти** или **-ци**, как инфинитив, а на **-тъ** или **-ць** и употреблялся при глаголах движения для указания на цель движения: **идѣ рывѣ ловитѣ** ‘я иду (чтобы) ловить рыбу’, **градѣ искоуситѣ ихѣ** ‘я иду (чтобы) испытать их’. В истории русского языка формы супина и инфинитива перестали различаться, и в церковнославянских грамматиках супин обычно не выделяется.

Славянские инфинитив и супин восходят к косвенным падежам индоевропейских существительных со значением действия на $*-t\bar{e}i$ ($*m\bar{r}-t\bar{i}-s$ ‘смерть’, $*m\ddot{o}g-t\bar{i}-s$ ‘возможность, мощь’) и на $*-t\bar{e}u$ ($*pr-t\bar{u}-s$ ¹⁸⁹ ‘переправа’, ср. лат. *portus* и др.-в.-нем. *furti*) соответственно, см. [Савченко 2010: 177-178].

¹⁸⁸ У глаголов III класса это дифтонгическое сочетание после мягкого согласного фонетически закономерно менялось в $-\ddot{e}i-$, ср. $*b\bar{e}r-\ddot{o}-i-m\ddot{o}s$ > ст.-сл. **верѣмъ**, но $*gn\bar{a}i-\ddot{o}-i-m\ddot{o}s$ > ст.-сл. **знаимъ**.

¹⁸⁹ В номинативе представлена редуцированная форма обоих суффиксов – соответственно $*-t\bar{i}-$ и $*-t\bar{u}-$.

Причастия

Причастия – это переходные глагольно-именные образования, обладающие некоторыми свойствами как глагола (вид, время, залог), так и прилагательного (причастия в старославянском языке могут быть полными и краткими, а также, в отличие от других глагольных форм, склоняются).

Некоторые типы славянских причастий восходят к причастиям же праиндоевропейского языка (и.-е. активные причастия на *-ent-/-ont-/-nt-; активные причастия на *-ces-/-cos-/-us-; медиальные причастия на *-meno-/-mpo-), некоторые же – к отглагольным прилагательным на *-to- и на *-no-, ср. [Савченко 2010: 182-186].

Действительные причастия настоящего времени

Старославянские формы действительных причастий настоящего времени глаголов первого спряжения образовывались при помощи суффикса **-жц-**, а глаголов второго спряжения – при помощи суффикса **-щц-**, которые присоединялись к основе настоящего времени.

Окончания причастий не зависели от суффиксов и были одинаковыми у глаголов и первого, и второго спряжения. Краткие причастия мужского и среднего рода изменялись по типу **краи** и **поле**, причастия женского рода – по типу **кѣнагыни**. Исключение составляли форма именительного падежа множественного числа мужского рода, которая оканчивалась на **-е** (а не на **-и**, как мы могли бы ожидать), а также формы формы именительного падежа единственного числа мужского и среднего рода, где причастия глаголов первого спряжения с твердой основой настоящего времени имели вид типа **несы**, а причастия глаголов первого спряжения с мягкой основой настоящего времени, а также причастия всех глаголов второго спряжения – вид типа **знаѣа**, **моѣа**.

	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.
	мужской род		средний род		женский род	
	единственное число					
И.	несы	несѣй несѣщѣ	несы	несѣй несѣще	несжци	несѣци
Р.	несжца	несѣца	несжца	несѣца	несжцаѣ	несѣци
Д.	несжцю	несѣцѣ	несжцю	несѣцѣ	несжци	несѣци
В.	несжць	несѣцѣ несѣца	несжце	несѣще	несжциѣ	несѣцѣ
Т.	несжцель	несѣцимѣ	несжцель	несѣцимѣ	несжцеѣ	несѣцею
М.	несжци	несѣцель	несжци	несѣцель	несжци	несѣци

	двойственное число					
И.-В.	несжца	несѣца	несжци	несѣциѣ	несжци	несѣциѣ
Р.-М.	несжцю	несѣциѣ	несжцю	несѣциѣ	несжцю	несѣциѣ
Д.-Т.	несжцема	несѣцема	несжцема	несѣцема	несжцама	несѣцема
	множественное число					
И.	несжце	несѣце	несжца	несѣца	несжца	несѣца
Р.	несжць	несѣцихъ	несжць	несѣцихъ	несжць	несѣцихъ
Д.	несжцемъ	несѣцимъ	несжцемъ	несѣцимъ	несжцамъ	несѣцимъ
В.	несжца	несѣца	несжца	несѣца	несжца	несѣца
		несѣцихъ				несѣцихъ
Т.	несжци	несѣцими	несжци	несѣцими	несжцами	несѣцими
М.	несжцихъ	несѣцихъ	несжцихъ	несѣцихъ	несжцахъ	несѣцихъ

В церковнославянском языке во многие падежи кратких причастий проникли *окончания полных форм*. «Полные» окончания вытеснили краткие во всех падежах множественного числа (кроме именительного и винительного), а также в творительном и местном падежах единственного числа мужского и среднего рода (У причастий глаголов первого спряжения с твердой основой настоящего времени полная форма проникла и в именительный падеж: ц.-сл. **несый** на месте ст.-сл. **несы**). Обратите внимание на то, что в именительном падеже единственного числа среднего рода используется полная форма мужского рода **несый**, а не соответствующая полная форма среднего рода **несѣее**.

В именительном падеже единственного числа мужского и среднего рода могла также использоваться прежняя форма винительного падежа типа **несѣць** и **несѣце**, в винительном же падеже единственного числа появилось окончание **-ѣ** (Таким образом стали графически различать одинаково произносящиеся форму именительного падежа типа **несѣць** и форму винительного падежа типа **несѣциѣ**).

В винительном падеже единственного числа мужского и женского рода и множественного числа мужского и женского рода в церковнославянском языке могла использоваться форма родительного падежа (если причастие было согласовано с одушевленным существительным).

Окончания форм единственного числа женского рода соответствовали окончаниям кратких прилагательных мягкой разновидности (за исключением именительного падежа, где сохранилось исконное окончание **-и**, и местного падежа, где под влиянием форм твердой разновидности появилось окончание **-ѣ**).

Полные формы причастий образовывались так же, как и полные формы прилагательных (с той лишь особенностью, что полная форма именительного падежа единственного числа среднего рода обра-

зовывалась от краткой формы не именительного, а винительного падежа – **несѣще**).

Нетематические глаголы образовывали краткую и полную форму причастий в старославянском и церковнославянском языках следующим образом:

	ст.-сл.			ц.-сл.		
	муж.р.	ср.р.	жен.р.	муж.р.	ср.р.	жен.р.
быти	сы	сы	сѣщи	сый	сѣще	сѣщи
	сын	сѣщикѣ	сѣщина	сый	сѣще	сѣщаа
дати	дады	дады	даджци	–	–	–
	дадын	даджцикѣ	даджцина			–
исти	ѣды	ѣды	ѣджци	ѣдый	ѣдѣще	ѣдѣщи
	ѣдын	ѣджцикѣ	ѣджцина	ѣдый	ѣдѣще	ѣдѣщаа
вѣдѣти	вѣды	вѣды	вѣджци	вѣдый	вѣдѣще	вѣдѣщи
	вѣдын	вѣджцикѣ	вѣджцина	вѣдый	вѣдѣще	вѣдѣщаа

Поскольку в современном церковнославянском языке глагол **дати** – совершенного вида, форм действительных причастий настоящего времени он не имеет.

Действительные причастия прошедшего времени

Старославянские формы действительных причастий прошедшего времени образовывались с помощью суффиксов **-ѣш-**, **-ѣш-**, **-вѣш-** от основ инфинитива. Суффикс **-ѣш-** использовался у глаголов второго спряжения с основой инфинитива на **-и-**, при этом конечный **-и-** основы выпадал, а перед суффиксом причастия происходили чередования типа **п-па**, **д-жд**: **пристѣпи-ти** → **пристѣпа-ѣш-и**, **роди-ти** → **рожд-ѣш-и** (в праславянском языке звук **-i-** сливался с предшествующим гласным, «смягчая» его). Суффикс **-вѣш-** использовался у всех остальных глаголов с инфинитивной основой на гласный (**зна-ти** → **зна-вѣш-и**), а суффикс **-ѣш-** – у глаголов с инфинитивной основой на согласный (**нес-ти** → **нес-ѣш-и**), при этом следует иметь в виду, что у глаголов типа **въздвигнѣ-ти** суффикс **-нѣ-** выпадал (**въздвигнѣ-ти** → **въздвиг-ѣш-и**). Впоследствии по аналогии с причастиями других глаголов появились формы типа **въздвигнѣ-вѣш-и**, **пристѣпи-вѣш-и**.

В формах именительного падежа единственного числа мужского и среднего рода суффикс причастия был «неполным» (**нести** → **несѣ**, **вести** → **ведѣ**, **ити** → **шѣдѣ**, **хвалити** → **хваль**, **знати** → **знавѣ**, **двигнѣти** → **двигѣ**).

Склонялись действительные причастия прошедшего времени аналогично действительным причастиям настоящего времени:

	ст.-сл. мужской род	ц.-сл.	ст.-сл. средний род	ц.-сл.	ст.-сл. женский род	ц.-сл.
единственное число						
И.	несъ	нёсъ	несъ	нёсъ	несъши	нёсши
		нёсшь		нёсше		
Р.	несъша	нёсша	несъша	нёсша	несъшьа	нёсши
Д.	несъшю	нёсшѸ	несъшю	нёсшѸ	несъши	нёсши
В.	несъшь	нёсшь	несъше	нёсше	несъшьж	нёсшѸ
		нёсша				
Т.	несъшемь	нёсшимь	несъшемь	нёсшимь	несъшеж	нёсшею
М.	несъши	нёсшемь	несъши	нёсшемь	несъши	нёсши
двойственное число						
И.-В.	несъша	нёсша	несъши	нёсшѣ	несъши	нёсшѣ
Р.-М.	несъшю	нёсшѸ	несъшю	нёсшѸ	несъшю	нёсшѸ
Д.-Т.	несъшема	нёсшема	несъшема	нёсшема	несъшама	нёсшема
множественное число						
И.	несъше	нёсше	несъша	нёсша	несъшьа	нёсша
Р.	несъшь	нёсшихъ	несъшь	нёсшихъ	несъшь	нёсшихъ
Д.	несъшемь	нёсшымь	несъшемь	нёсшымь	несъшамь	нёсшымь
В.	несъша	нёсша	несъша	нёсша	несъша	нёсша
		нёсшихъ				нёсшихъ
Т.	несъши	нёсшими	несъши	нёсшими	несъшами	нёсшими
М.	несъшихъ	нёсшихъ	несъшихъ	нёсшихъ	несъшахъ	нёсшихъ

Полные формы действительных причастий прошедшего времени образовывались и склонялись аналогично формами действительных причастий настоящего времени (**несын**, **несъшага**, **несъшее**). Обратите внимание на то, что у некоторых глаголов в именительном падеже единственного числа мужского рода форма действительного причастия прошедшего времени совпадает с формой действительного причастия настоящего времени (**несын**), и различить их можно только по контексту.

Эловые причастия (действительные причастия прошедшего времени II)

Эловые причастия образуются с помощью суффикса **-л-** и используются исключительно в составе сложных глагольных форм, таких, как перфект (**неслъ ксмь**), плюсквамперфект (**неслъ вѣхъ**, **неслъ вѣхъ**, **былъ ксмь неслъ**), второе будущее (**бждж неслъ**), сослагательное наклонение (**неслъ бимь**).

При образовании эловых причастий суффикс **-нж-**, как правило, опускается (**двиг-нж-ти** → **двиг-лъ**), так же, как и конечные со-

гласные основы, стоящие на месте праславянских *-t- и *-d- (у глаголов типа **вѣс-ти** < *vĕd-tĕj, **мѣс-ти** < *mĕt-tĕj): **вѣлъ**, **мѣлъ**.

Эловые причастия не изменяются по падежам, но имеют грамматические признаки рода и числа.

	муж. род		жен. род		ср. род	
	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.
ед. ч.	нѣслъ	нѣслъ	нѣсла	нѣслѧ	нѣсло	нѣслѡ
дв. ч.	нѣсла	нѣслѧ	нѣслѣ	нѣсли	нѣслѣ	нѣсли
мн. ч.	нѣсли	нѣсли	нѣслы	нѣсли	нѣсла	нѣсли

Обратите внимание на то, что в старославянском и церковнославянском языках конечный -л- никогда не выпадает (в отличие от русского языка – ср. *нѣсла/нѣсѡ*, *вѣсла/вѣзѡ* и т. д.).

Страдательные причастия настоящего времени

Старославянские и церковнославянские страдательные причастия настоящего времени образовывались с помощью суффикса -м-, который присоединялся к основе настоящего времени с помощью тематического гласного -о-, -ѣ- или -и-. Глаголы второго спряжения образовывали формы типа **любимъ**, глаголы первого спряжения с «мягкой» основой – формы типа **знаемъ**, глаголы первого спряжения с «твердой» основой – формы типа **несомъ**.

Страдательные причастия настоящего времени мужского и среднего рода склонялись по типу **рабъ** и **село**, а причастия женского рода – по типу **жена**.

	мужской род		средний род		женский род	
	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.
единственное число						
И.	несомъ	несѡмъ	несомо	несѡмо	несома	несѡма
Р.	несома	несѡма	несома	несѡма	несомы	несѡмы
Д.	несомоу	несѡмѣ	несомоу	несѡмѣ	несомѣ	несѡмѣ
В.	несомъ	несѡмъ	несомо	несѡмо	несомж	несѡмѣ
Т.	несомомь	несѡмомь	несомомь	несѡмомь	несомож	несѡмою
М.	несомѣ	несѡмѣ	несомѣ	несѡмѣ	несомѣ	несѡмѣ
двойственное число						
И.-В.	несома	несѡма	несомѣ	несѡмѣ	несомѣ	несѡмѣ
Р.-М.	несомоу	несѡмѣ	несомоу	несѡмѣ	несомоу	несѡмѣ
Д.-Т.	несомома	несѡмыма	несомома	несѡмыма	несомама	несѡмыма

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

И.	несоми	несо́ми	несома	несо́ма	несомы	несо́мы
Р.	несомъ	несо́мыхъ	несомъ	несо́мыхъ	несомъ	несо́мыхъ
Д.	несомомъ	несо́мымъ	несомомъ	несо́мымъ	несомамъ	несо́мымъ
В.	несомы	несо́мы	несома	несо́ма	несомы	несо́мы
		несо́мыхъ				несо́мыхъ
Т.	несомы	несо́мы	несомы	несо́мы	несомами	несо́мыми
		несо́мыми		несо́мыми		
М.	несомѣхъ	несо́мыхъ	несомѣхъ	несо́мыхъ	несомахъ	несо́мыхъ

Церковнославянские страдательные причастия на **-им-** и на **-ем-** типа **лю́бимъ**, **зна́емъ** в формах именительного и винительного падежей единственного числа мужского рода имеют окончание не **-ъ** (как в старославянском), а **-ь**, чтобы формы причастий отличались от форм первого лица множественного числа (**зна́емъ** ‘мы знаем’, **зна́емь** ‘известный’, букв. ‘знаемый’).

Церковнославянские страдательные причастия настоящего времени имеют те же особенности склонения, что и церковнославянские прилагательные твердой разновидности.

Полные формы страдательных причастий настоящего времени типа **несо́мыи**, **зна́е́мыи**, **лю́бимыи** образуются и склоняются аналогично полным прилагательным твердой разновидности.

Страдательные причастия прошедшего времени

Старославянские страдательные причастия прошедшего времени образуются от инфинитивных основ с помощью суффиксов **-н-** и **-т-**. Суффикс **-т-** используется при образовании причастий глаголов с инфинитивной основой на **-л-** (**начл-ти** → **начл-тъ**, **клл-ти** → **клл-тъ**), на **-н-** (**вн-ти** → **вн-тъ**, **вн-ти** → **вн-тъ**), на **-оу-** (**обоу-ти** → **обоу-тъ**), а также от некоторых глаголов с инфинитивной основой на **-ѣ-** и на согласный (**пѣ-ти** → **пѣ-тъ**, **оуѣлс-ти** → **оуѣлс-тъ**). Все остальные глаголы образуют страдательные причастия прошедшего времени с помощью суффикса **-н-**, при этом к основам инфинитива на согласный суффикс **-н-** присоединяется посредством тематического гласного [е] (**зѣл-ти** → **зѣл-н-ъ**, **вндѣ-ти** → **вндѣ-н-ъ**, **нес-ти** → **нес-е-н-ъ**, **плес-ти** → **плес-е-н-ъ**).

Конечный **-н-** основы глаголов второго спряжения сливался с предшествующим согласным, вызывая чередования типа **просити** → **прошенъ**, **ходити** → **ходженъ**, **коупити** → **коупкенъ**.

Конечный **-ы-** инфинитивной основы чередовался с **-ъв-**: **ЗАБЫТИ** → **ЗАВЪВЕНЪ**, **СЪКРЫТИ** → **СЪКРЪВЕНЪ**, **ОМЫТИ** → **ОМЪВЕНЪ**.

У некоторых глаголов при образовании страдательных причастий прошедшего времени суффикс **-нж-** утрачивался (**ДВИГНЖТИ** → **ДВИЖЕНЪ**, **ВЪСКРСНЖТИ** → **ВЪСКРСЕНЪ**, **ОУСЪБНЖТИ** → **ОУСЪБЧЕНЪ**), а у некоторых чередовался с суффиксом **-нов-** (**ПРИКОСНЖТИ** → **ПРИКОСНОВЕНЪ**, **ПРИТЪКНЖТИ** → **ПРИТЪКНОВЕНЪ**).

Глаголы первого спряжения с основой инфинитива на **-и-** могут образовывать страдательные причастия не только с помощью суффикса **-т-** (**БИТИ** → **БИТЪ**, **ИСПИТИ** → **ИСПИТЪ**), но и с помощью суффикса **-(ѐ)-н-** (**БИТИ** → **БИѐНЪ**, **ИСПИТИ** → **ИСПИѐНЪ**).

Страдательные причастия прошедшего времени образуют полные формы и склоняются аналогично страдательным причастиям настоящего времени.

МЕСТОИМЕНИЕ

В старославянском и церковнославянском языках принято выделять в целом те же разряды местоимений, что и в современном русском: *личные* (азъ; ты; мы, вы), *возвратное* (себе, са), *указательные* (онъ, она, оно; овъ, ова, ово; нже, паже, кже; тъ, та, то), *относительно-вопросительные* (къто; чьто; каковъ, какова, какво), *определительные* (въсь, въста, въск; въсакъ, въстака, въстако), *неопределенные* (нѣкъто; нѣчьто; нѣкын, нѣкага, нѣкоє), *отрицательные* (никъто; ничьто; никын, никага, никоє).

По особенностям склонения старославянские местоимения принято разделять на три группы. Особый тип склонения образуют *личные* и *возвратное* местоимения, все же остальные относятся к *твердому* или *мягкому* типу склонения в зависимости от этимологической твердости или мягкости последнего согласного основы.

Склонение личных местоимений

	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.
			единственное число	
И.	азъ	а́зъ	ты	ты́
Р.	мене	мене́	тебе	тебе́
Д.	мынѣ, ми	мынѣ, ми́	тебѣ, ти	тебѣ́, ти́
В.	ма	мене́, ма́	та	тебе́, та́
Т.	мъноуѣ	мноу́	товоуѣ	товоу́
М.	мынѣ	мынѣ́	тебѣ́	тебѣ́
			двойственное число	
И.	вѣ	мы́	ва	вы́
В.	на, ны	ны́	ва, вы	вы́
Р.-	наю	наю́	ваю	ваю́
М.				
Д.-Т.	нама	на́ма	вама	ва́ма
			множественное число	
И.	мы	мы́	вы	вы́
Р.	насъ	насъ́	васъ	васъ́
Д.	намъ, ны	намъ́	вамъ, вы	вамъ́
В.	ны	ны́, насъ́	вы	вы́, васъ́
Т.	нами	нами́	вами	вами́
М.	насъ	насъ́	васъ	васъ́

Возвратное местоимение не имело форм двойственного и множественного числа, а также формы именительного падежа единственного числа.

Склонение возвратного местоимения

	ст.-сл.	ц.-сл.
	единственное число	
И.	–	–
Р.	СЕБЕ	СЕБѢ
Д.	СЕБѢ, СИ	СЕБѢ, СѢ
В.	СА	СЕБѢ, СА
Т.	СОБОЮ	СОБОЮ
М.	СЕБѢ	СЕБѢ

Старославянские местоимения **азъ, ты, вы, мы** и **себе** в дательном падеже имели по две формы (**мьнѣ** и **ми, тебѣ** и **ти, себѣ** и **си, намѣ** и **ны, вамѣ** и **вы**), первые из которых могли нести на себе ударение, а вторые – не могли. Формы винительного падежа этих местоимений (**та, са, ны, вы**) в старославянском языке произносились с самостоятельным ударением, однако впоследствии, когда в винительный падеж стали проникать формы родительного падежа **мене, тебе, себе, насъ, васъ** (таким образом формировалась категория одушевленности) и возникли пары **мене–ма, тебе–та, себе–са, насъ–ны, васъ–вы**, древние формы **ма, та, са, ны, вы** стали по аналогии с формами **ми, ти, си** восприниматься как постоянно безударные. В церковнославянских текстах «краткие» формы бывают обычно безударными (**спаси ма, молю вы, благослови ны**), однако иногда могут быть и под ударением (**никтоже своегѡ си да ѡцетъ**. 1 Кор. 10: 24; **ѡ помѡ вы къ себѣ**. Иоанн 14: 3).

Исконная форма именительного падежа двойственного числа **вѣ** была в церковнославянском языке вытеснена формой **мы**. Древние краткие формы дательного падежа множественного числа **мы** и **вы** в церковнославянском языке перестали употребляться.

Твердый вариант местоименного склонения

По этому типу склонения изменялись местоимения **тѣ, та, то** ‘тот, -а, -о’, **овѣ, ова, ово** ‘этот, -а, -о’, ‘некоторый, -я, -е’, **онѣ, она, оно** ‘оний, -ая, -ое’, **инѣ, инна, ино** ‘иной, -ая, -ое’, **такѣ, така, тако** ‘такой, -ая, -ое’, **пакѣ, пака, пако** ‘какой, -ая, -ое’, **всѣакѣ, всѣака, всѣако** ‘всякий, -ая, -ое’ и некоторые другие местоимения.

	ст.-сл. мужской род	ц.-сл.	ст.-сл. средний род	ц.-сл.	ст.-сл. женский род	ц.-сл.
	единственное число					
И.	тѣ	тѣи	то	то, тоѣ	та	та, таа
Р.	того	тогѣ	того	тогѣ	тоѣ	тоѣ
Д.	томуѣ	томѣ	томуѣ	томѣ	тои	тои
В.	тѣ	тѣи, тогѣ	то	то, тоѣ	тѣ	тѣ, тѣю
Т.	тѣмь	тѣмь	тѣмь	тѣмь	тоѣ	тоѣ
М.	томь	то́мь	томь	то́мь	тои	тои
	двойственное число					
И.-В.	та	та̂	тѣ	тѣ, та̂	тѣ	тѣ
Р.-М.	тою	тѣю	тою	тѣю	тою	тѣю
Д.-Т.	тѣма	тѣма	тѣма	тѣма	тѣма	тѣма
	множественное число					
И.	ти	ти, ти̂	та	та̂, таа	ты	ты, тыа
Р.	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ
Д.	тѣмь	тѣмь	тѣмь	тѣмь	тѣмь	тѣмь
В.	ты	тыа, тѣхъ	та	та̂, таа	ты	ты, тыа, тѣхъ
Т.	тѣми	тѣми	тѣми	тѣми	тѣми	тѣми
М.	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ

Церковнославянский язык в целом хорошо сохранил старославянскую парадигму склонения. Кроме обычных отвердения [m'] в творительном и местных падежах единственного числа мужского и среднего рода (ц.-сл. **тѣмь** и **то́мь** на месте ст.-сл. **тѣмь** и **томь**), перехода [q] в [ū] и [e] в [ʔā], а также использования формы родительного падежа в винительном падеже следует также отметить проникновение в именительный и винительный падежи единственного и множественного числа «полных» окончаний. В формах мужского рода именительного и винительного падежей единственного числа и винительного падежа множественного числа «полное» окончание вытеснило исконное «краткое» окончание окончательно (ц.-сл. **тѣи** и **тыа** на месте ст.-сл. **тѣ** и **ты**), а в формах женского и среднего рода – используется параллельно с ним (ц.-сл. **ти̂** и **ти̂**, **тоѣ** и **то̂**, **таа** и **та̂**, **тѣю** и **тѣ̂**, **тыа** и **ты̂**).

Одинаково звучащие формы различных падежей могут различаться с помощью использования буквы **ѡ**, а также обличенного ударения (**ѡгò** – винительный падеж единственного числа, **ѡгòѡ** – родительный падеж единственного числа, **ѡà** – именительный падеж единственного числа, **ѡà** – именительный-винительный падеж двойственного числа).

Мягкий вариант местоименного склонения

По этому типу склонения изменялись местоимения ***и**, ***к**, ***ѡ** ‘он, -а, -о’, **иже**, **кже**, **ѡже** ‘который, -ая, -ое’, **сь** ‘сей’, **чи** ‘чей’, **мон**, **твон**, **свон**, **нашь**, **вашь**, а также некоторые другие местоимения.

	ст.-сл. мужской род	ц.-сл.	ст.-сл. средний род	ц.-сл.	ст.-сл. женский род	ц.-сл.
единственное число						
И.	и	ѡ, ѡнѡ	к	ѣ, ѡно	ѡ	ѡà, ѡна
Р.	кго	ѣгѡ	кго	ѣгѡ	кѡ	ѣà
Д.	кмоѡ	ѣмѡ	кмоѡ	ѣмѡ	кн	ѣй
В.	и	ѣгò, ѡ	к	ѣ	ѡѡ	ѡò
Т.	имь	ѡмь	имь	ѡмь	кѡѡ	ѣò
М.	кмь	(н)ѣмь	кмь	(н)ѣмь	кн	(н)ѣй
двойственное число						
И.	ѡ	ѡна	и	ѡнѡ, ѡна	и	ѡнѡ
В.	ѡ	ѡà	и	ѡà	и	ѡà
Р.-М.	кю	ѣò	кю	ѣò	кю	ѣò
Д.-Т.	нма	ѡма	нма	ѡма	нма	ѡма
множественное число						
И.	и	ѡни	ѡ	ѡни	ѡ	ѡнѡ
Р.	ихѡ	ѡхѡ	ихѡ	ѡхѡ	ихѡ	ѡхѡ
Д.	имѡ	ѡмѡ	имѡ	ѡмѡ	имѡ	ѡмѡ
В.	ѡ	ѡà, ѡхѡ	ѡ	ѡà	ѡ	ѡà, ѡхѡ
Т.	ими	ѡми	ими	ѡми	ими	ѡми
М.	ихѡ	(н)ѡхѡ	ихѡ	(н)ѡхѡ	ихѡ	(н)ѡхѡ

Формы именительного падежа указательного местоимения ***и**, ***к**, ***ѡ** очень рано были вытеснены формами именительного падежа другого указательного местоимения — **онѡ**, **она**, **оно** — *онѡй*, *-ая*, *-ое*.

Именительный	онѣ	⇒	(и)		онѣ	онѣ
Родительный	оного		кго	=	оного	кго
Дательный	ономоу		кмоу		ономоу	кмоу
...

На месте старославянских форм **имь** и **кмь** в церковнославянском языке появляются формы **ѣмь** и **(и)ѣмь**, а на месте форм **ѣж** и **ѣжъ** – формы **ѣю** и **ѣю**. Знаки острого и тяжелого ударений различают одинаково звучащие падежи (**ѣмь** – творительный падеж единственного числа, **ѣмь** – дательный падеж множественного числа; **ѣхъ** – родительный падеж множественного числа, **ѣхъ** – винительный падеж множественного числа).

Местоимение **что** в родительном падеже наряду с регулярной формой **чего** могло иметь форму **чесо** или **чьсо**. Позднее **чес-** стало восприниматься в качестве самостоятельной основы, поэтому в церковнославянском языке наряду с формой **чегѡ** существует формы **чесѡ** и **чесогѡ**, наряду с формой **чѣмѣ** – форма **чесомѣ**, а наряду с формой **чѣмь** – форма **чесомь**.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имена прилагательные в старославянском и церковнославянских языках могли быть *краткими* и *полными*. В современном русском языке краткие формы возможны только у качественных прилагательных (*здоровый* — *здоров*, *полный* — *полон*), причем эти краткие прилагательные, застывшие в формах именительного падежа, могут употребляться только в составе *именной части сказуемого* (*Он был совершенно здоров*). В старославянском же и в церковнославянском языках краткие прилагательные склонялись и регулярно употреблялись в качестве *определения*. Краткие прилагательные, согласованные с существительными мужского или среднего рода, изменялись по **ǫ*-склонению, а согласованные с существительными женского рода — по **ā*-склонению, при этом выбор твердой или мягкой варианта склонения зависел от исторической твердости или мягкости основы прилагательного. Краткие прилагательные типа **новъ**, **мждръ**, **благъ** изменялись по твердому варианту склонения, а краткие прилагательные типа **господнь**, **синь** — по мягкому варианту. Следует, однако, отметить, что в церковнославянском языке в некоторых падежах исконные «краткие» окончания вытеснены «полными».

Твердый вариант

	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.
	мужской род		средний род		женский род	
	единственное число					
И.	мждръ-тъ	мѣдр-тъ	мждръ-о	мѣдр-о	мждръ-а	мѣдр-а
Р.	мждръ-а	мѣдр-а	мждръ-а	мѣдр-а	мждръ-ы	мѣдр-ы
Д.	мждръ-оу	мѣдр-ѹ	мждръ-оу	мѣдр-ѹ	мждръ-ѣ	мѣдр-ѣ
В.	мждръ-тъ	мѣдр-тъ	мждръ-о	мѣдр-о	мждръ-ж	мѣдр-ѹ
		мѣдр-а				
Т.	мждръ-омь	мѣдр-ымь	мждръ-омь	мѣдр-ымь	мждръ-оѣ	мѣдр-ою
М.	мждръ-ѣ	мѣдр-ѣ	мждръ-ѣ	мѣдр-ѣ	мждръ-ѣ	мѣдр-ѣ
З.	мждръ-е	мѣдр-е	мждръ-о	мѣдр-о	мждръ-о	мѣдр-а
	двойственное число					
И.-В.	мждръ-а	мѣдр-а	мждръ-ѣ	мѣдр-ѣ	мждръ-ѣ	мѣдр-ѣ
Р.-М.	мждръ-оу	мѣдр-ѹ	мждръ-оу	мѣдр-ѹ	мждръ-оу	мѣдр-ѹ
Д.-Т.	мждръ-ома	мѣдр-ыма	мждръ-ома	мѣдр-ыма	мждръ-ама	мѣдр-ыма

множественное число						
И.	мѣдр-и	мѣдр-и	мѣдр-а	мѣдр-а	мѣдр-ы	мѣдр-ы
Р.	мѣдр-ѣ	мѣдр-ыхъ	мѣдр-ѣ	мѣдр-ыхъ	мѣдр-ѣ	мѣдр-ыхъ
Д.	мѣдр-омъ	мѣдр-ымъ	мѣдр-омъ	мѣдр-ымъ	мѣдр-ами	мѣдр-ымъ
В.	мѣдр-ы	мѣдр-ы	мѣдр-а	мѣдр-а	мѣдр-ы	мѣдр-ы
		мѣдр-ыхъ				мѣдр-ыхъ
Т.	мѣдр-ы	мѣдр-ы	мѣдр-ы	мѣдр-ы	мѣдр-ами	мѣдр-ыми
		мѣдр-ыми		мѣдр-ыми		
М.	мѣдр-ѣхъ	мѣдр-ыхъ	мѣдр-ѣхъ	мѣдр-ыхъ	мѣдр-ахъ	мѣдр-ыхъ

Мягкий вариант

	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.
	мужской род		средний род		женский род	
единственное число						
И.	син-ь	син-ь	син-к	син-е	син-ѣ	син-ѣ
Р.	син-ѣ	син-ѣ	син-ѣ	син-ѣ	син-ѣ	син-и
Д.	син-ю	син-ю	син-ю	син-ю	син-и	син-и
В.	син-ь	син-ь	син-к	син-е	син-ѣ	син-ю
		син-ѣ				
Т.	син-ѣмъ	син-имъ	син-ѣмъ	син-имъ	син-ѣѣ	син-ю
М.	син-и	син-и	син-и	син-и	син-и	син-и
двойственное число						
И.-В.	син-ѣ	син-ѣ	син-и	син-и	син-и	син-и
Р.-М.	син-ю	син-ю	син-ю	син-ю	син-ю	син-ю
Д.-Т.	син-ѣма	син-има	син-ѣма	син-има	син-ѣма	син-има
множественное число						
И.	син-и	син-и	син-ѣ	син-ѣ	син-ѣ	син-и
Р.	син-ь	син-ихъ	син-ь	син-ихъ	син-ь	син-ихъ
Д.	син-ѣмъ	син-имъ	син-ѣмъ	син-имъ	син-ѣмъ	син-имъ
					ѣмъ	
В.	син-ѣ	син-и	син-ѣ	син-ѣ	син-ѣ	син-и
		син-ихъ				син-ихъ
Т.	син-и	син-и	син-и	син-и	син-ѣми	син-ими
		син-ими		син-ими		
М.	син-ихъ	син-ихъ	син-ихъ	син-ихъ	син-ѣхъ	син-ихъ

При склонении кратких прилагательных в соответствующих падежах происходили обычные для старославянского языка чередования к-ц, г-з, х-с:

Именит. ед. ч. м. р.	высок-ъ раб-ъ	мъног-ъ грѣх-ъ
Дат. ед. ч. ж. р.	высоц-ѣ рабыни	
Местн. ед. ч. м. р.	высоц-ѣ раб-ѣ	мънос-ѣ грѣс-ѣ
Именит. мн. ч. м. р.	высоц-и раб-и	мънос-ѣ грѣс-и

Одинаково звучащие падежи различаются в церковнославянском языке с помощью замены острого ударения обличенным, а также замены буквы **о** буквой **ω**, а буквы **є** буквой **ε** (**сѣни**, **госпѣдни** – родительный, дательный и предложный падежи единственного числа, **сѣни**, **госпѣдни** – именительный-винительный падеж двойственного числа, а также именительный, винительный и творительный падежи множественного числа).

Полные формы прилагательных получились в результате сочетания кратких форм с формами указательного местоимения **и**, **кѣ**, **ѣа** (**добръ** + **и** = **добрыи**, **добро** + **кѣ** = **доброкѣ**, **добра** + **ѣа** = **добраѣа**, **добра** + **кѣго** = **добракѣго**, **добры** + **ѣа** = **добрыѣа** и т. д.). Постепенно формы местоимения сливались с окончаниями кратких прилагательных, образуя одно окончание полного прилагательного (**добракѣго** → **добраага** → **добраго**, **доброуѣмоу** → **доброуѣмоу** → **доброуѣмоу** и т. д.). В старославянских текстах можно встретить как формы типа **добракѣго**, так и формы типа **добрааго** или **добраго**.

Твердый вариант

	ст.-сл. мужской род	ст.-сл. средний род единственное число	ст.-сл. женский род
И.	добр-ыи добр-ы	добр-окѣ	добр-аѣа
Р.	добр-акѣго добр-ааго добр-аго	добр-акѣго добр-ааго добр-аго	добр-ыѣа
Д.	добр-оуѣмоу добр-оуѣмоу добр-оуѣмоу	добр-оуѣмоу добр-оуѣмоу добр-оуѣмоу	добр-ѣи
В.	добр-ыи добр-ы	добр-окѣ	добр-жѣа
Т.	добр-ыи.мь добр-ы.мь	добр-ыи.мь добр-ы.мь	добр-оѣа
М.	добр-ѣк.мь добр-ѣѣ.мь добр-ѣ.мь	добр-ѣк.мь добр-ѣѣ.мь добр-ѣ.мь	добр-ѣи

		двойственное число		
И.-	ДОБР-ага	ДОБР-ѣи	ДОБР-ѣи	
В.				
Р.-	ДОБР-оүю	ДОБР-оүю	ДОБР-оүю	
М.				
Д.-Т.	ДОБР-ыи.ма ДОБР-ыма	ДОБР-ыи.ма ДОБР-ыма	ДОБР-ыи.ма ДОБР-ыма	
		множественное число		
И.	ДОБР-ни	ДОБР-ага	ДОБР-ыи.а	
Р.	ДОБР-ыи.хъ ДОБР-ы.хъ	ДОБР-ыи.хъ ДОБР-ы.хъ	ДОБР-ыи.хъ ДОБР-ы.хъ	
Д.	ДОБР-ыи.мъ ДОБР-ы.мъ	ДОБР-ыи.мъ ДОБР-ы.мъ	ДОБР-ыи.мъ ДОБР-ы.мъ	
В.	ДОБР-ыи.а	ДОБР-ага	ДОБР-ыи.а	
Т.	ДОБР-ыи.ми ДОБР-ы.ми	ДОБР-ыи.ми ДОБР-ы.ми	ДОБР-ыи.ми ДОБР-ы.ми	
М.	ДОБР-ыи.хъ ДОБР-ы.хъ	ДОБР-ыи.хъ ДОБР-ы.хъ	ДОБР-ыи.хъ ДОБР-ы.хъ	
	ц.-сл. мужской род	ц.-сл. средний род	ц.-сл. женский род	
		единственное число		
И.	мѣдр-ый	мѣдр-оє	мѣдр-а.а	
Р.	мѣдр-аг.ѡ	мѣдр-аг.ѡ	мѣдр-ы.а	
Д.	мѣдр-о.мѣ	мѣдр-о.мѣ	мѣдр-ѣ.и мѣдр-о.и	
В.	мѣдр-ый мѣдр-а.го	мѣдр-оє	мѣдр-ѣ.ю	
Т.	мѣдр-ы.мъ	мѣдр-ы.мъ	мѣдр-о.ю	
М.	мѣдр-ѣ.мъ	мѣдр-ѣ.мъ	мѣдр-ѣ.и мѣдр-о.и	
		двойственное число		
И.-	мѣдр-а.а	мѣдр-ѣ.и	мѣдр-ѣ.и	
В.				
Р.-	мѣдр-ѣ.ю	мѣдр-ѣ.ю	мѣдр-ѣ.ю	
М.				
Д.-Т.	мѣдр-ы.ма	мѣдр-ы.ма	мѣдр-ы.ма	

множественное число			
И.	мѣдрѣи		
Р.	мѣдрѣхъ	мѣдрѣхъ	мѣдрѣхъ
Д.	мѣдрѣмъ	мѣдрѣмъ	мѣдрѣмъ
В.	мѣдрѣа	мѣдрѣа	мѣдрѣа
	мѣдрѣхъ		мѣдрѣхъ
Т.	мѣдрѣми	мѣдрѣми	мѣдрѣми
М.	мѣдрѣхъ	мѣдрѣхъ	мѣдрѣхъ
Мягкий вариант			
	ст.-сл. мужской род	ст.-сл. средний род	ст.-сл. женский род
единственное число			
И.	синѣи	синѣе	синѣа
	синѣи		
Р.	синѣаго	синѣаго	синѣаа
	синѣаго	синѣаго	
	синѣаго	синѣаго	
Д.	синѣюмоу	синѣюмоу	синѣи
	синѣюмоу	синѣюмоу	
	синѣюмоу	синѣюмоу	
В.	синѣи	синѣе	синѣаа
Т.	синѣимъ	синѣимъ	синѣаа
	синѣимъ	синѣимъ	
М.	синѣимъ	синѣимъ	синѣи
	синѣимъ	синѣимъ	
	синѣимъ	синѣимъ	
двойственное число			
И.-	синѣаа	синѣи	синѣи
В.			
Р.-	синѣюю	синѣюю	синѣюю
М.			
Д.-Т.	синѣима	синѣима	синѣима
	синѣима	синѣима	синѣима

множественное число			
И.	снн-ни	снн-ѡѡ	снн-ѡѡѡ
Р.	снн-нхѣ снн-нхѣ	снн-нхѣ снн-нхѣ	снн-нхѣ снн-нхѣ
Д.	снн-нмѣ снн-нмѣ	снн-нмѣ снн-нмѣ	снн-нмѣ снн-нмѣ
В.	снн-ѡѡѡ	снн-ѡѡѡ	снн-ѡѡѡ
Т.	снн-нми снн-нми	снн-нми снн-нми	снн-нми снн-нми
М.	снн-нхѣ снн-нхѣ	снн-нхѣ снн-нхѣ	снн-нхѣ снн-нхѣ
	ц.-сл. мужской род	ц.-сл. средний род	ц.-сл. женский род
единственное число			
И.	снн-ѣ	снн-ѣѣ	снн-ѡѡ
Р.	снн-ѡѡѡ	снн-ѡѡѡ	снн-ѡѡ
Д.	снн-ѣѣѣ	снн-ѣѣѣ	снн-ѣѣ
В.	снн-ѣѣ снн-ѡѡѡ	снн-ѣѣ	снн-ѡѡѡ
Т.	снн-нмѣ	снн-нмѣ	снн-ѣѣ
М.	снн-ѣѣѣ	снн-ѣѣѣ	снн-ѣѣ
двойственное число			
И.-	снн-ѡѡ	снн-ѣѣ	снн-ѣѣ
В.			
Р.-	снн-ѡѡѡ	снн-ѡѡѡ	снн-ѡѡѡ
М.			
Д.-Т.	снн-нма	снн-нма	снн-нма
множественное число			
И.	снн-ѣѣ	снн-ѡѡѡ	снн-ѡѡѡ
Р.	снн-нхѣ	снн-нхѣ	снн-нхѣ
Д.	снн-нмѣ	снн-нмѣ	снн-нмѣ
В.	снн-ѡѡѡ снн-нхѣ	снн-ѡѡѡ	снн-ѡѡѡ снн-нхѣ
Т.	снн-нми	снн-нми	снн-нми
М.	снн-нхѣ	снн-нхѣ	снн-нхѣ

В церковнославянских парадигмах мы обнаруживаем результаты обычных для истории русского языка отвердения конечного [м'] в творительном и местном падежах единственного числа мужского и среднего рода, перехода [q] в [ū], а [ę] в [’ā] и проникновения форм родительного падежа в винительный. Кроме того, в церковнославянскую парадигму проникли некоторые окончания местоимений. Так,

по аналогии с формами **то.мѣ** и **наше.мѣ** на месте древних форм типа **доброу.моу** и **синю.моу** появились формы типа **дѣбро.мѣ** и **сине.мѣ**, а по аналогии с формами **тоѣ** и **ей** – формы типа **дѣброѣ** и **синеѣ** (обратите внимание, что формы типа **дѣброѣ** употребляются наряду с сохранившимися древними формами типа **дѣбреѣ**).

Следует отметить, что влияние склонения местоимений на склонение прилагательных не было односторонним. Иногда случалось наоборот – некоторые местоимения начинали склоняться по типу полных прилагательных (например, местоимения **тыи** ‘тот’, **кыи** ‘какой’, ‘который’). Некоторые местоимения стали употребляться и в краткой (исконной), и в полной форме. Полная форма таких местоимений изменялась по типу полных прилагательных, а краткая — по типу неличных местоимений (а не по типу кратких прилагательных!). Сравните парадигмы склонения кратких и полных форм местоимения **ѡвѣ** в церковнославянском языке:

	краткая мужской род	полная	краткая средний род	полная	краткая женский род	полная
единственное число						
И.	ѡвѣ	ѡвѣи	ѡвѣ	ѡвѣе	ѡвѣ	ѡвѣа
Р.	ѡвѣгѡ	ѡвѣагѡ	ѡвѣгѡ	ѡвѣагѡ	ѡвѣоа	ѡвѣыа
Д.	ѡвѣо.мѣ	ѡвѣо.мѣ	ѡвѣо.мѣ	ѡвѣо.мѣ	ѡвѣоѣ	ѡвѣоѣ
В.	ѡвѣ	ѡвѣи	ѡвѣ	ѡвѣе	ѡвѣ	ѡвѣю
	ѡвѣго	ѡвѣаго				
Т.	ѡвѣмѣ	ѡвѣымѣ	ѡвѣмѣ	ѡвѣымѣ	ѡвѣою	ѡвѣою
М.	ѡвѣо.мѣ	ѡвѣо.мѣ	ѡвѣо.мѣ	ѡвѣо.мѣ	ѡвѣоѣ	ѡвѣоѣ
двойственное число						
И.-	ѡвѣа	ѡвѣаа	ѡвѣѣ	ѡвѣѣи	ѡвѣѣ	ѡвѣѣи
В.						
Р.-	ѡвѣю	ѡвѣю	ѡвѣю	ѡвѣю	ѡвѣю	ѡвѣю
М.						
Д.-Т.	ѡвѣма	ѡвѣыма	ѡвѣѣма	ѡвѣыма	ѡвѣѣма	ѡвѣыма
множественное число						
И.	ѡвѣи	ѡвѣѣи	ѡвѣа	ѡвѣаа	ѡвѣы	ѡвѣыа
Р.	ѡвѣхѣ	ѡвѣыхѣ	ѡвѣхѣ	ѡвѣыхѣ	ѡвѣхѣ	ѡвѣыхѣ
Д.	ѡвѣмѣ	ѡвѣымѣ	ѡвѣмѣ	ѡвѣымѣ	ѡвѣмѣ	ѡвѣымѣ
В.	ѡвѣы	ѡвѣыа	ѡвѣа	ѡвѣаа	ѡвѣы	ѡвѣыа
	ѡвѣхѣ	ѡвѣыхѣ			ѡвѣхѣ	ѡвѣыхѣ
Т.	ѡвѣми	ѡвѣыми	ѡвѣми	ѡвѣыми	ѡвѣми	ѡвѣыми
М.	ѡвѣхѣ	ѡвѣыхѣ	ѡвѣхѣ	ѡвѣыхѣ	ѡвѣхѣ	ѡвѣыхѣ

Помимо обычных для старославянского языка чередований **к-ц**, **г-з** и **х-с** у прилагательных в этих же падежах представлена еще

одна перегласовка – **ск-ст** (**сынъ чьловѣчь-ск-ыи – о сыноу чьловѣчь-ст-ѣмь**).

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В старославянском языке сравнительная степень прилагательных образуется при помощи суффиксов **-ъш-** или **-ѣиш-/–аиш-** (кроме форм именительного и винительного падежей единственного числа мужского и среднего рода, где конечный согласный перестал произноситься и мы имеем дело с «сокращенным» суффиксом). Прилагательные в сравнительной степени изменяются по мягким вариантам склонения: краткие формы – по типу **краи, морк, кѣнагыни** а полные – по типу **синии, синикк, сингага**.

	ст.-сл. мужской род	ст.-сл. средний род	ст.-сл. женский род
	единственное число		
И.	старѣи	старѣк	старѣиш-и
Р.	старѣиш-а	старѣиш-а	старѣиш-ѣ
Д.	старѣиш-ю	старѣиш-ю	старѣиш-и
В.	старѣи	старѣк	старѣиш-ѣ
Т.	старѣиш-къмь	старѣиш-къмь	старѣиш-къж
М.	старѣиш-и	старѣиш-и	старѣиш-и
З.	старѣиш-ю	старѣиш-к	
	двойственное число		
И.-	старѣиш-га	старѣиш-га	старѣиш-и
В.			
Р.-	старѣиш-ю	старѣиш-ю	старѣиш-ю
М.			
Д.-Т.	старѣиш-къма	старѣиш-къма	старѣиш-гама
	множественное число		
И.	старѣиш-к	старѣиш-га	старѣиш-ѣ
Р.	старѣиш-ь	старѣиш-ь	старѣиш-ь
Д.	старѣиш-къмь	старѣиш-къмь	старѣиш-гамь
В.	старѣиш-ѣ	старѣиш-га	старѣиш-ѣ
Т.	старѣиш-и	старѣиш-и	старѣиш-гамь
М.	старѣиш-ихъ	старѣиш-ихъ	старѣиш-гахъ

Обратите внимание, что форма именительного падежа единственного числа женского рода имеет «ослабленное» окончание **-и** (как **кѣнагын-и, ладн-и**), а форма именительного падежа множественного числа мужского рода – окончание **-к** (а не **-и**, как у существительных *ѡ-склонения).

Эти особенности сохраняются и у «полного» склонения (таблица склонения полных прилагательных уже приводилась).

Некоторые старославянские прилагательные образовывали формы сравнительной степени от другой основы. Некоторые прилагательные могли образовывать формы сравнительной степени от нескольких основ (**зълъ** > **горни**, **поуцини**), а некоторые формы сравнительной степени могли относиться сразу к двум прилагательным (**лоучни** < **благъ**, **добръ**):

	сравнительная степень		
	муж. род	ср. род	жен. род
малъ	мънии	мънк	мъньши
великъ	боли	болк	больши
мъногъ	вели		
	вацни	вацьше	вацьши
благъ, добръ	лоучни	лоуче	лоучьши
	оуни	оуньше	оуньши
	соуни	соульк	соульши
зълъ	горни	горьше	горьши
		горк	
	поуцини	поуцьше	поуцьши

Прилагательные **великъ**, **мъногъ**, **добръ** и **зълъ** могли образовывать сравнительную степень по общим правилам – **величан**, **мъножан**, **добрѣи**, **зълѣи**.

Значение превосходной степени выражалось в старославянском языке с помощью формы сравнительной степени с приставкой **нан-** (**нанстарѣи** ‘старейший, самый старый’, **нанскорѣк** ‘скорейшее, самое скорое’ и т. п.), а также с помощью сочетания формы сравнительной степени и родительного падежа множественного числа местоимения **вьсь** (**вьсьхъ старѣи** ‘самый старый, старше всех’).

Указание на высшую степень качества в старославянском языке часто выражалось с помощью прибавления к исходной форме прилагательного приставки **прѣ-** (**прѣвеликъ**, **прѣмждръ**, **прѣславенъ**), а также с помощью наречий **зѣло** и **вельми** (**вельми старъ**, **зѣло высокъ**).

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

В старославянском языке слова, обозначающие числа, еще не выделялись в отдельную часть речи, поэтому их правильнее было бы называть не *числительными*, а *счетными существительными* или *счетными прилагательными*.

Старославянские названия чисел 1, 2, 3 и 4 выступали в предложении прежде всего в роли определений, согласуясь с существительными в роде, числе и падеже, поэтому их называют счетными прилагательными.

Названия чисел 1 (*ѣдинъ, ѣдина, ѣдино* или *ѣднъ, ѣдна, ѣдно*) и 2 (*дъва, дъвѣ*) склонялись по типу местоимений *тъ, та, то*, при этом слово *дъва, дъвѣ* имело только формы двойственного числа (поскольку употреблялось для указания на два предмета). Обратите внимание на то, что в старославянском языке формы среднего рода этого слова объединены с формами женского рода (*дъва стола, дъвѣ селѣ, дъвѣ рыбѣ*), а не мужского, как в современном русском (*два стола, два села, две рыбы*). Для обозначения числа 2 в старославянском и в церковнославянском языках использовалось также слово *оба, обѣ*.

Старославянские названия чисел 3 и 4 склонялись по типу *гость* и *кость* и имели формы только множественного числа, поэтому формы косвенных падежей были для всех трех родов одинаковыми. В именительном падеже употреблялись формы *триє, четыреє* для мужского рода и формы *три, четыре* – для среднего и женского.

	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.
И.	триє, три	трѣе, трѣи	четыреє, четыри	четыреє, четыри
Р.	три	трѣѣхъ, трѣхъ	четырьє, четыри	четырьєхъ, четыри
Д.	трѣмъ	трѣѣмъ, трѣмъ	четырь.мъ	четыремъ
В.	три	трѣи, трѣѣхъ, трѣхъ	четыри	четыри
Т.	трѣми	трѣѣми, трѣми	четырь.ми	четырьми
М.	трѣхъ	трѣѣхъ, трѣхъ	четырь.хъ	четырьехъ

Обратите внимание на различия между старославянскими и церковнославянскими парадигмами. (Многие церковнославянские формы возникли по аналогии с другими формами. Так, по аналогии с формой *трѣе* появились формы *трѣѣмъ, трѣѣхъ, трѣѣми*, по аналогии с окончаниями других склонений в родительном падеже древние формы *три* и *четырь* заменены формами *трѣхъ, четырьехъ* и т. д.).

Все остальные старославянские названия чисел были *счетными существительными*.

Слова **пять**, **шесть**, **семь**, **осмь** и **девять** употреблялись в формах единственного числа и склонялись по типу **кость**. В отличие от русского языка это были существительные женского рода, которые могли иметь при себе не только несогласованное определение в форме родительного падежа, но и согласованное определение:

И.	дрѹгаѧ пѧть таланѣтъ	<i>другие пять талантов</i>
Р.	дрѹгыѧ пѧти таланѣтъ	<i>других пяти талантов</i>
Д.	дрѹгѣѣи пѧти таланѣтъ	<i>другим пяти талантам</i>
В.	дрѹгѣѣѧ пѧть таланѣтъ	<i>другие пять талантов</i>
Т.	дрѹгѣѣѧ пѧтиѧ таланѣтъ	<i>другими пятью талантами</i>
М.	дрѹгѣѣи пѧти таланѣтъ	<i>о других пяти талантах</i>

Обратите внимание на то, что в русском языке слово *другой* согласовано не с числительным *пять*, а с существительным *талант*.

Слово **десять** употреблялось во всех числах и имело окончания согласных склонений, однако еще в праславянскую эпоху в некоторые падежи проникли окончания *і-склонения, а в церковнославянском языке во множественном числе стали употребляться также окончания полных прилагательных:

	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.
	ед. число		дв. число		мн. число	
И.	десѧть	дѣсѧть	десѧти	десѧти	десѧте	десѧти
			десѧте	десѧтѣ	десѧти	десѧте
Р.	десѧте		десѧтоѹ	десѧтѣ	десѧтъ	десѧтъ
	десѧти	десѧти				десѧтихѹ
Д.	десѧти	десѧти	десѧтьма	десѧтьма	десѧтьмѣ	десѧти
						десѧтимѣ
В.	десѧть	дѣсѧть	= И.	= И.	десѧти	десѧти
Т.	десѧтиѧ	десѧтиѹ	= Д.	= Д.	десѧты	десѧтимѣ
	десѧтьѧ					
М.	десѧте		= Р.	= Р.	десѧтьхѹ	десѧтехѹ
	десѧти	десѧти				десѧтихѹ

Слово **съто** было существительным среднего рода и склонялось по типу **село**, а слово **тысяща** (иногда встречается написание **тысѣща**) – женского рода и склонялось по типу **земля**.

Старославянские названия чисел от 11 до 19 образовывались по типу **ѧдинѣ на десѧте**, **дѣва на десѧте**, при этом после сочетания **ѧдинѣ на десѧте** употреблялся тот же падеж, что и после слова **ѧдинѣ**, после сочетания **дѣва на десѧте** – что и после слова **дѣва** и т. д. Например:

ѧдинѣ чьловѣкъ	ѧдинѣ на десѧте чьловѣкъ
дѣва чьловѣка	дѣва на десѧте чьловѣка

трикъ чьловѣци	трикъ на десате чьловѣци
четыре чьловѣци	четыре на десате чьловѣци
пять чьловѣкъ	пять на десате чьловѣкъ
шесть чьловѣкъ	шесть на десате чьловѣкъ
седьмь чьловѣкъ	седьмь на десате чьловѣкъ
осьмь чьловѣкъ	осьмь на десате чьловѣкъ
девятъ чьловѣкъ	девятъ на десате чьловѣкъ

Числа типа 20, 30, 200, 300 передавались сочетаниями типа **дѣва десати, три десати, дѣвѣ сътъѣ, три ста.**

Слова **десать** и **съто** стояли после слов **пять, шесть, седьмь, осьмь** и **девятъ** в формах родительного падежа множественного числа, после слов **три** и **четыри** – в соответствующих падежах множественного числа, а после слова **дѣвѣ** – в соответствующих падежах двойственного числа (слова **дѣва, трикъ, четыре** были *счетными прилагательными*, то есть принимали те же падежи, что и существительное, с которым они были согласованы – в данном случае с существительным **десать** или **съто**):

	ст.-сл.	ст.-сл.
И.-В.	дѣвѣ десати	дѣвѣ сътъѣ
Р.-М.	дѣвою десатоу	дѣвою сътоу
Д.-Т.	дѣвѣма десатьма	дѣвѣма сътома
И.	три десате три десати	три съта
Р.	трини десатъ	трини сътъ
Д.	трьмь десатьмь	трьмь сътомь
В.	три десати	три съта
Т.	трьми десаты	трьми съты
М.	трѣхъ десатьхъ	трѣхъ сътѣхъ
И.	четыре десате четыри десати	четыри съта
Р.	четырь десатъ	четырь сътъ
Д.	четырьмь десатьмь	четырьмь сътомь
В.	четыри десати	четыри съта
Т.	четырьми десаты	четырьми съты
М.	четырьхъ десатьхъ	четырьхъ сътѣхъ

Числа типа 25, 108, 215 передавались в старославянском языке сочетаниями с союзом **и** типа **дѣвѣ десати и пять, съто и осьмь, дѣвѣ сътъѣ и пять на десате.**

Старославянские слова, обозначающие порядок предметов при счете (будущие *порядковые числительные*), согласовывались с существительным в роде, числе и падеже и могли выступать в полной или краткой форме: **пръвъ, пръва, пръво** или **пръвыи, пръвага, пръвок**; **въторъ, вътора, въторо** или **въторыи, въторага, въторок** и т. д.

Церковнославянский язык в целом сохранил старославянские названия чисел и принципы их упорядочения, однако некоторые слова стали выглядеть несколько иначе.

счетные существительные		счетные прилагательные		
СТ.-СЛ.	Ц.-СЛ.	СТ.-СЛ.	Ц.-СЛ.	
·а· ·в· ·г· ·д· ·е· ·з· ·н· ·ф· ·і· ·к· ·л· ·м· ·н· ·з· ·о· ·п· ·ч·	кдинъ, -а, -о дъва, -ѣ трѣ, три четыре, -и пять шесть седмь осмь девалтъ десалтъ дъвадесати тридесати четыридесате пятьдесалтъ шестьдесалтъ седмьдесалтъ осмьдесалтъ девалтъдесалтъ	ѣдинъ, -а-о два, -ѣ трѣ, три четыре, -и пять шесть седмь осмь дѣвалтъ дѣсалтъ дъвадесать тридесать четыредесать пятьдесалъ шестьдесалтъ седмьдесалтъ осмьдесалтъ дѣвалтъдесалтъ	пръвъ въторъ третии четвъртъ пять шесть седмь осмь девалтъ десалтъ дъвадесалтънь тридесалтънь четыредесалтънь пятьдесалтънь шестьдесалтънь седмьдесалтънь осмьдесалтънь девалтъдесалтънь	пѣрвый вторый третій четвѣртый пятьый шестьый седмый осмый дѣвалтъый дѣсалтъый дъвадѣсалтъый тридѣсалтъый четырдѣсалтъый пятьдѣсалтъый шестьдѣсалтъый седмьдѣсалтъый осмьдѣсалтъый девалтъдѣсалтъый
·р· ·с· ·т· ·у· ·ф· ·х· ·ѡ· ·ц· ·д· ·і·	съто дъвъѣ сътѣ три съта четыри съта пять сътъ шесть сътъ седмь сътъ осмь сътъ девалтъ сътъ тысащца тьма (=10000)	стѣ двъѣстѣ триста четыреста пятьсѡтъ шестьсѡтъ седмьсѡтъ осмьсѡтъ девалтъсѡтъ тысащца тьма	сътънь дъвосътънь трисътънь четырьсътънь пятьсътънь шестьсътънь седмьсътънь осмьсътънь девалтъсътънь тысащнь тьма	сѡтный двосѡтный трисѡтный четвертосѡтный пятьсѡтный шестьсѡтный седмьсѡтный осмьсѡтный девалтъсѡтный тысащный тьма

НАРЕЧИЕ

В старославянском языке, так же, как и в русском, наречия могли быть *непроизводными* и *производными*. Среди *непроизводных* или *первичных* следует назвать такие наречия, как **нынѣ**, **къдѣва**, **оуже**, **лвнк**, **неоу**. В большинстве же случаев наречие соотносилось с каким-нибудь существительным, прилагательным, местоимением и т. д., то есть было *производным*. С течением времени связь наречия с производящим словом могла утрачиваться, поэтому многие наречия, которые были производными в старославянском языке, в современном русском языке могут быть непроизводными.

Много старославянских наречий образовано от местоименных корней с– (**сь** ‘сей’, **скго**, **скмоу**), т– (**тъ** ‘тот’, **того**, **томоу**), к– (**къто**, **кого**), вьс– (**вьсь**, **вьскго**), он– (**онъ**, **оного**), ов– (**овъ** ‘этот, некоторый’, **ового**), ин– (**инъ** ‘иной’, **иного**), с помощью суффиксов **-де**, **-амо**, **-ждоу**, **-гда**, **-ли/-ль**, **-ако/-аче**.

Суффикс **-де** обладал значением места и присоединялся к перечисленным выше корням с помощью соединительного гласного ъ или ь: **сьде** ‘здесь’, **къде** ‘где’, **вьсьде** ‘езде’, **онъде** ‘там далеко’, **овъде** ‘здесь’, **инъде** ‘где-то’, **иде** ‘где-то там’.

Суффиксы **-амо/-ѣмо** и **-ждоу/-ждѣ** обозначали направление движения: **сьѣмо**, **сждоу** или **сждѣ** ‘сюда’ (с предлогом **отъ** **сждоу** ‘отсюда’), **тамо** ‘туда; там’, **тждѣ**, **тждоу**; **отъ** **тждоу** ‘туда; оттуда’, **камо** ‘куда’, **кждѣ**, **кждоу**; **отъ** **кждоу** ‘куда; откуда’, **вьсьѣмо** ‘во все стороны’, **вьсждѣ**, **вьсждоу**; **отъ** **вьсждоу** ‘всюду, отовсюду’, **оамо** ‘туда далеко’, **онждоу** ‘оттуда издалека’, **оамо** ‘сюда’, **овждоу** ‘отсюда; с этой стороны’, **инамо** ‘в иное место’, **инждоу**, **инждѣ** ‘из иного места’, **памо** ‘куда-то туда’, **пждоу** ‘откуда’ (Сравните также **овождоу** ‘с обеих сторон’ и **вънждоу** ‘извне’).

Суффикс **-гда** обозначал время и присоединялся к корню посредством соединительных гласных **-о/-е-** или **-ъ-**: **тогда** или **тъгда**, **когда** или **къгда**, **вьсгда**, **иногда** или **инъгда** ‘в иное время’, **овогда** или **овъгда** ‘сейчас; в это время’, **кгда** ‘когда; если’.

Суффикс **-ли/-ль** или **-лѣ** также образовывал наречия с временным значением и присоединялся к местоименному корню посредством **-о-** или **-е-**. Эти наречия часто употреблялись с предлогом: **сели** или **селѣ** ‘в это время’, **отъ** **селѣ** ‘с этого времени’, **до** **селѣ** ‘до этого времени’, **толи**, **толь** или **тодѣ** ‘столь; столько времени; в это время’, **до** **толѣ** ‘до тех пор’, **отъ** **толѣ** ‘с тех пор’, **коли**, **коль** или **колѣ** ‘насколько; сколько времени’, **до** **коли** или **до** **колѣ** ‘до каких пор’ (с частицей **ждо**: **коли** **ждо** ‘сколько раз’); **кли**, **къль** или **клѣ**

‘сколько; как много’, **донкли же** ‘до тех пор, пока’, **отънкли же** ‘с тех пор, пока’.

Старославянские наречия регулярно образовывались от качественных прилагательных с помощью суффикса **-о** или **-ѣ**: **выстро** и **выстрѣ**, **кратко** и **кратцѣ**, **горько** и **горьцѣ**. (По правилам церковнославянской орфографии конечный [о] в наречиях передается буквой **ѡ**, чтобы различать наречия и краткие прилагательные среднего рода: **гѡрькѡ** – наречие, **гѡрько** – краткое прилагательное).

От относительных прилагательных с суффиксом **-ьск-** типа **чловѣчьскъ**, **грѣчьскъ**, **мжжьскъ** наречия образовывались с помощью суффикса **-ы**: **глаголати грѣчьскы** ‘говорить по-гречески’. В современном русском языке такие причастия обычно употребляются с приставкой *по-* – *по-гречески*, хотя иногда встречаются и бесприставочные наречия – *рабски*, *мастерски*.

Довольно много старославянских наречий образовано от существительных и прилагательных с помощью суффикса **-ь**: **правь** ‘истинно’, **различь** ‘различно’, **свободь** ‘свободно’, **жтрь** ‘внутри’ (обычно с предлогами **из жтрь** ‘изнутри’, **вън жтрь** ‘внутри’).

Многие старославянские наречия представляют собой застывшие падежи существительных (без предлогов или с предлогами), в том числе таких существительных, которые уже вышли из употребления. Например, **ис_кони** ‘искони; с самого начала’ (*кѡнь ‘начало’, сравните однокоренное слово с противоположным значением **коньць**), **горѣ** (<гора) ‘наверху’ или ‘наверх’, **долѣ** (<долъ) ‘внизу’, **оутрѣ** ‘утром’, **домови** (<домъ) ‘домой’, **въ слѣдъ** ‘вслед’, **по срѣдѣ** ‘на середине’, **бес пристани** и т. д.

ПРЕДЛОГ

В старославянском и церковнославянских языках, в отличие от русского, не принято четко разграничивать предлоги и приставки, так как почти все так называемые *первичные* (то есть производные) предлоги могли использоваться также и в качестве приставок: въннѣти въ храмъ, донѣти до храма, отнѣти отъ храма и т. д.

Некоторые старославянские «предлоги» употребляются только в функции приставок: въз-нести, въс-ходить, про-вити, прѣ-стѣпнѣти, прѣ-добрѣ, раз-дѣлнѣти, рас-плати.

Помимо *первичных*, в старославянском языке употребляются и *производные* предлоги, образованные от других частей речи: влизъ, противъж, сквозъѣ, окрѣжъ, прѣжде, между, прѣма, ради, дѣла.

Иногда в функции предлогов использовались устойчивые сочетания существительных с предлогами: по срѣдѣ моря.

Обратите внимание на то, что церковнославянские предлоги прѣдъ, чрезъ и прѣ- пишутся, в отличие от старославянских прѣдъ, чърѣсъ и прѣ-, через букву *ѣ*, а не через букву *ѣ*.

У церковнославянских предлогов везъ, возъ, ѣзъ, ѡбъ, надъ, подъ, чрезъ, прѣдъ конечная буква *ѣ* часто опускается. В таких случаях над последней согласной буквой появляется *наерок* ' (вез', воз', ѣз', ѡб', над', под', чрез', прѣд'), который сохраняется и в тех случаях, когда предлог используется в качестве приставки (ѣз'вѣразнѣти, вез'образѣе, ѡб'лѣтѣ, под'ѣмлю).

Старославянский предлог отъ по-церковнославянски пишется ѡ.

СОЮЗЫ И ЧАСТИЦЫ

Для старославянского языка не принято разграничивать союзы и частицы так как одни и те же служебные слова, соединяющие предложения или части предложения, могли использоваться и для выражения различных смысловых и модальных оттенков.

Наиболее употребительными союзами в старославянском языке были союзы **и** (**ни**), **а**, **нъ**, **да**, а наиболее распространенными частицами – частицы **бо** (**нбо**, **оубо**), **же**, **ли**, **не**:

и съниде дъждь и придж рѣкы и възвѣаша вѣтри ... не зови друѣгъ твоихъ ни братриа твоѣа ... жатва оубо мънога а дѣлатель мало ... нѣсть оумрѣла нъ съпитъ ... не осждаите да не осждени бждете имъ же бо сждомъ сждите сждатъ вамъ.

Следует отметить также условный союз **аще** (**аще просиши дамъ ти**) и наречия **яко**, **егда**, **иде**, **кли**, **къма**, **коли**, **прѣжде**, **любо**, которые часто выступали в качестве союзов и союзных слов.

Местоименное наречие **яко** могло выступать в качестве изъяснительного союза (**оувѣдѣвъше яко възлежитъ въ храмниѣ — узнав, что он находится в доме ...**), а также могло выражать значения

- образа действия: **и остави намъ длъгы наша якоже и мы оставиакъмъ длъжьникомъ нашимъ**;
- причины: **градѣте яко оуже готова сжтъ всѣа** ‘приходите, потому что уже все готово’;
- условия: **что сътворижъ яко господь мои от’емлетъ строкниѣ домоу отъ мене** ‘что я буду делать, если мой господин отстранит меня от управления хозяйством’;
- следствия: **и се тржсъ великъ быстъ въ мори яко покрывати сѧ кораблю вълнами** ‘и вот случилась в море сильная буря, так что лодку стало заливать волнами’.

Обратите внимание еще на некоторые употребительные старославянские союзы: **егда** **зъванъ бждеши на бракъ** ‘когда тебя пригласят на свадьбу’, **даждь ми въ займъ три хлѣбы иде друѣгъ ми приде съ пжти къ мъниѣ** ‘дай мне займы три хлеба, так как ко мне зашел мой друг’, **прѣжде даже** **кокотъ не възгласитъ дѣва краты** ‘прежде чем петух пропоет дважды’, **къма** **господинъ мои не вѣстъ** ‘если господин мой не знает’.

ТЕКСТЫ ДЛЯ АНАЛИЗА

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЕ ТЕКСТЫ

Сказание о письменах черноризца Храбра

«Сказание» написано в конце IX века в Болгарии в период ее наивысшего могущества, когда она подражала Византии и даже успешно соперничала с ней. Известно более 70 списков «Сказания», к сожалению, относящихся к более позднему периоду (XIV-XVI вв.). Ниже приводится нормализованный (то есть реконструированный) текст по хрестоматии Ст. Стоянова и М. Янакиева¹⁹⁰.

Прѣжде оубо словѣне не имѣахъ кѣн'игъ, нѣ чрьтами и рѣзани чьтѣахъ и гатаахъ, погани сжште. Кръстивъше же са, римьскѣими и гръчскѣими писменъи нѣждаахъ са пьсати словѣньскъ рѣчь без_оустроенъа. Нѣ како можетъ са пьсати доврѣ гръчскѣими писменъи богъ, или животъ, или зѣло, или црькы, или чапаньк, или широта, или гадъ, или ждоу, или ѣзыкъ и ина подобнаа симъ. И тако вѣша мѣнога лѣта.

По томъ же чьловѣколюбьць богъ, строиши всѣа и не оставляши чьловѣча рода без_разоума, нѣ всѣа къ разоумоу привода и съпасенью, помиловавъ родъ словѣньскъ, посъла имъ свѣтакогъ Конъстантътина Философа, нарицаемакогъ Кирила, мѣжа правдѣна и истиньна, и сътвори имъ писмена три десѣте и осмь, ова оубо по чиноу гръчскѣихъ писменъ, ова же по словѣньстѣи рѣчи...

Се же сжтѣ писмена словѣньскаа, сице га подобактѣ пьсати и глаголати: а, б, в, г и прочаа.

Дроузни же глаголятъ: по чьто кстѣ ли писменъ сътворишь. а можетъ са и мѣнъшемъ того пьсати, такоже и гръци дѣвѣма десѣтьма и четърьма пишжтѣ. И не вѣдатъ колицѣмъ пишжтѣ гръци; кстѣ бо дѣва десѣте и четъри писменъ, нѣ не напѣнаахъ са тѣми кѣн'игы, нѣ приложили сжтѣ дѣвогласньихъ ай, и въ чисменьхъ же три: шесток и девѣтдесѣтьнок и девѣтсѣтьнок и съвиражтѣ ихъ три десѣте и осмь. Тѣмъ же томоу подобьно и въ тѣжде образъ сътвори свѣтъи Кирилъ три десѣте писменъ и осмь.

Дроузни же глаголятъ: чьсомоу же сжтѣ словѣньскы кѣн'игы. Ни того бо кстѣ богъ сътворишь, ни то ангели, ни сжтѣ иждеконьны, тако жидовьскы и римьскы и каньскы, иже отъ кони сжтѣ и прияти сжтѣ богомъ.

¹⁹⁰ Стоянов Ст., Янакиев М. Старобългарски език. Текстове и речник. – София, 1972.
176

А друзѣни мьнатъ, тако богъ самъ кстѣ сътвори лъ писменѣ, и не вѣдатъ са чѣто глаголюшѣте о каганинѣ. И тако трѣми ѡзѣкѣти повелѣлъ богъ кѣн'игамъ бѣти, тако же въ кѣланѣгелинѣ пишеть: и бѣ дѣска напѣсана жидовскѣти, и римскѣти и кѣлинскѣти, а словѣнскѣти нѣстѣ тоу, тѣмъ же не сѣтѣ словѣнскѣти кѣн'игѣ отъ бога.

Кѣ тѣмъ чѣто глаголѣмъ или чѣто речемъ кѣ тацѣмъ безоумьнѣмъ. Обаче речемъ отъ сватѣихъ кѣн'игъ, такоже наоучихомъ са, тако всѣа по радоу бѣваѣтѣ отъ бога, а не отъ иного. Нѣстѣ бо богъ сътвори лъ жидовскѣа ѡзѣка прѣжде, ни римскѣа, ни кѣлинскѣа, нѣ сирѣскѣти, имже и Адамъ глагола, и отъ Адама до потопа, и отъ потопа донѣдеже богъ раздѣли ѡзѣкѣти при стлѣпотворенѣи, такоже пишеть: размѣшеномъ же бѣвъшемъ ѡзѣкомъ. И такоже са ѡзѣци размѣсиша, тако и нѣрави и обѣчани и оустави и закони и хѣтѣрости на ѡзѣкѣти: кѣгѣптѣномъ же зем'елѣренѣк, а перѣсомъ и халѣдеомъ и асиреомъ звѣздочѣтенѣк, влѣшвенѣк, врачеванѣк, чарованѣа и всѣа хѣтѣростѣ чѣловѣча; жидовомъ же сватѣи кѣн'игѣти, кѣ нѣихъ же кстѣ пѣсано, тако богъ небо сътвори и землѣ и всѣа, таже на нѣен, и чѣловѣка и всѣа по радоу, такоже пишеть; кѣлиномъ же граматикѣнѣк, ритѣрикѣнѣк, философѣнѣк. нѣ прѣжде сего кѣлини не имѣахѣ своимъ ѡзѣкомъ писменѣ, нѣ финѣнскѣи пи менѣ пѣсаахѣ свои сѣ рѣчѣ. И тако бѣша мѣнога лѣта. Пана мидѣ же послѣжде пришѣдѣ, начѣнѣ отъ алѣфы и витѣи шестѣ на десѣте пи менѣ тѣкѣмо кѣлиномъ обрѣте: приложи имъ кадѣ мѣли сѣи пи менѣа три. Тѣмъ же мѣнога лѣта девѣти на десѣте пи менѣ пѣсаахѣ. И по томъ Симонидѣ обрѣтѣ приложи дѣвѣ пи менѣ, Спихарни же сказатѣлѣ три пи менѣа обрѣте, и съвѣра са нѣхъ дѣва десѣти и четѣри. По мѣнозѣхъ же лѣтѣхъ Дионисѣ граматикѣ шестѣ дѣвогласѣнѣихъ обрѣте, по томъ же друѣги пѣть, и друѣги три пи менѣа. И тако мѣнози мѣноги лѣта кѣдва съвѣраша лѣ пи менѣ. По томъ же мѣногомъ лѣтомъ минѣвѣшемъ, божѣемъ повелѣнѣемъ обрѣте са седѣмъ десѣтѣ мѣжѣ, иже прѣложиша отъ жидовскѣа на грѣчскѣи ѡзѣкѣ. А словѣнскѣи кѣн'игѣти кѣдинѣ сватѣи Конѣстанѣтинѣ, нарицаѣмѣи Кѣрилѣ, и пи менѣа сътвори и кѣн'игѣти прѣложи въ малѣхъ лѣтѣхъ; а они мѣнози. И мѣноги лѣтѣи седѣмъ нѣхъ пи менѣа оустѣриша, а седѣмъ десѣтѣ мѣжѣ прѣложенѣк. Темъ же словѣнскѣа пи менѣа сватѣиша сѣтѣ и чѣстѣнѣиша, сватѣ бо мѣжѣ сътвори лъ та кстѣ, а грѣчскѣа кѣлини погани.

Аште ли кѣто речеть, тако нѣстѣ оустѣри лъ добрѣ, понѣе са постраѣтѣ и кште, отѣвѣтѣ речемъ сѣмъ: и грѣчскѣти такоже мѣногашѣди сѣтѣ постраѣли Акила и Сѣмахѣ и по

томъ ини мѣнози. Оудобѣк бо кстѣ послѣжде потворити, неже прѣвожъ сѣтворити.

Аште бо въпросиши кѣн'игъчнѣа грѣчьскѣа, глагола, кѣто въ кстѣ писмена сѣтворилъ или кѣн'игъ прѣложилъ, или въ коѣ врѣмѣа, то рѣдѣци отъ н'ихъ вѣдатъ. Аште ли въпросиши свовѣнскѣа воукар'а, глагола: кѣто въ писмена сѣтворилъ кстѣ или кѣн'игъ прѣложилъ, то вси вѣдатъ и отъвѣштавшѣ рекжтъ: сватты Конѣстанѣтинъ Философъ, нарицаемъи Курилъ, тѣ намъ писмена сѣтвори и кѣн'игъ прѣложи, и Меѣодикъ, братръ его; сжтѣ бо кште живи, иже сжтѣ видѣли ихъ. И аште въпросиши въ коѣ врѣмѣа, то вѣдатъ и рекжтъ, како въ врѣмена Михаила, цѣсарѣа грѣчьска, и Борнса, кѣназа блѣгарьска, и Растица, кѣназа моравьска, и Коцела, кѣназа влатънъска въ лѣто же отъ сѣзъданъа всѣего мира 572г. Сжтѣ же и ини отъвѣти, яже инѣде речемъ, а нѣинѣ нѣстѣ врѣмѣа. Такъ разоумъ, братрък, богъ кстѣ далъ словѣномъ, кмоужѣ слава и чѣстъ и дрѣжава и поклон'еньк нѣинѣ и присно и въ бесконъчнѣа вѣкы. Аминь.

Зографское евангелие

Глаголическое четвероевангелие XI (по некоторым версиям, X) века, получившее свое название от Зографского монастыря на Афоне, где оно было обнаружено. В 1860 году было подарено Александру II, который передал ее Публичной библиотеке в Петербурге. Приводится по хрестоматии Ст. Стоянова и М. Янакиева.

От Луки 23: 32-49

32 вѣдѣахъ же ꙗко ина зѣлодѣѣ дѣва сѣ н'имъ оувитъ. 33 ꙗкогда приходша на мѣсто нарицаемое краниво. тоу ꙗко пропаша. ꙗко зѣлодѣа ового оубо о деснѣж. а дроугаего о лѣвѣжъ распаша. 34 ꙗкоже глаашѣ. оче отъпоустѣ имъ. не вѣдатъ бо са чѣто творатъ. раздѣлѣвшѣ ризы его метаахъ жрѣбьѣа. 35 ꙗко стоѣахъ людьѣ зѣршѣте. подражаахъ же ꙗко кѣнази глашѣте сѣ н'ими. ины естѣ спѣлъ. да спѣтъ ꙗко са. аште сѣ естѣ хѣ снѣ жѣи избѣраны. 36 ржгаахъ же са емоу ꙗко воиши пристѣпажшѣте. оцѣтѣ придѣжшѣте емоу. 37 ꙗко глашѣте аште ты ꙗко цѣрь юдеискъ. спи са самъ. 38 вѣ же ꙗко написанъе написано. надъ н'имъ кѣн'игами елинъсками. ꙗко римсками. ꙗко еврѣискими. сѣ естѣ цѣрь юдеискъ. 39 единъ же отъ обѣшеноу зѣлодѣю хоулаѣашѣ ꙗко гла. аште ты ꙗко еси хѣ спи са самъ. ꙗко ны. 40 отъвѣштавъ же дроугы прѣштаашѣ емоу гла. ни ли ты воиши са ба. ꙗко въ томъжде осждени еси. 41 ꙗко вѣ оубо въ правѣдж. достоинаа бо дѣломъ наю въсприем'евѣ. а сѣ ничѣсоже зѣла не сѣтвори. 42 ꙗко глаашѣ ꙗко сви помани ми ги. ꙗкогда придѣши въ цѣрси твоѣмъ. 43 ꙗко рече емоу ꙗко аминъ глажъ тебѣ. дньсь сѣ множъ вѣдѣши въ

раи.44 бѣ же ѣко година шестаа. і тѣма бѣ по всеи землѣ. до
 години девяти.45 і слѣнцю мръкѣшю. і катапетазма
 црѣковѣнаѣ. раздѣра сѧ. на дѣвое отъ горы до низъ. 46 і
 възглашѣ глашѣмъ вельемъ ис рече. оче въ ржцѣ твои прѣдаѣ
 дхъ мой. і се рекъ издѣше.47 видѣвъ же сътѣникъ бѣвъшее.
 прослави ва гла. въ истинѣ чкъ съ правдынѣ бѣ.48 і вси
 пришедѣшеи народи на позоросѣ. видаште бѣваѣштаа. выште
 прѣси своѧ възвращаѣхъ сѧ.49 стоѣхъ же вѣси знаеми его
 издадече. і жены въшедѣша съ нѣмъ. отъ галилеѧ зрѣшта
 сихъ.

Маринское евангелие

Глаголическое четвероевангелие XI века, получившее название от
 монастыря св. Богородицы на Афоне, где этот памятник был найден в
 1842 году В.И. Григоровичем. Хранится в Государственной библиотеке
 в Москве. Приводится по хрестоматии Н. Каринского¹⁹¹.

От Матфея 14: 1-13

1 въ врѣмѣ оно оуслышавъ иродъ тетрархъ слоухъ исѣвъ.2 і рече
 отрокомъ своимъ. съ естѣ иоанъ крѣститель. тѣ възкресе отъ
 мрътвѣхъ. і сего ради силѣ дѣѣтъ сѧ о немъ.3 іродъ бо емъ
 иоанѣ съваза и. і въсади и въ темницѣ. іродѣды ради жены
 филипа брата своего.4 глаше бо емоу иоанъ. не достоинъ ти
 имѣти еѧ.5 і хотѣ и оувити оубоѣ сѧ народа. зане ѣко прѣ
 имѣхъ и.6 дѣни же бѣвшоу розства иродова. пласа дѣшти
 иродѣдина по срѣдѣ и оугоди иродови 7 тѣмъ же съ клатвоѣ
 издрече ен дати егоже аште възпроситѣ.8 она же наваждена
 матерѣ своѣѣ. даждѣ ми рече съде. на мисѣ главѣ иоана
 крѣстителѣ.9 і печаленъ бѣ црѣ. клатвѣ же ради и
 възлежацихъ съ нимъ. повелѣ дати и.10 і пославъ оуѣкѣ
 иоана въ темници.11 і принѣса главѣ его на мисѣ. и даша
 дѣвѣи. і несе матерѣ своѣи.12 и пристѣпше оученици его
 възаса тѣло его. и погрѣса е. і пришедѣше възвѣстиша исѣви.13
 і слышавъ ис. отиде отътоудѣ въ кораблѣ. въ поусто мѣсто
 единъ. і слышавѣше народи по немъ идоу пѣши отъ градъ.

От Матфея 24: 14-22

14 і проповѣстѣ сѧ еѣнѣли црѣствиѣ по всѣи вселенѣи. въ
 стѣвѣдѣтельство всѣмъ ѧзыкомъ. и тѣгда придетъ коньчина.·
 15 егда же оузрите мръзость запоустѣниѣ. реченѣѣ даниломъ
 прѣмъ. стоѣштѣ на мѣстѣ. іже чѣтетъ да разоумѣваатѣ. 16

¹⁹¹ Каринский Н. Хрестоматія по древне-церковно-славянскому и русскому языкамъ. Часть первая. – СПб., 1904.

тѣгда сѣштен въ юден да вѣгажтѣ на горы·17 ꙗже на кровѣ да не сълазитѣ възати еже естѣ въ храмѣ его·18 ꙗже на селѣ такожде да не възвратитѣ са възпатѣ· възатѣ ризѣ своихъ·· 19 горе же непраздѣнымъ и доуштимъ въ тѣ дни·· 20 молитѣ же са да не вѣдетѣ вѣство ваше зимѣ ни въ соботѣ·21 вѣдетѣ во тогда скръвь великѣ· ꙗже нѣстѣ была отъ начала въсего мира доселѣ· ни иматѣ вѣгити·22 и аще не виша прѣкратили са дѣне ти· не би оубо съпслса въсѣка плѣтъ·

От Марка 12: 13-17

13 ꙗже послаша къ нему единѣ отъ фарисѣи· ꙗже иродиѣны да и вѣ облыстали словомъ·14 они же пришедѣше глаша ему оучителю· вѣмъ ꙗко истиненъ еси ꙗже не родиши ни ° комъже· не зриши бо на лице члвкомъ· нѣ въ истинѣ пѣти вѣнию оучиши· достоинъ ли дати киньсѣ кесареву или ни· дамъ ли или не дамъ·15 онъ же вѣдѣи ихъ лицемѣрие рече имъ· чѣто ма окоушаате· принесѣте ми пѣнѣзъ да виждѣ·16 они же принѣса и гла имъ· чни естѣ образъ съ и написанне· они же рѣша ему кесаровъ·17 ꙗже отъвѣщавъ исъ рече имъ· кесарова въздадите кесарову· ꙗже вѣниѣ вѣи и чюдиша са о немъ·

Ассеманиево евангелие

Глаголическое служебное евангелие (краткий апракос) XI века, вывезенное в XVIII веке итальянским востоковедом Ассемани из Иерусалима для Ватиканской библиотеки (поэтому данный памятник известен также и как Ватиканское евангелие). Первый фрагмент приводится по хрестоматии Н. Каринского, второй – С. Стоянова и М. Янакиева.

От Матфея 8: 14-23

14 въ оно ^в пришедъ исъ въ домъ петровъ· ꙗже видѣ тѣштѣ его· лежащѣ огнемъ жегомъ·15 ꙗже прикоснѣ са рѣцѣ ѣа· ꙗже остави ѣа огнь· ꙗже вѣста ꙗже слоужааше ему·16 поздѣ же вѣвѣшю привѣса къ нему вѣстѣныи многы· ꙗже изгна словомъ доухъ· ꙗже вѣса недѣжнѣныи ицѣа·17 да съвѣдетѣ са реченое исанемъ про ромъ глацемъ· тѣ недѣжнѣ наша приатѣ ꙗже болѣзни понесе·18 оузырѣвъ же исъ многъ народъ окрѣстѣ себе· повелѣ ити на онъ полъ·19 ꙗже пристѣпѣ единъ отъ· кѣнижнѣкъ рече ему· оучителю ижд по тевѣ вѣмъже кождо идеши·20 и гла ему исъ· лиси вѣзвѣныи имѣтѣ· ꙗже пѣтица несѣныи гнѣзда· а снѣ члчѣ не иматѣ кѣде главы подѣклонити·21 дроугѣ же отъ оученикъ рече ему· гѣ повели ми прѣжде ити ꙗже погрети оца моего·22 исъ же гла ему· по мнѣ иди· ꙗже остави мртѣвѣныи погрети своѣа мртѣвѣца·23 ꙗже вѣлѣзѣшю ему въ корабѣ· по немъ ижд оученикъ его··

От Матфея 19: 16-26

16 въ"о юноша етеръ пристъпи къ исви. молай и гла. оучителю
благы. чьто благо сътвориш. да имамъ животъ вѣчнъи.17 онъ
же рече емоу. чьто ма глещи блага. никтоже благъ тькъмо бѣ
единъ. аще ли хощеши въ животъ вѣчнъи вѣннѣти. съблуди
заповѣди.18 гла емоу кѣнѣа. исъ же рече емю еже не оубиеш. не
прѣлюбь сътвориши. не оукрадеш.19 чьти оца и матер. и
възлюбнши искрѣнѣаго своего ако и самъ са.20 гла емоу юноша.
всѣ си съхраних о"т юности моеа. чесо есмъ еце не доконъчалъ.21
и рече емоу исъ. аще (хоще)ши съврѣшенъ бѣти. иди и
продаждъ имѣнѣе твое. и даждъ ницимъ. и имѣти имашн
съкровиште на нѣсхъ. и приди въ слѣдъ мене.22 слышавъ же
юноша слово се отиде скрѣва. бѣ бо имѣа сътажаниѣ мьнога.23
исъ же рече оученикомъ своимъ. ами" глѣж вамъ ѣко не оудобь
въидеть богатъ въ црѣство нѣсное.24 пакы глѣж вамъ. ѣко
оудобѣе естъ вельбѣдоу сквозѣ оуши иглинѣ пронти. нежелн
богатоу. въ црѣстве бже вѣннѣти.25 слышавъше же оученици.
дивѣахъ са сѣло глѣше. кто оубо можетъ спсень бѣти. и
възрѣвъ исъ рече имъ. ѿ чкъ невъзможна. а о"т ба всѣ
възможна сятъ.:

Синайский требник

Глаголический требник (молитвенник), найден и хранится в монастыре св. Екатерины на Синае. Составлен в XI веке. Приводится по хрестоматии Ст. Стоянова и М. Янакиева.

Молитва над виноградной лозой

тѣи еси хе виноградъ истинъи. и оць твон дѣлатель естъ. тѣи
своа аплы лозие нареклъ еси. тѣи илѣ отъ еѣюпта прѣнесе. и
изгна ѣзъикы и насади ѣ. такожде и нынѣ призьри на
виноградъ съ. и насади и. и оукорени и. и оугажени м"стѣ твоиж на
нь. ограда и острогомъ. въходъи и исходъи его. избави отъ снѣга. и
отъ мраза. и отъ града носима боуреж. в"н ѣко милостивъи
чклюбець бѣ еси. и тебѣ ./.

Молитва при жатве

г"и бже чклюбче плоды ѣже еси далъ намъ. и хъже сънидоша са
раби твон жатъ. възложи на на блгвенне твое. и влажданимъ
ими. подажди спнне твое. да имъще говезне твое. подадатъ и
ницимъ. добросътворенне. и сего ради прими. отъ всѣхъ
покланѣнне. в"н тебѣ бо подоваеть всѣ слава. шцю и сноу и./.

Саввина книга

Кириллическое служебное евангелие (краткий апракос), открытое И. И. Срезневским и названное им так из-за имеющейся на листе 49 приписки поп сава џалъ. Некоторые исследователи относят его к X веку. Приводится по хрестоматии Ст. Стоянова и М. Янакиева.

От Матфея 18: 23-35

23 рече гъ притъчжъ снѣжъ подобно естъ црѣственѣ нѣкое члкъоу црю. иже иэволи съвѣщати слово съ рабѣи свои. 24 зачѣнъшю же ёмоу сѣрицати слово. приведе сѣ ёмоу ёдинъ длъжъникъ тѣмѣ талантъ. 25 и не имжю ёмоу что въздати. повѣлѣ ёмоу гъ продати сѣ. и женжъ и все имѣннѣ свое. 26 падъ же рабъ онъ кланаше сѣ ёмоу. гла гѣ потрѣпи о мнѣ. и все ти въздамъ. 27 милосръдовавъ же гъ раба того. отъпусти и и длъгъ отъдасть ёмоу. 28 и шъдъ рабъ тѣ обрѣте ёдиногъ отъ подроугъ своихъ. иже бе длъжънъ ёмоу рѣмъ пѣназъ. и имъ. ёго внаше. и гла въздаждъ ми имъже ёси длъжънъ. 29 падъ же подроугъ онъ молѣше и гла. потрѣпи о мнѣ и въздамъ ти. 30 онъ же не хотѣше. нъ ведъ и въсади въ тѣмьницѣ. дондеже въздасть всъ длъгъ свои. 31 видѣвъше же подроузи ёго бѣважцаѣ. съжалиша си зѣло. и пришъдъше съказаша гѣи ёго. вса бѣвъшаѣ. 32 тогда призъвавъ ёго гъ гла ёмоу. рабе лжкавъ. въсь длъгъ твои оставихъ тебе. понеже моли ма. 33 не подобаше ли и тебе помилвати подроуга своего. такоже и азъ тебе помилвахъ. 34 и прогнѣвавъ сѣ гъ ёго. прѣдасть и мжчителю. дондеже въздасть всъ длъгъ свои. 35 такоже и оцъ мой нескы. створитъ вамъ. аще не отвасте къждо братоу своему. отъ срѣцъ вашихъ. прѣгрѣшени аминъ

Остромирово евангелие

Кириллическое служебное евангелие (краткий апракос), переписанное в 1056-1057 гг. на Руси с восточноболгарского оригинала для новгородского посадника Остромира. Приводится по хрестоматии Н. Каринского.

От Матфея 25: 1-13

1 рече гъ притъчжъ снѣжъ подобно ксть црѣствикъ небесноу. десяти дѣвъ ѣже примъша свѣтильникы свои. изидоша противъ женихоу. и невѣстѣ 2 патъ же вѣ отъ нихъ боуи. и патъ мждръ 3 боуѣѣ бо примъша свѣтильникы свои. не възаша съ собожъ елѣѣ 4 а мждръѣѣ приѣша елѣѣ. въ съсждѣхъ съ свѣтильникы своими 5 моудѣоу же женихоу. въздрѣмаша сѣ вса и съпаахъ 6 полоуноци же въплъ вѣсть се женихъ идеть. исходите въ срѣтеникъ кмъ 7 тогда възташа

вса дѣвѣ ты и оукрашиша свѣтильникы своя 8 а боуша рекоша мудрымъ дадите намъ отъ оуба вашего тако свѣтильници наши оугасажтъ 9 отвѣщаша мудрыя глѣща еда како не достанетъ вамъ и намъ идѣте же паче къ продажциимъ и коупите себѣ 10 иджцамъ же имъ коупитъ. приде женихъ. и готовыя внидоша съ нимъ на бракъ. и затворены быша дври послѣдъ же. 11 придоша и прочыа дѣвѣты глѣща ги ги отверзи намъ 12 онъ же отвѣщавъ рече аминъ. глѣж вамъ не вѣмъ васъ 13 вѣдите оубо. тако не вѣсте дне ни часа. вѣньже сынъ чловѣчскыи придетъ.

От Луки 14: 16-24

16 рече гъ притъчъ снж члкъ нѣктын. сътвори вечерж великж. и зъва мѣногы и посъла рабъ свои. 17 въ годъ вечери. рещи зъванымъ придѣте. тако оуже оуготована сжтъ вса 18 и начаша вѣкоупѣ. отрицати са вси прѣвыи рече кмоу село коупихъ. и имаамъ ноуждъ. изити и видѣти к моиж та. имѣи ма отърочна 19 и дроугы рече сжпржгъ воловнынхъ. коупихъ патъ. и хоцж искжситъ ихъ моиж та. имѣи ма отърочна 20 и дроугы рече женж поухъ и сего ради не мож прити 21 и пришьдъ рабъ тъ повѣда господиноу своемоу се тогда разгнѣвавъ са гъ домоу. рече рабж своемоу. изиди скоро на распгнѣва. и стьгны градоу и ницама. и вѣднныа. и хромыа и слѣпыа введе сѣмо 22 и рече рабъ. ги. вѣистъ кже повелѣ и кще мѣсто ксть 23 и рече гъ рабоу. изиди на пжти и халжгы. и оубѣди вѣнити. да наплънитъ са домъ мой 24 глѣж бо вамъ тако ни кдинъ же мжж тѣхъ зъванынхъ. не вѣкоуситъ можа вечера мѣнози бо сжтъ зъвани и. мало же избъранынхъ.

От Иоанна 4: 5-14

5 въ оно врѣма. приде исъ въ градъ самаренскъ. нарицаемъ соухаръ. близъ вси ѣже дастъ иаковъ носифоу сыноу своемоу 6 бѣ же тоу стжденьць иаковъ исъ же троуждъ са отъ пжти сѣдѣаше тако на стжденьци. година же бѣ тако шестаа 7 приде жена отъ самариа почрѣтъ воды. гла ки исъ даждъ ми пити 8 оученици бо кго ошьли вѣахж въ градъ. да брашьно коупатъ гла кмоу 9 жена самаряныи како ты иудей сы. отъ мене пити просиши жены самаряныиа сжца не прикасажтъ бо са иудей самарѣнехъ 10 отвѣща исъ и рече аще бы вѣдѣла даръ вжи. и кѣто ксть глаголаи ти даждъ ми пити. ты бы просила оу кго. и далъ ти бы водж живж 11 гла кмоу жена ги. ни почръпальника имаш. и стоуденьць глжбокъ ксть. отъкждоу оубо имаши водж живж 12 еда ты боли ки оца нашего иакова. иже дастъ намъ стоуденьць. и тъ из кго пи и сынове

кго и скоти кго 13 отъвѣща исъ и рече ки всѣмъ пиши отъ
воды сеѣ. възжаждетъ сѣ пакы. 14 а иже пиетъ отъ воды
иже азъ дамъ кмоу. не имать възжадати сѣ въ вѣкъ нъ вода
иже азъ дамъ кмоу. вждетъ въ нѣмъ источникъ воды
истѣкающа въ животъ вѣчныи

Параллельный текст Маринского и Остромирова евангелий

Приводится по хрестоматии Н. Каринского

От Матфея 26: 26-39

Маринское евангелие

26 ѣджемъ же имъ. примь
исъ хлѣвъ и блгшть. прѣломи
и даѣше оученикомъ своимъ.
ї рече примѣте ѣдите се
естъ тѣло мое. 27 ї примь
чашъ и хвалъ въздавъ.
дастъ имъ глѣ. пиите отъ
неѣ вси 28 се естъ кръвь
моѣ новааго завѣта.
проливаемаа за мъногы въ
отъдание грѣхомъ. 29 глѣ же
вамъ. ѣко не имаамъ пити
юже отъ сего плода
лозьнааго. до того дъне егда
пѣж съ вами новъ въ
црствни отца моего. 30 ї
въспѣвъше изидъ въ горъ
елеонъскъ. 31 тѣгда глѣ имъ
исъ. вси вы съблзните сѣ о
мънѣ въ съж ношть. писано бо
естъ пораждъ пастырь и
разиджтъ сѣ овца стада.
32 по въскрьсновенни же моемъ.
варѣж вы въ галилен. 33
отъвѣщавъ же петръ рече
емоу. аште и вси
съблзнатъ сѣ о тебѣ. азъ
николи же не съблзнихъ сѣ.
34 рече емоу исъ. аминь глѣ
тебѣ. ѣко въ съж ношть
прѣжде даже кокотъ не

Остромирово евангелие

26 ѣджемъ же имъ. примь
исъ хлѣвъ. и благословивъ и
прѣломи и даѣше
оученикомъ своимъ и рече
примѣте и ѣдите се ксть
тѣло мое 27 и примь чашъ
хвалъ въздавъ. дастъ имъ
глѣ пиите отъ неѣ вси 28
се ксть кръвь моя
новаагозавѣта. проливаемаа
за мъногы. въ оставленни
грѣховъ. 29 глѣ же вамъ
яко не имаамъ пити оуже
отъ сего плода лозьнааго. до
того дъне. кгда и пиж съ
вами новъ. въ црствни оца
моего 30 и въспѣвъше.
изидоша въ горъ клеонъскъ
31 тогда глѣ имъ исъ. вси
вы съблзните сѣ о мънѣ.
въ снж ношь писано бо ксть.
пораждъ пастыря. и разиджтъ
сѣ овца стада 32 по
въскрьсновенни же моемъ
варѣж вы въ галилен 33
отъвѣщавъ же петръ. рече
кмоу аще и вси съблзнатъ
сѣ о тебѣ азъ. николи же не
съблзнихъ сѣ 34 рече же кмоу
исъ аминь. глѣ тебѣ. яко въ
снж ношь. прѣжде даже

възгласитъ. три краты
 отвъръжеша мене. 35 гла
 емоу петръ. аште ми са
 ключитъ съ тобоуж оумръѣти.
 не отвъръж са тебе.
 такожде и вси оученици
 рѣша. 36 тѣгда приде исъ. въ
 весь нарицаемъжъ ѣдсимиани. ꙗ
 гла оученикомъ сѣдѣте тоу.
 дондеже шедъ помолъж са
 тамо. 37 ꙗ поемъ петра. и оба
 сна зеведеова. начатъ
 скръѣѣти и тѣжити. 38
 тѣгда гла имъ исъ.
 прискрѣѣна естъ душа моѣ
 до смърти. пождѣте съде и
 въдите съ мѣноуж. 39 ꙗ
 прѣшьдъ мало паде ниць
 мола са и гла. ѿче мои аште
 възможно естъ да мимо
 идеть отъ мене чаша си.
 обаче не ѣко азъ хоцѣж. нѣ
 ѣкоже ты.:

коуръ не възгласитъ. три
 краты отвъръжеша мене 35
 гла емоу петръ аще ми са
 прилоучитъ. съ тобоуж
 оумръѣти не отвъръж са
 тебе. такожде и вси оученици
 рекоша 36 тогда приде съ
 ними исъ. въ весь
 нарицаемъжю. ѣдсимиани. и
 гла оученикомъ. сѣдѣте тоу.
 дондеже шѣдъ. помолю са
 тамо 37 и поимъ петра. и
 оба сна зеведеова. начатъ
 тѣжити и скръѣѣти 38 тогда
 гла имъ исъ прискрѣѣна естъ
 душа моя до смърти
 пождѣте съде. и въдите съ
 мѣноуж и прѣшьдъ мало. паде
 ниць. мола са 39 и гла оче
 мои. аще възможно естъ. да
 мимо идеть отъ мене чаша
 си обаче. не такоже азъ хоцѣж.
 нѣ такоже ты.

Туровское евангелие

Отрывки из кириллического служебного евангелия (краткий апракос)) XI века, обнаруженного в 60-х годах XIX века в Турове. Приводится по хрестоматии Н. Каринского.

От Матфея 15: 21-28

21 въ время оно иже иде исъ въ странѣ турьскѣ и сидоньскѣ.
 22 и се женѣ хананѣиска. ѿ прѣдѣлъ тѣхъ. ишѣдъши възъпи
 глѣжши. помилоуи ма ги снѣ дѣдѣтъ. дѣщи моѣ зѣлѣ вѣсьноуѣтъ
 са. 23 онъ же не ѿвѣща ки словесе. и пристѣплъше оученици
 кго. молаахъ и глѣжше. ѿпоустѣ ихъ. тако възпиѣтъ въ слѣдъ
 насъ. 24 онъ же ѿвѣщавъ рече. нѣсмь посъланъ. тѣкъмо къ
 овьцѣмъ погыѣвшиимъ домоу излѣва. 25 она же пришьдъши
 поклонѣ са кмоу глѣжши. ги. помози ми. 26 онъ же ѿвѣщавъ
 рече. нѣсмь добро отати хлѣба ѿ чадъ. и поврѣци и псомъ.
 27 она же рече. ей ги. иво и пси ѣдатъ ѿ крѣпницъ падаѣщенихъ
 съ трапезы гподни своихъ. 28 тогда исъ рече ки. о жено. велика
 естъ вѣра твѣ. вжди тебѣ такоже хоцѣши. и исцѣлѣ дѣщи кѣ
 въ тѣ часъ.

От Луки 4: 31-36

31 въ время оно. вниде ісѣ въ капернаѹмъ. въ градъ галилейскъ. и бѣ оҹча въ сѣвоты. 32 и оҹжаса^ахъ са оҹченици кѣго. іако съ властнѣхъ бѣ слово кѣго. 33 и въ сън^имиши бѣ члѣкъ имы дхъ бѣсьнъ. нечистъ. и възъпи гласомъ великъмъ гла. 34 остани чьто намъ. и тебѣ ісе назаранине. пришълъ кси погоҹвнтъ насъ. вѣмъ та. кѣто кси стѣи бжии. 35 и запрѣти кмоу ісѣ гла. прѣмлъчи. и изиди из него. и повръгъ и бѣсъ по средѣ. изиде из него. никакоже не врѣждъ кѣго. 36 и вѣсть оҹжасъ на всѣхъ и сътѣзаахъ са дроугъ къ дроугоу глаҹще. чьто кѣтъ слово се. іако властнѣхъ и силохъ велитъ нечистѣимъ дхомъ. и исходатъ.

От Луки 5: 1-11

1 въ время оно. стоіа бѣ ісѣ при ѳзерѣ генисарѣтѣстѣ. 2 и видѣ дѣва кораблица стоіаща при ѳзерѣ. рѣбари же ошѣдѣше ѿ нею. плакаахъ мрѣжа. 3 вълѣзъ же въ кѣдинъ ѿ кораблицю. иже бѣ симоновъ. молн и ѿ земля възати мало. и сѣдъ ис корабла оҹчаше народы. 4 іако же прѣста гла. рѣ^ѣ къ симоноу. възѣди въ глаҹвинѣ. и вѣметѣте мрѣжа ваша въ ловитѣж. 5 и ѿвѣщавъ симонъ рѣ^ѣ кмоу. наставьниче. обь ноцъ всѣж трждѣше са. ничьсоже не іахомъ. по глаҹу же твоіоу. вѣметемъ мрѣжа. 6 и се сътворѣше. обаша мнѣство. рѣбъ мѣного. протрѣзаахъ же са мрѣжа ихъ. 7 и поманоуша причастьникомъ. иже бѣахъ въ дроугѣмъ корабли. да пришѣдѣше помогтѣ имъ. и придоша. и исплѣниша оба корабла іако погрѣжати са има. 8 видѣвъ же симонъ петръ. припаде къ колѣнома ісвома гла. изиди ѿ мене. іако мѣжъ грѣшьнъ ксмы гн. 9 оҹжасъ бо одрѣжааше и. и вса иже бѣахъ съ нимъ. о ловитѣ рѣбъ іаже іаше. 10 такожде же. и іакова. и іодана. сна зеведѣова. іаже бѣаста обьщѣн^ика симоновн. рѣ^ѣ къ симоноу ісѣ. не войса. ѿселѣ бждешн члѣкы лова. 11 и извезѣше корабль на земляж. оставѣше все. въ слѣдъ кѣго идоша.

СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЕ ТЕКСТЫ

Отрывки из Евангелия от Матфея¹⁹²

Глава 2 (1-23)

Иисус же рождшъся въ вифлеѣмѣ іудейстѣмъ, во дни ірвда царя, се, волсви ѿ востокъ придоша во іерлімъ, глаголюще:

в. гдѣ есть рождѣся црь іудейскій; видѣхомъ во звѣздѣ егѡ на востоцѣ и придохомъ поклонитиса ѣмъ.

г. Слышавъ же ірвдъ царь смѣтиса, и весь іерлімъ съ нимъ.

д. И собравъ всѧ первосвященники и книжники людскѧ, вопрошаше ѿ нихъ: гдѣ хртосъ раждается;

е. Они же рекоша ѣмъ: въ вифлеѣмѣ іудейстѣмъ. тако во писано есть пророкомъ:

з. и ты, вифлеѣме, землѣ іудова, ни чимже менши еси во владыкахъ іудовыхъ: изъ тебе бо изыдетъ вѡждь, иже оупасетъ люди моѧ ина.

з. Тогда ірвдъ тай призвѧ волхвы, и испытоваше ѿ нихъ время ѧвшаася звѣзды.

и. и пославъ ихъ въ вифлеѣмъ, рече: шѣдше испытайте извѣстнѡ ѡ ѡтрочати: егда же ѡвратите, возвѣстите ми, ѧкѡ да и азъ шѣдъ поклонюся ѣмъ.

ѡ. Они же послѡшавше царя, идоша: и се, звѣзда, иже видѣша на востоцѣ, идаше предъ ними, дондеже пришедши ста верхъ, идѣже вѣ ѡтроча.

и. Видевше же звѣздѣ, возрадовашася радостію велию зѣлѡ, ии. и пришедше въ храмниѣ, видѣша ѡтроча съ мрїею мтрїю егѡ, и падше поклонишася ѣмъ: и ѡверзше сокровища своѧ, принесоша ѣмъ дары, злато, и ливанъ, и смурнѣ.

ви. И вѣсть прїемше во снѣ не возвратитиса ко ірвдѣ, инымиъ пѣтемъ ѡидоша во странѣ свою.

гг. ѡшедшымъ же имъ, се, аггль гднь во снѣ ѧвиса іѡсифѣ, глагола: воставъ понми ѡтроча и мтръ егѡ, и вѣжи во егѡпетъ, и буди тамъ, дондеже рекъ ти: хощетъ во ірвдъ искати ѡтрочате, да погубитъ ѣ.

дд. Онъ же воставъ, поатъ ѡтроча и мтръ егѡ ноцію, и ѡиде во егѡпетъ.

¹⁹² Текст приводится по изданию: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М.: Российское Библейское общество, 1993.

ѣі. И вѣ тамъ до оумертвѣа иршдова: да свѣдетса реченное ѿ гда пррокомъ, глаголющимъ: ѿ египта воззвахъ сна моего.

ѕі. Тогда иршдъ видевъ, ѿкъ поруганъ бысть ѿ волхвѣвъ, разгнѣваса ѕѣлѡ, и пославъ изби всѧ дѣти ѕѣшыа въ виѡлемѣ и во всѣхъ предѣлѣхъ егѡ, ѿ двою лѣтѣ и нижайше, по времени, еже извѣстнѡ испыта ѿ волхвѣвъ.

ѕіі. Тогда свѣтеса реченное іереміемъ пррокомъ, глаголющимъ:

иі. гласъ въ рамѣ слышанъ бысть, плачь, и рыданіе, и вопль многъ: рахиль плачѣшиса чадъ своихъ, и не хоташе оутѣшитиса, ѿкъ не сѣтъ.

ѣіі. Оумершѣ же иршдѣ, сѣ, аггль гднь во снѣ іависа іѡсифѣ во египтѣ,

к. глагола: воставъ помни ѡтроча и мтръ егѡ, и иди въ зѣмлю іилевѣ: иномроша бо ищѣшии дши ѡтрочате.

ка. Онъ же воставъ, полтѣ ѡтроча и мтръ егѡ, и пріиде въ зѣмлю іилевѣ.

кв. Слышавъ же, ѿкъ архелай царствуетъ во іудѣи вмѣстѡ иршда ѡтца своего, оубоаса тамъ ити, вѣсть же пріемъ во снѣ ѿнде въ предѣлы галілейскіа

кг. и пришѣдъ вселиса во градѣ нарицаемѣмъ назарѣтъ: ѿкъ да свѣдетса реченное прршкни, ѿкъ назврѣи наречѣтса.

Глава 3 (1-17)

Во дни же ѡны пріиде іѡаннъ крѣтитель, проповѣдаа въ пѣстыни іудейстѣи,

в. и глагола: покайтеса, приелиживоса црѣтвѣе нѣное.

г. Сеи бо єсть рѣченнй исаіемъ пррокомъ, глаголющимъ: гласъ вопіющагѡ въ пѣстыни, оуготовайте пѣтъ гднь, правы творите стези егѡ.

д. Самъ же іѡаннъ имаше ризѣ свою ѿ власъ велвждѣ и поласъ оусменъ ѡ чреслѣхъ своихъ: снѣдъ же егѡ вѣ прѣжіе и мѣдъ дивій.

е. Тогда исхождаше къ немѣ іерліма, и всѧ іудѣа, и всѧ страна іорданскаа,

ѕ. и крещася во іорданѣ ѿ негѡ, исповѣдающе грѣхи своѧ.

з. Видѣвъ же (іѡаннъ) многи фарісеи и саддукѣи градѣшыа на крещеніе егѡ, рече имъ: рожденіа єхиднѡва, ктѡ сказа вамъ вѣжати ѿ вѣдѣцагѡ гнѣва;

и. сотворите оубо плодъ достѡинъ покаініа,

ѣ. и не начинайте глаголати въ себѣ: ѡтца имамы авраама. глаголю бо вамъ, ѿкъ можетъ бгъ ѿ каменіа сегѡ въздвигнѣти чада авраамѣ.

і. оужѣ бо и сѣкіра при корени дрѣва лежитъ: всѧко оубо дрѣво еже не творитъ плода добра, посѣкаемо бываѣтъ, и во ѡгнь вметаемо:

аї. азъ оубо крещая въ водою въ покаяніе: градый же по мнѣ крѣпай менѣ есть, емуже нѣсмь достойнъ сапоги понести: той въ крѣтитъ дхомъ стымъ и огнемъ:

вї. емуже лопата въ рѣцѣ егѡ, и ѡтревѣтъ гѡмно свое, и соверѣтъ пшеницѡ свою въ житницѡ, плевѣ же сожжѣтъ огнемъ негасяущимъ.

гї. Тогда приходитъ иисъ ѡ галилен на іорданъ ко іѡаннѡ крѣтитисѡ ѡ негѡ.

дї. Іѡаннѡ же возвращаше емѡ, глагола: азъ требую тобою крѣтитисѡ, и ты ли градеши ко мнѣ;

еї. ѡвѣщавъ же иисъ рече къ немѡ: ѡстави нѣѣ: такѡ во подобаетъ намъ исполнити всѡкъ правдѡ. Тогда ѡстави егѡ.

ѕї. И крѣтивсѡ иисъ взидѣ авїе ѡ воды: и сѣ, ѡверзошасѡ емѡ нѣсѡ, и видѣ дѡа бжїа сходяща іакѡ голубѡ, и градеща на негѡ.

зї. И сѣ, гласъ съ нѣсѣ гла: Сей есть сынъ мой возлюбленный, ѡ немже благоволихъ.

Глава 4 (1-25)

Тогда иисъ возведенъ бысть дхомъ въ пѣстыню, искѡситисѡ ѡ дїавола,

в. и постѣвсѡ днїи четыредесѡтъ и ноцїи четыредесѡтъ, послѣдїи взалка.

г. И приступплъ къ немѡ искѡситель рече: аще сынъ еси бжїи, рцы, да каменїе сїе хлѣбѡ вѣдѣтъ.

д. Онъ же ѡвѣщавъ рече: писано есть: не ѡ хлѣбѣ единѣмъ живѣтъ вѣдетъ человекъ, но ѡ всѡкомъ глголѣ исходящемъ изѡ ѡустъ бжїихъ.

е. Тогда поатъ егѡ дїаволъ во стый градъ, и постави егѡ на крилѣ церковнѣмъ,

ѕ. и глагола емѡ: аще сынъ еси бжїи, вѣрзисѡ низѡ: писано бо есть, іакѡ аггашмъ своимъ заповѣсть ѡ тебѣ (сохранити тѡ), и на рѣкахъ возмѣтъ тѡ, да не когда преткнѣши ѡ камень ногѡ твою.

з. Рече (же) емѡ иисъ: пакѡ писано есть: не искѡсиши гдѡа вѣга твоегѡ.

и. Пакѡ поатъ егѡ дїаволъ на горѡ высокѡ ѕѣлѡ, и показѡ емѡ всѡ царствїѡ мїра и слѡвѡ ихъ,

ѡ. и глагола емѡ: сїѡ всѡ тебѣ дамъ, аще падѣтъ поклонїишисѡ.

ї. Тогда глагола емѡ иисъ: иди за мною сатанѡ: писано бо есть: гдѡу вѣгѡ твоемѡ поклонїишисѡ, и томѡ единѡмѡ послѣжиши.

аї. Тогда ѡстави егѡ дїаволъ: и сѣ, аггаш пристѣпїша, и слѡжахѡ емѡ.

вї. Слышавъ же иисъ, іакѡ іѡаннѡ преданъ бысть, ѡнде въ галилею,

г҃и. ѿ ѡста́въ наза́ре́тъ, прише́дъ всели́са въ капернаѹ́мъ въ поморі́е, въ предѣ́лѣхъ завѣ́лѣннѣхъ ѿ нефѣ́алимнѣхъ:

д҃и. да свѣ́детса рѣ́ченное ѿса́емъ прѣ́рокомъ, глаго́лющимъ:

е҃и. землѧ́ завѣ́лѣна, ѿ землѧ́ нефѣ́алима, пѣ́тъ мора ѡ́бъ ѡ́нѣ́ полѣ́ іорда́на, гали́леа ѿзыкъ,

ѕ҃и. люді́е сѣ́дѣ́шии во тѣ́хъ видѣ́ша свѣ́тъ ве́лий, ѿ сѣ́дѣ́чимъ въ странѣ́хъ ѿ сѣ́ни смѣ́ртнѣ́и, свѣ́тъ возсі́а ѿ нѣ́хъ.

з҃и. ѡ́то́лѣ́ нача́тъ іисъ́съ проповѣ́дати ѿ глаго́лати: покая́теса, прибли́жиса бо цр҃тѣ́во нѣ́ное.

и҃и. Хо́да же при мори́ гали́леи́стѣ́мъ, видѣ́ два брѧ́та, сі́мѣна глаго́лемаго петра, ѿ андре́а брѧ́та егѡ́, вмета́юща мре́жи въ мо́ре, вѣ́ста бо ры́бара:

ѡ҃и. ѿ гла́ ѿма: гра́дита по мнѣ́, ѿ сотворю́ въ ловца́ челове́къмъ.

к҃а. Она́ же ѡ́ста́въша мре́жи, по нѣ́мъ ѿдо́ста.

ка. И преше́дъ ѡ́тѣ́дъ, видѣ́ ѿна́ два брѧ́та, іа́кѡва зеведе́ева, ѿ іѡ́анна брѧ́та егѡ́, въ кора́бли съ зеведе́омъ ѡ́тце́мъ егѡ́, завѣ́зѣ́юща мре́жи своѧ́, ѿ воззва́ ѡ́.

кв. Она́ же ѡ́ста́въша кора́бль ѿ ѡ́тца́ своегѡ́, по нѣ́мъ ѿдо́ста.

кг. И про́хождаше́ всю́ гали́лею́ іисъ́съ, оу́чѧ́ на сонми́щицѣхъ ѿ нѣ́хъ ѿ проповѣ́даа́ егѡ́ цр҃тѣ́ва, ѿзцѣ́лаа́ вса́къ недѣ́гъ ѿ вса́къ ѡ́зю въ лю́дехъ.

кд. И ѿзы́де слы́хъ егѡ́ по все́и сѣ́рин: ѿ приве́доша къ нѣ́мъ всѧ́ бола́щыа́, различны́ми недѣ́ги ѿ стра́стми ѡ́держѣ́ми, ѿ вѣ́сны, ѿ мѣ́сачныа́, ѿ разсла́бленныа́ (жила́ми) ѿ ѿзцѣ́лаи ѿ нѣ́хъ.

ке. И по нѣ́мъ ѿдо́ша наро́ди мно́зи ѿ гали́леи, ѿ десѧ́ти гра́дѣхъ, ѿ ѿ іеру́салима, ѿ іуде́и, ѿ со ѡ́нагѡ́ полѣ́ іорда́на.

Глава 5 (1-48)

Оу́зрѣ́въ же наро́ды, взы́де на горѣ́: ѿ сѣ́дшъ е́мъ пристѣ́пиша къ нѣ́мъ оу́чницы егѡ́.

в. И ѡ́верзѣ́ оу́ста́ своѧ́, оу́чѧ́ше ѿ нѣ́хъ, гла́:

г. бла́женни ни́щии дѣ́хомъ: іа́кѡ тѣ́хъ е́сть цр҃тѣ́вѣ́е нѣ́ное.

д. Бла́женни пла́чущи́и: іа́кѡ тѣ́и оу́тѣ́шатса́.

е. Бла́женни кро́тцы́и: іа́кѡ тѣ́и насле́датъ зе́млю.

ѕ. Бла́женни ѡ́лчущи́и ѿ жа́ждущи́и правды́: іа́кѡ тѣ́и насы́татса́.

з. Бла́женни мѡ́лѣ́вщи́и: іа́кѡ тѣ́и поми́ловани вѣ́дѣ́тъ.

и. Бла́женни чѣ́стїи ср҃дце́мъ: іа́кѡ тѣ́и бг҃а оу́зратъ.

ѡ. Бла́женни миро́творцы́: іа́кѡ тѣ́и снове́ вжї́и наре́кѣ́тса́.

г. Бла́женни ѿзгна́ни правды́ ра́ди: іа́кѡ тѣ́хъ е́сть цр҃тѣ́вѣ́е нѣ́ное.

а҃и. Бла́женни е́сте, е́гда поно́сѧ́тъ ва́мъ ѿ ѿи́ждѣ́тъ ѿ рекѣ́тъ вса́къ со́лъ глаго́лъ на вы́ лжѣ́ще, мене́ ра́ди:

в҃и. ра́дѣ́йтеса́ ѿ весе́литеса́, іа́кѡ мзда́ ва́ша мно́га на нѣ́сѣ́хъ: та́кѡ бо ѿзгна́ша прѣ́роки, ѿже́ (вѣ́ша) прѣ́жде ва́съ.

г҃. Вы есте соль земли. аще же соль ѡбѣдетъ, чимъ ѡсолитса; ни во чтоже ѡдетъ ктою, точию да ѡсыпана ѡдетъ вонъ, и попираема человеки.

д҃. Вы есте свѣтъ мира: не можетъ градъ оукрытиса верху горы стол:

е҃. ниже вжигаютъ свѣтилника, и поставляютъ его под спѣдомъ, но на свѣщницѣ, и свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ (сѣть).

ѕ҃. Такъ да просвѣтитса свѣтъ вашъ предъ человеки, такъ да видатъ ваша дѣла дѣла, и прославятъ оца вашего, иже на небѣхъ.

з҃. (Да) не мните, такъ придохъ разорити законъ, или прѣроки: не придохъ разорити, но исполнити.

и҃. Аминь бо глаю вамъ: дондеже преидетъ небо и земля, иута едина, или едина черта не преидетъ ѿ закона, дондеже всѣ ѡдѣтъ.

ѡ҃. Иже аще разоритъ единѣ заповѣдй малых и научитъ такъ человеки, мнѣ наречетса въ цр҃тви нб҃нѣмъ, а иже сотворитъ и научитъ, сѣи велѣй наречетса въ цр҃тви нб҃нѣмъ.

к҃. Глаю бо вамъ, такъ аще не ѡбѣдетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не видите въ цр҃тви нб҃ное.

ка. Слышасте, такъ рѣчено бысть древнимъ: не оубѣши: иже (во) аще оубѣетъ, повиненъ есть сѣдѣ.

кв. Изъ же глаю вамъ, такъ всакъ гнѣвааша на брата своего всѣ, повиненъ есть сѣдѣ: иже (во) аще речетъ братъ своего: рака, повиненъ есть сонмищѣ: а иже речетъ: оуроде, повиненъ есть геенѣ огненнѣй.

кг. Аще оубо принесѣши даръ твой ко олтарю, и тѣ поманѣши, такъ вратъ твой имать нѣчто на тѣ:

кд. ѡстави тѣ даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ, прежде смирся съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принесѣ даръ твой.

ке. Бѣди оубѣевааша съ соперникомъ твоимъ скорѣ, дондеже еси на пѣти съ нимъ: да не предастъ тебе соперникъ сѣдѣ, и сѣдѣ тѣ предастъ слѣзѣ, и въ темницѣ вверженъ ѡдеши:

кз. аминь глаю тебѣ: не ѡыдеши ѡтѣдѣ, дондеже воздаси послѣднѣй кодрѣнтъ.

кѣ. Слышасте, такъ рѣчено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши.

ки. Изъ же глаю вамъ, такъ всакъ, иже воззритъ на женѣ, ко еже вождѣлѣти еѣ, оуже лювоуѣиствова съ нею въ сѣрдцы своего:

кѡ. аще же око твоѣ десное соблажнѣетъ тѣ, ѡзмѣ е, и верзи ѿ себе: оуне бо ти есть, да погивнетъ единъ ѿ оудъ твоихъ, а не все тѣло твоѣ ввержено ѡдетъ въ геенѣ (огненнѣю):

л. и́ аще десна́а твоа́ рѣка́ соблажна́етъ тѣ, оу́сѣцы ю́ и́ вѣрзи ѿ себѣ: оу́не во ти́ е́сть, да погнѣетъ е́динъ ѿ оудѣ твоихъ, а́ не все́ тѣло́ твоѣ ввѣржено́ бѣдетъ въ геенѣ.

ла. Рѣ́чено́ же бы́сть, іа́кв и́же а́ще пѣститъ женѣ́ свою́, да да́стъ ей́ кни́гѣ распѣстнѣю́.

лв. Изъ́ же глаю́ ва́мъ, іа́кв вса́къ ѿпѣца́ай женѣ́ свою́, ра́звѣ́ словесе́ любодѣ́йнагв, творитъ́ ю́ прелюбодѣ́йствовати: и́ и́же пѣщени́цѣ по́йметъ, прелюбодѣ́йствѣетъ.

лг. Па́ки слы́шасте, іа́кв рѣ́чено́ бы́сть дрѣ́внимъ: не во лжѣ́ кленѣ́шица, возда́си же́ гдѣви́ кла́твы твоа́.

лд. Изъ́ же глаю́ ва́мъ не кла́тиса вса́кв: ни нѣомъ, іа́кв прѣ́толъ е́сть вѣ́й:

ле. ни зе́млю, іа́кв подно́жіе е́сть нога́ма е́гв: ни іе́рлімомъ, іа́кв гра́дъ е́сть велика́гв ца́:

лз. ниже́ главою́ твоєю́ кленѣ́са, іа́кв не мо́жеши вла́са е́динагв вѣ́ла и́ли че́рна сотвори́ти:

лз. вѣ́ди же́ сло́во ва́ше: ей́, ей́: ни, ни: ли́шше же́ сею́ ѿ неприя́зни е́сть.

ли. Слы́шасте, іа́кв рѣ́чено́ бы́сть: око́ за око́, и́ зѣ́бъ за зѣ́бъ.

лѣ. Изъ́ же глаю́ ва́мъ не прѣ́витиса́ за́: но а́ще тѣ́ кто оудари́тъ въ деснѣ́ю твою́ лани́тъ, ѡ́врати́ е́мѣ́ и́ дрѣ́гѣю́:

м. и́ хота́щемѣ́ сѣ́дитиса́ съ тобою́, и́ ризѣ́ твою́ вѣ́ати, ѿпѣ́сти е́мѣ́ и́ срачи́цѣ:

ма. и́ аще́ кто́ тѣ́ по́йметъ по́ силѣ́ по́прице́ е́дино, и́ди съ нимъ́ два́.

мв. Про́сѣщемѣ́ оу́ тебе́ да́й, и́ хота́щего ѿ́ тебе́ за́ати не ѡ́врати́.

мг. Слы́шасте, іа́кв рѣ́чено́ е́сть: возлю́биши і́скренна́го твоегѣ́, и́ возненави́диши врага́ твоегѣ́.

мд. Изъ́ же глаю́ ва́мъ: любите́ враги́ ва́ша, благослови́те кленѣ́щыа́ вы, добро́ творите́ ненави́дащымъ́ ва́съ, и́ моли́теса́ за твора́щихъ́ ва́мъ напа́сть и́ и́згона́щыа́ вы,

ме. іа́кв да́ бѣ́дете́ сно́ве о́ца́ ва́шего, и́же е́сть на не́бѣхъ, іа́кв со́лнце своѣ́ сѣ́детъ на злы́а и́ блгѣ́а, и́ дожди́тъ на прѣ́ныа́ и́ на непра́ведныа́.

мз. А́ще во́ любите́ любя́щихъ́ ва́съ, къ́ю мзда́ и́мате́; не и́ мытари́ ли то́жде твора́тъ;

мз. И́ а́ще ца́рѣ́ете дрѣ́ги ва́ша то́кмв, что́ ли́шше твора́те; не и́ іа́зычницы́ ли та́кожде твора́тъ;

ми. Бѣ́дите о́убо́ вы совер́шени, іа́коже́ о́цъ ва́шъ нѣ́ный совер́шенъ е́сть.

Глава 6 (1-34)

Внемайте мѣтныи вашеа не творити пред' человеки, да видими бѣдете ѿми: аще ли же ни, мзды не имате ѿ оца вашего, иже естъ на нестѣхъ.

в. Егда оубо твориши мѣтныю, не вострѣби пред' собою, ѿкоже лицемѣри творатъ въ сонмицихъ и въ стогнахъ, ѿкѡ да прославаѣтсѡ ѿ человекъ. Аминь глаю вамъ, воспріемлютъ мзду свою.

г. Тебѣ же творѡщѡ милостыню, да не оубѣсть шѡйца твоа, что творитъ десница твоа:

д. ѿкѡ да бѣдетъ милостыня твоа въ тайнѣ: и оцъ твои видѡи въ тайнѣ, той воздастъ тебѣ ѡвѣ.

е. И егда молишисѡ, не бѣди ѿкоже лицемѣри, ѿкѡ любатъ въ сонмицихъ и въ стогнахъ пѣтій стоаще молишисѡ, ѿкѡ да ѡваѣтсѡ человекомъ. Аминь глаю вамъ, ѿкѡ воспріемлютъ мзду свою.

з. Ты же, егда молишисѡ, види въ клѣтъ твою, и затворивъ двѣри твоа, помолисѡ оцъ твоемѡ, иже въ тайнѣ: и оцъ твои видѡи въ тайнѣ, воздастъ тебѣ ѡвѣ.

з. Молащесѡ же не лишше глаголите, ѿкоже ѡзычницы: мнатъ во, ѿкѡ во многоглаголаніи своемъ оуслышани бѣдѡтъ:

и. не подовитсѡ оубо ѿмъ: вѣсть бо оцъ вашъ, иже трѣбѡете, прежде прошеніѡ вашего.

ѡ. Сице оубо молишисѡ вы: оче нашъ, иже еси на нестѣхъ, да стѣитсѡ ѿма твоѡ:

г. да прійдетъ црѣтвїѡ твоѡ: да бѣдетъ вола твоа, ѿкѡ на неси, и на землї:

д. хлѣбъ нашъ насѡщный даждъ намъ днесъ:

в. и ѡстави намъ долги наша, ѿкоже и мы ѡставаемъ должникомъ нашимъ:

г. и не введи насъ въ напѡсть, но избѡви насъ ѿ лукаваго: ѿкѡ твоѡ естъ црѣтвїѡ и сила и слава во вѣки. Аминь.

д. Аще бо ѡпѡщѡете человекѡмъ согрѣшенїѡ ихъ, ѡпѡститъ и вамъ оцъ вашъ нѣный:

е. Аще ли не ѡпѡщѡете человекѡмъ согрѣшенїѡ ихъ, ни оцъ вашъ ѡпѡститъ вамъ согрѣшенїи вашихъ.

з. Егда же постѣтсѡ, не бѣдите ѿкоже лицемѣри сѣтѡюще: помрачѡютъ бо лица своа, ѿкѡ да ѡваѣтсѡ человекѡмъ постащесѡ. Аминь глаю вамъ, ѿкѡ воспріемлютъ мзду свою.

з. Ты же постаѡ помѡжи главѡ твою, и лице твоѡ оумый,

и. ѿкѡ да не ѡвишисѡ человекѡмъ постаѡ, но оцъ твоемѡ, иже въ тайнѣ: и оцъ твои видѡи въ тайнѣ, воздастъ тебѣ ѡвѣ.

ѡ. Не скривѡйте себѣ сокровищъ на землї, и дѣже червь и гла тѡитъ, и и дѣже тѡтїѡ подкопывѡютъ и крадѡтъ:

к̄. скрива́йте же себѣ сокровище на нѣси, ѿдѣ́же ни червь, ни тла́ тлитъ, ѿ ѿдѣ́же тати́е не подкопываютъ, ни кра́дутъ:

ка. ѿдѣ́же бо е́сть сокровище ва́ше, тѣ́ вѣдетъ ѿ сердце ва́ше.

кв. Свѣти́аникъ тѣ́ло е́сть око. Аще о́убо вѣдетъ око твоѣ про́сто, все́ тѣ́ло твоѣ свѣ́тло вѣдетъ:

кг. а́ще ли око твоѣ лука́во вѣдетъ, все́ тѣ́ло твоѣ те́мно вѣдетъ. Аще о́убо свѣ́тъ, ѿже въ тебѣ́, тма́ е́сть, то тма́ ко́льми;

кд. Ни́ктоже мо́жетъ двѣ́ма господа́нома рабо́тати: лю́бо е́динаго возлю́битъ, а дру́гаго возненави́дитъ: ѿли́ е́динаго держа́тса, ѿ дру́зѣ́мъ же неради́ти нача́етъ. Не мо́жете вгѣ́ рабо́тати ѿ мамо́нѣ́.

ке. Сегѡ́ ради́ глѡ́ вамъ: не пе́цываетса́ ду́шею ва́шею, что́ ѿсте, ѿли́ что́ пи́ете: ни тѣ́ломъ ва́шимъ, во что́ ѡблече́тса. Не ду́ша ли бо́лши е́сть пи́щи, ѿ тѣ́ло о́дежди;

кз. Воззри́те на пти́цы невѣ́сныя, ѿкѡ не сѣ́ютъ, ни жнѡ́тъ, ни собира́ютъ въ житни́цы, ѿ о́цъ ва́шъ нѣ́ный пита́етъ ѿхъ. Не вы́ ли па́че лу́чи ѿхъ е́сте;

к4. Кто́ же ѡ́ васъ пе́кийса мо́жетъ приложи́ти во́зрастъ свое́мъ ла́коть е́динъ;

ки. И ѡ́ о́дежди что́ печѣ́тса; Смотри́те кри́нъ се́льныхъ, ка́кѡ растѡ́тъ: не трѡ́ждаетса́, ни пра́дутъ:

кѡ. глѡ́ же вамъ, ѿкѡ ни со́ломонъ во все́й сла́вѣ́ свое́й ѡблече́са, ѿкѡ е́динъ ѡ́ си́хъ:

л. а́ще же сѣ́но се́льное, днѣ́сь сѡ́ще ѿ о́утрѣ́ въ пѣ́щъ вмета́емо, вгѣ́ та́кѡ ѡдѣ́ваетъ, не мно́гѡ ли па́че васъ, ма́ловѣ́ри;

ла. Не пе́цываетса́ о́убо, глаго́люще: что́ ѿа́мы, ѿли́ что́ пи́емъ, ѿли́ чи́мъ ѡде́ждемса́;

лв. Всѣ́хъ бо си́хъ ѿзы́цы ѿщѡ́тъ: вѣ́сть бо о́цъ ва́шъ нѣ́ный, ѿкѡ тре́буете́ си́хъ всѣ́хъ.

лг. Ищи́те же пре́жде црѣ́вѣа́ вѣ́а ѿ пра́вды е́гѡ, ѿ сѣ́а всѣ́а приложатса́ вамъ.

лд. Не пе́цываетса́ о́убо на о́утрѣ́, о́утрѣ́нѣ́и во со́бою печѣ́тса: до́вѣ́етъ днѣ́ви сло́ва е́гѡ.

BIBLIOGRAPHY

- Алпій (Гаманович).* Грамматика церковно-славянского языка. – М.: МП «Паломник», 1991.
- Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. – С.-Петербург, 1999.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966.
- Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков [Введение. Фонетика]. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
- Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков [Чередования. Именные основы]. – М.: Наука, 1974.
- Бирнбаум Х.* Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции. – М.: Прогресс, 1986.
- Богородицкий В.А.* Краткий очерк сравнительной грамматики ариоевропейских языков. – Казань: Типо-литография ун-та, 1916.
- Бошкович Р.* Основы сравнительной грамматики славянских языков. I. Фонетика. – М.: Высшая школа, 1984.
- Бомхард А.Р.* Придыхательные смывные в праиндоевропейском // Вопросы языкознания. 1992. № 2.
- Бурлак С.А., Старостин С.А.* Сравнительно-историческое языкознание. – М.: Издательский центр «Академия», 2005.
- Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. Изд. пятое. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009 [репринт издания 1952 года].
- Вейсманъ А.Д.* Греческо-русский словарь. Изд. пятое. – С.-Петербург: Издание автора, 1899.
- Верещагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. – М., 1971.
- Войлова К.А.* Старославянский язык: Пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2003.
- Воробьева А.Г.* Учебник церковнославянского языка. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008.
- Галинская Е.А.* Историческая фонетика русского языка. 2-е изд., испр. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I-II. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984.
- Гаспаров Б.М., Сигалов П.С.* Сравнительная грамматика славянских языков. Ч. 1. – Тарту: Тарт. гос. ун-т, 1974.
- Геродот.* История. – М., 1999.
- Горшков А.И.* Старославянский язык. – М.: Высшая школа, 1963.
- Гошев Ив.* Старобългарски глаголически и кирилски надписи от IX и X века. – София, 1963.
- Гудков В.П.* Сербская лексикография XVIII века. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1993.
- Гудков В.П.* Введение в славянскую филологию // Полонистика: Программы общих и теоретических курсов для студентов славянского отделения / Под ред. Т.С. Тихомировой и Е.З. Цыбенко. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008. – С. 3-7.
- Добрев И.* Палимпсестови части на Зографското евангелие. – София, 1971.
- Дьяконов И.М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов: Прародина и миграция // Вестник древней истории. – 1982. № 4.

- Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. – М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1993.
- Елкина Н.М.* Старославянский язык: Учебное пособие для студентов филологических факультетов педагогических институтов и университетов. – М.: Гос. уч. пед. изд-во Мин. просв. РСФСР, 1960.
- Живов В.М.* Исторический очерк о церковнославянском языке // *Плетнёва А.А., Кравецкий А.Г.* Церковнославянский язык. – М.: РОПО «Древо добра», 2001. – С. 11-27.
- Жуковская Л.П.* Апракос Мстислава Великого. – М., 1983.
- Журавлев В.К.* Реконструкция праславянской системы шумных согласных древнейшего синхронного состояния // Известия на Института на Български език. Кн. XIV. – София: Българска академия на науките. – 1967.
- Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Зализняк А.А.* Грамматический очерк санскрита // *Кочергина В.А.* Санскритско-русский словарь: Около 30 000 слов / Под ред. *В.И. Кальянова.* – 3-е изд. – М.: Академический Прекст; Альма Матер, 2005. – С. 785-895.
- Записки Юлия Цезаря и его продолжателей.* – М., 1993.
- Иванова Т.А.* О названиях славянских букв и о порядке их в алфавите // Вопросы языкознания. – 1969. № 6. – С. 48-54.
- Иванова Т.А.* Старославянский язык: Учебник. 3-е изд. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001.
- Изотов А.И.* Старославянский и церковнославянский языки в средней школе. – М.: Интелси, 1992.
- Изотов А.И.* Чешские атрибутивные причастия на фоне русских. – М.: Филологический факультет МГУ, 1993.
- Изотов А.И.* Старославянский и церковнославянский языки: Грамматика, упражнения, тексты. – М.: ИОСО РАО, 2001.
- Изотов А.И.* Старославянский и церковнославянский языки: Грамматика, упражнения, тексты. Испр. изд. – М.: Филоматис, 2007.
- Иллич-Свитыч В.М.* Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семито-хамитский) // Этимология. 1965. – М., 1967.
- Ильинский Г.Г.* Звукъ *sh* въ славянскихъ языкахъ // Изв. ОРЯС имп. АН. Т. XX. Кн. 4. – Петроградъ, 1916.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica). – СПб., 2000.
- Истрин В. А.* 1100 лет славянской азбуки. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963; 2-е изд. М.: Наука, 1988.
- Камчатнов А.М.* Старославянский язык: Курс лекций. 2-е изд. испр. – М.: Флинта; Наука, 2000.
- Камчатнов А.М.* История русского литературного языка: XI–первая половина XIX века. – М.: Издательский центр «Академия», 2008.
- Ковалев Г.Ф.* Этнонимия «Слова о полку Игореве» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия 1. Гуманитарные науки. – 2000. № 2
- Кочергина В.А.* Санскритско-русский словарь: Около 30 000 слов / По ред. *В.И. Кальянова.* С приложением «Грамматического очерка санскрита» *А.А. Зализняка.* – 3-е изд. – М.: Академический Прекст; Альма Матер, 2005.

- Красухин К.Г.* Введение в индоевропейское языкознание: Курс лекций. – М.: Издательский центр «Академия», 2004.
- Кузнецов П.С.* Очерки по морфологии праславянского языка. Изд. 3-е, стер. – М.: КомКнига, 2006.
- Лампрехт А.* Несколько замечаний о развитии фонетической системы праславянского языка // Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. Roč. 5. – Brno, 1956.
- Латинско-русский словарь / Составили *И.Х. Дворецкий* и *Д.Н. Корольков*; Под общей ред. *С.И. Соболевского* [около 40 000 слов]. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1949.
- Лескинъ А.* Грамматика древнеболгарскаго (древнецерковнославянскаго) языка. – Казань: Маркеловъ и Шароновъ, 1915.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. *В.Н. Ярцевой*. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Мартынов В.В.* Славянская и индоевропейская аккомодация. – Минск, 1968.
- Маслова В.А.* История праславянской фонологии. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2005.
- Матвеева-Исаева Л.В.* Лекции по старославянскому языку. – Л., 1958.
- Мейе А.* Общеславянский язык. – М., 1951.
- Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков: Пер. с фр. / Под ред. и с прим. *Р.О. Шор*. Изд. 4-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007.
- Дж. Грешем Мейчен.* Учебник греческого языка Нового Завета. – М.: Российское Библейское общество, 1994.
- Миროнова Т.Л.* Проблемы эволюции графико-орфографических систем древнеславянского книжного наследия. – М., 1999.
- Нахтигал Р.* Славянские языки / Под ред. и с предисловием С.Б. Бернштейна. – М.: Издательство иностранной литературы, 1963.
- Нерознак В.П.* Палеобалканские языки. – М., 1978.
- Нидерле Л.* Славянские древности. – М., 2000.
- Новикова А.С.* Старославянский язык: Тексты, упражнения, словарь. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Новикова А.С.* Старославянский язык: Фундаментальный курс авторизованного изложения. – М.: Московский экстерный гуманитарный университет, 1993.
- Новое в лингвистике. Вып. 1. – М., 1960.
- Отрембский Я.С.* Славяно-балтийское языковое единство // Вопросы языкознания, 1954, № 5.
- Плетнева А.А., Кравецкий А.Г.* Церковно-славянский язык: Для общеобразоват. учеб. заведений гуманит. профиля, светских и духовных гимназий, лицеев, воскресных шк. и самообразования / Научн. ред. *В.М. Живов*. – М.: Просвещение: Учеб. лит., 1996; дополн. изд. М.: РОПОО «Древо добра», 2001.
- Повесть временных лет. – СПб., 1996.
- Полный православный богословский энциклопедический словарь. В 2 тт. – СПб.: Изд-во П.П. Сойкина [год не указан].
- Поржезинский В.К.* Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ. Введение. Общеславянской языкъ в свѣтѣ данныхъ сравнительно-

- исторической грамматики индоевропейских языков. 2-е изд. Вып. 1. – М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1916.
- Прокопий из Кесарии*. Война с готами. – М., 1950.
- Ранние цивилизации. – М., 1994.
- Ремнева М.Л., Савельев В.С., Филичев И.И.* Церковнославянский язык: Грамматика с текстами и словарем. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.
- Ремнева М.Л.* Старославянский язык: Учебное пособие. 2-е изд., испр. – М.: Академический проект, 2004.
- Русинов Н.Д.* Древнерусский язык. 3-е изд. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
- Русский язык: энциклопедия. – М., 1997.
- Рыбаков Б.А.* Мир истории. – М., 1984.
- Савченко А.Н.* Сравнительная грамматика индоевропейских языков. Изд. третье. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
- Свод древнейших письменных известий о славянах. В 2 томах / Под ред. Г.Г. Литаврина. – М., 1994.
- Седакова О.А.* Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославянско-русские паронимы. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2008.
- Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. – М., 1979.
- Седов В. В.* Славяне в древности. – М., 1994.
- Селищев А.М.* Старославянский язык. Часть первая. Введение. Фонетика. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1951.
- Селищев А.М.* Старославянский язык. Часть вторая. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1952.
- Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. – М.: Прогресс, 1980.
- Сказания о начале славянской письменности. – М.: Наука, 1981.
- Славянские языки / Под ред. *А.Г. Широковой, В.П. Гудкова*. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.
- Словарь старославянского языка = Slovník jazyka staroslověnského = Lexicon linguae palaeoslovenicae. В 4 томах. – СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006 [репринт «Словаря старославянского языка», издаваемого Чехословацкой, а затем Чешской Академией наук в период с 1966 по 1997 гг.].
- Соколянский А.А.* Введение в славянскую филологию. – М.: Издательский центр «Академия», 2004.
- Солопов А.И., Антонец Е.В.* Латинский язык: Учеб. пособие. – М.: Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009.
- Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков): Около 10 000 слов / Под ред. *Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой*. – М.: Русский язык, 1994.
- Старостин С.А.* Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тезисы докладов. Ч. 1. – М. 1989.
- Старчевский А.В.* Словарь древнего славянского языка. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1899.
- Сулейменов Олжас*. Аз и Я. – М.: Грифон М, 2005.

- Супрун А.Е., Калюта А.М.* Введение в славянскую филологию. – Минск: Вышэйшая школа, 1981.
- Супрун А.Е.* Введение в славянскую филологию. – Минск: Вышэйшая школа, 1989.
- Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. – М.: Наука, 1988.
- Топоров В.Н.* К реконструкции древнейшего состояния праславянского // Славянское языкознание. X международный съезд славистов. – М., 1988.
- Трубачев О.Н.* Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопросы языкознания. – 1982. – №4.
- Трубачев О.Н.* Славянская этимология и праславянская культура // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов (София, сентябрь 1988 г.). – М.: Наука, 1988.
- Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. – М., 1999.
- Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. – М.: Издательская группа «Прогресс-Универс», 1995.
- Усикова Р.П.* Македонский язык: Грамматический очерк, тексты для чтения с комментариями и словарем. – Скопје: Македонска книга, 1985.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. Изд. 3-е. – СПб.: Азбука, 1996.
- Федотов Г.П.* Славянский или русский язык в богослужении // Путь, № 57, 1938.
- Фортунатов Ф.Ф.* Избранные труды. Т. 1. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956.
- Фортунатов Ф.Ф.* Избранные труды. Т. 2. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957.
- Хабургаев Г.А.* Становление русского языка. – М., 1980.
- Хабургаев Г.А.* Старославянский язык. 2-е изд. – М.: Просвещение, 1984.
- Хабургаев Г.А.* Первые столетия славянской письменности и культуры: Истоки древнерусской книжности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
- Чедиа В.В.* Введение в славянскую филологию. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1990.
- Чекман В.Н.* Древнейшая балто-славо-иранская изоглосса (* s_{i-k} > *š) // Балто-славянские исследования. – 1980: Наука, 1981.
- Черных П.Я.* Происхождение русского литературного языка и письма. – М.: 1950.
- Шахматов А.А.* Исторический процесс образования русских племен и наречий // Введение в курс истории русского языка. – Петроград, 1916. – Ч. 1.
- Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы славянского племени. – Петроград, 1919.
- Шевелёва М.Н.* Старославянский язык: Методические указания для студентов филологических факультетов государственных университетов. Изд. 2-е, перер. и доп. – М.: Диалог-МГУ, 1997.
- Широкова А.В.* Фортунатовская концепция праязыкового диалектного континуума // Проблемы сравнительно-исторического языкознания в сопряжении с лингвистическим наследием Ф.Ф. Фортунатова: Те-

- сопряжении с лингвистическим наследием Ф.Ф. Фортунатова: Тезисы докладов. – М.: Диалог-МГУ, 1998.
- Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд. Вып. 1-26. – М.: Наука, 1974-1999.
- Якубинский Л.П.* История древнерусского языка. – М.: 1953.
- Aitzetmüller R.* Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. – Freiburg, 1978.
- Bartnicka B.* Adjektywizacja imiesłowów w języku polskim. – Warszawa, 1970.
- Brugmann K.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. II, 2. – Straßburg, 1909.
- Dini P. U.* Baltų kalbos. Lyginamoji istorija. – Vilnius, 2000.
- DUDEN – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. [Электронная версия 2000 года] PC-Bibliothek 2.01 mit Plus-Paket, Revision 10.
- Encyclopaedia Britannica 2002 Deluxe Edition CD-ROM.
- Jones D.* English Pronouncing Dictionary. 16th edition / Edited by *Peter Roach, James Hartman & Jane Setter*. – Cambridge University Press, 2003.
- Gebauer J.* Historická mluvnice jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování. – Praha: Nakladatelství CSAV, 1960.
- Holzer G.* Entlehnungen aus einer bisher unbekanntem indoeuropäischen Sprache im Urbaltischen and Urslavischen. – Wien, 1988.
- Horecký J.* Systém deverbativních adjektiv v slovanských jazycích // Československé přednášky pro VIII. mezinárodní sjezd slavistů. – Praha, 1973.
- Hujer O.* Slovanská deklinace jmenná. – Praha, 1910.
- Mallory J.P.* In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. – London: Thames & Hudson, 1989.
- Mallory J.P., Adams D.Q.* The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. – USA: Oxford University Press, 2006.
- Magnae Moraviae fontes historici. II. – Brno, 1967.
- Magnae Moraviae fontes historici. III. – Brno, 1969.
- Mikkola J.* Urslavische Grammatik. – Heidelberg, 1913.
- Mikkola J.* La question des syllabes ouvertes en slave commun // Revue des études slaves 1, 1921.
- Mladenov St.* Geschichte der bulgarischen Sprache. – Berlin; Leipzig, 1929.
- Ottova encyclopedie obecných vědomostí na CD-ROM. Aion CS, s.r.o. 1997.
- Orvidienė E.* Lietuvių kalbos vadovėlis. – Vilnius: Leidykla "Mintis", 1968.
- Pedersen H.* Das indogermanische *s* im Slavischen // Indogermanische Forschungen. Beide V. Heft 1 – Straßburg, 1895.
- Ramovš F.* Kratka zgodovina slovenskega jezika, I. – Ljubljana, 1936.
- Staročeská Bible Drážďanská a Olomoucká s částmi Bible Litoměřicko-třeboňské. Kritické vydání nejstaršího českého překladu bible ze 14. století. Vydal *Vladimír Kyas*. – Praha: Academia, 1985.
- Trubetzkoy N.S.* Éssai sur la chronologie de certains faits phonétiques du slave commun // Revue des études slaves, II, 1922.
- Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. II. Morphologie. 1e Partie. Flexion nominale. – Paris, 1958.